

ТОМ XXVII

ЖУРНАЛ

**СОЦИОЛОГИИ
И
СОЦИАЛЬНОЙ
АНТРОПОЛОГИИ**

**THE JOURNAL
OF SOCIOLOGY
AND
SOCIAL ANTHROPOLOGY**

№ 3

2024

**Федеральный социологический центр РАН
Фонд «Интерсоцис»**

**ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИИ
И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ**
2024. Том XXVII. № 3

Журнал основан в 1998 году

ISSN 1029-8053 (печатная версия)
ISSN 2306-6946 (электронная версия)
Журнал выходит 4 раза в год

**Санкт-Петербург
2024**

**Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences**

“Intersotsis” Foundation

**ZHURNAL SOTSIOLOGII
I SOTSIALNOY ANTROPOLOGII**

(The Journal of Sociology and Social Anthropology)

2024. Volume XXVII. No 3

Founded in 1998

ISSN 1029-8053 (print)

ISSN 2306-6946 (online)

Frequency: quarterly

**Saint Petersburg
2024**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Владимир Вячеславович Козловский (д. филос. н., профессор, Социологический институт ФНИСЦ РАН, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Александр Владимирович Тавровский (асс., СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ханс-Петер Блоссфельд (доктор социологии, профессор, зам. главного редактора, Бамбергский университет, Германия)

Асалхан Ользонович Бороноев (д. филос. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Руслан Геннадьевич Браславский (к. соц. н., зам. главного редактора, Социологический институт ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Майкл Буравой (PhD, профессор, Калифорнийский университет, Беркли, США)

Питер Вагнер (PhD, профессор, Барселонский университет, Испания)

Юрий Витальевич Веселов (д. соц. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Вадим Викторович Волков (PhD, д. соц. н., Европейский университет, Санкт-Петербург, Россия)

Ирина Андреевна Григорьева (д. соц. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Владимир Николаевич Давыдов (PhD, к. соц. н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Инна Феликсовна Девятко (д. соц. н., профессор, НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

Александр Владимирович Дука (к. соц. н., Социологический институт ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Елена Андреевна Здравомыслова (к. соц. н., профессор, Европейский университет, Санкт-Петербург, Россия)

Дмитрий Владиславович Иванов (д. соц. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Владимир Иванович Ильин (д. соц. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Маркку Кивинен (PhD, профессор, Хельсинки Университет, Финляндия)

Вольфганг Кнебель (Dr., профессор, Гамбургский институт социальных исследований, Германия)

Николай Николаевич Крадин (д. истор. н., профессор, чл.-кор. РАН, ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток, Россия)

Фредерик Лебарон (Dr., профессор, Высшая нормальная школа Париж-Сакле, Париж, Франция)

Елена Леонидовна Омельченко (д. соц. н., НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия)

Никита Евгеньевич Покровский (д. соц. н., профессор, НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

Николай Генрихович Скворцов (д. соц. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Йоран Тернборн (PhD, профессор социологии, Кембриджский университет, Великобритания)

Лариса Григорьевна Титаренко (д. соц. н., профессор, БГУ, Минск, Белоруссия)

Жанна Владимировна Чернова (д. соц. н., Социологический институт ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Елена Ростиславовна Ярская-Смирнова (д. соц. н., профессор, НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

© Интерсоцис, 2024

© Авторы материалов, статей, 2024

EDITOR

Vladimir Kozlovskiy (Dr., Prof., Saint Petersburg University; Sociological institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)

ASSISTANT EDITOR

Alexander Tavrovskiy (Saint Petersburg University, Russia)

EDITORIAL BOARD

Hans-Peter Blossfeld (Dr., Prof., Deputy Editor, University of Bamberg, Germany)

Asalkhan Boronoev (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)

Ruslan Braslavskiy (CSc., Deputy Editor, Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)

Michael Burawoy (PhD, Prof., University of California, Berkeley, USA)

Zhanna Chernova (Dr., Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)

Vladimir Davydov (PhD, CSc., Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), RAS, St. Petersburg, Russia)

Inna Deviatko (Dr., Prof., Higher School of Economics, Moscow, Russia)

Alexander Duka (CSc., Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)

Irina Eliseeva (Dr., Prof., Corr. Member of the RAS, Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)

Irina Grigoryeva (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)

Elena Iarskaia-Smirnova (Dr., Prof., Higher School of Economics, Moscow, Russia)

Vladimir Ilyin (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)

Dmitry Ivanov (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)

Markku Kivinen (Dr., Prof., University of Finland, Helsinki, Finland)

Wolfgang Knöbl (Dr., Prof., Hamburg Institute for Social Research, Germany)

Nikolay Kradin (Dr., Prof., Corr. Member of the RAS, Institute of history, archaeology and ethnography of the peoples of the far-east, Vladivostok, Russia)

Frédéric Lebaron (Dr., Prof., École normale supérieure Paris-Saclay, Paris, France)

Elena Omelchenko (Dr., Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia)

Nikita Pokrovsky (Dr., Prof., Higher School of Economics, Moscow, Russia)

Nikolay Skvortsov (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)

Larisa Titarenko (Dr., Prof., Belarusian State University, Minsk, Belarus)

Göran Therborn (PhD, Prof. Emeritus of Sociology, University of Cambridge, United Kingdom)

Yuriy Veselov (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)

Vadim Volkov (PhD, Dr., Prof., European University, St. Petersburg, Russia)

Peter Wagner (PhD, Prof., University of Barcelona, Spain)

Elena Zdravomyslova (CSc., Prof., European University, St. Petersburg, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

Социальная теория

- Плотичкина Н.В.* Теоретические модели
социально-цифрового неравенства (Э. Хелспер, И. Мариен):
сравнительный обзор 7

Социология семьи

- Гасюкова Е.Н., Коротаяев С.А., Туаршева Д.Я.* «На радость маме... и папе»:
как появление детей сказывается
на субъективном благополучии матерей и отцов? 39
- Курбатова Л.Н., Стегний В.Н., Тарасова Е.О.* Институционализация
гендерно-сексуальной и репродуктивно-супружеской культуры
как отражение трансформации семьи и брака 65

Социология политики

- Коротаяев А.В., Мусиева Дж.М., Жданов А.И.* Количественный анализ
социально-демографических факторов революционной
дестабилизации: результаты и перспективы 106

Социология коммуникации

- Казун А.* Смотреть нельзя игнорировать: какому контенту
(не)готовы уделять внимание люди, избегающие новостей? 146
- Богомяжкова Е.С., Харманская Э.Ю.* Социальные сети как фреймы:
анализ пользовательского опыта 146

Социология профессий

- Попов Д.С., Григорьева Е.А., Шестакова Д.А.* Факторы устойчивости
профессии учителя в период трансформаций
на фоне пандемии COVID-19 196
- Колесникова Е.М., Куденко И.А.* Воспитатель-мужчина детского сада:
кейс-стади общественного и профессионального дискурсов
1980-х годов в СССР 216

Рецензии

- Трегубова Н.Д., Старииков В.С.* Можно ли войти в одну реку дважды?
Рецензия на книгу: Norkus Z. (2023) The Great Restoration:
Post-Communist Transformations from the Viewpoint
of Comparative Historical Sociology of Restorations.
Leiden; Boston: Brill 250

CONTENTS

Social Theory

- Natalia Plotichkina*. Theoretical Models of Digital Inequality
(E. Helsper, I. Mariën): Comparative Review 7

Sociology of the Family

- Elena N. Gasiukova, Sergey A. Korotaev, Dana Y. Tuarsheva*.
“For the Joy of Mom... and Dad”: How does a Childbirth Affect
the Subjective Well-Being of Mothers and Fathers 39
- Lyudmila N. Kurbatova, Vasily N. Stegny, Ekaterina O. Tarasova*.
Institutionalization of Gender-Sexual and Reproductive-Marital Culture
as a Reflection of Family and Marriage Transformation 65

Political Sociology

- Andrey Korotayev, Jamilya Musieva, Andrey Zhdanov*. Quantitative Analysis
of Socio-Demographic Factors of Revolutionary Destabilization:
Results and Prospects 106

Sociology of Communication

- Anastasia Kazun*. To Watch or to Ignore: What kind of Content
are News Avoiders (Un)Ready to Consume? 146
- Elena Bogomyagkova, Elina Kharmanskaya*. Social Networks as Frames:
User Experience Analysis 168

Sociology of Professions

- Dmitry Popov, Ekaterina Grigoryeva, Daria Shestakova*. Sustainability
of the High School Teaching Profession in Russia:
Case Study amid the COVID–19 Pandemic 196
- Elena Kolesnikova, Irina Kudenko*. Male Educators in Pre-School Education:
A Case Study of Public and Professional Discourse
in the 1980’s in the USSR 216

Book Review

- Natalia D. Tregubova, Valentin S. Starikov*. Is it Possible to Step
into The Same River Twice? Book Review: Norkus Z. The Great Restoration:
Post-Communist Transformations from the Viewpoint
of Comparative Historical Sociology of Restorations.
Leiden; Boston: Brill, 2023 250

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНО-ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА (Э. ХЕЛСПЕР, И. МАРИЕН): СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР

Наталья Викторовна Плотицкина (oochronos@mail.ru)

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

Цитирование: Плотицкина Н.В. (2024) Теоретические модели социально-цифрового неравенства (Э. Хелспер, И. Мариен): сравнительный обзор. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(3): 7–38.

<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.3.1>. EDN: GKOUUQ

Аннотация. Статья фокусируется на объяснительных схемах, исследовательской логике, эвристических возможностях модели корреляции онлайн- и офлайн-полей эксклюзии (Э. Хелспер) и модели континуума социально-цифрового неравенства, профилирования групп риска цифровой изоляции (И. Мариен, Л. Ван Оденхоув, А. Асмар) в экспликации трехуровневого конструкта цифрового разрыва. Показано, что современные исследования цифровой инклюзии опираются на классические социологические концептуализации неравенства Э. Гидденса, П. Бурдьё, возможностный подход А. Сена, интерсекциональную теорию К. Креншоу. В основе моделей Э. Хелспер и бельгийских исследователей — идея взаимосвязи социальной и цифровой изоляции, реинтерпретация бурдьёвистских категорий «поле», «ресурс», «капитал». Согласно Э. Хелспер, поля эксклюзии дифференцируются по объему ресурсов, автономны, но взаимосвязаны, фреймируют индивидуальные действия. Операционализация понятия личных ресурсов в аналитическую модель полей эксклюзии позволяет Э. Хелспер учитывать свободу выбора индивида в конструировании онлайн-практик. Социально-цифровое неравенство характеризуется как неравенство ресурсов и возможностей. Модель Э. Хелспер опирается на теорию структуризации Э. Гидденса в понимании связи между социотехнической структурой и действием пользователей. Раскрыт эвристический потенциал возможностного подхода в экспликации цифровой инклюзии. Бельгийская модель опирается на аналитический конструкт Э. Хелспер, фокусируясь на установлении факторов риска эксклюзии, релевантных ресурсам индивида. Цифровое неравенство интерпретируется как континуум, спектр позиций на шкале от глубокой эксклюзии до глубокой инклюзии. В модели И. Мариен и соавторов выделены восемь профилей (не)пользователей, определены социальные и цифровые предикторы неравенства, подчеркнута динамичность и процессуальность цифровых интеграции и изоляции. Модель показывает, что социально и экономически уязвимые группы могут быть активными пользователями онлайн-технологий. Выявлены отличия модели континуума социального и цифрового неравенства от концептуального конструкта Э. Хелспер: вместо посредников

взаимного влияния онлайн- и офлайн-полей эксклюзии предложены индикаторы риска изоляции, установлены прямые и косвенные причинно-следственные связи между детерминантами социальной и цифровой эксклюзии. В заключении сделан вывод о целесообразности использования моделей в исследовании третьего уровня цифрового неравенства.

Ключевые слова: цифровой разрыв, цифровое неравенство, социальное неравенство, цифровая инклюзия, цифровая эксклюзия, теория структуризации, структуралистский конструктивизм, Э. Хелспер, И. Мариен.

В научном дискурсе цифровая инклюзия интерпретируется как результат комбинации трех уровней digital-неравенства, что расширяет сферу исследований за пределы социально-экономического статуса и социально-демографического бэкграунда как основных источников цифровой инклюзии/эксклюзии. Метафора «стека цифрового неравенства» (Robinson et al. 2020) предполагает, что все слои в стеке (доступ, навыки, использование) взаимозависимы. Кроме того, метафорический конструкт выдвигает на первый план рекурсивную петлю социального и цифрового неравенства: digital-разрыв усиливает социальную дифференциацию. Вместе с тем офлайновые социальные структуры и практики влияют на способность людей использовать цифровые технологии в качестве инструмента социальной инклюзии.

Как отмечает Д. Кальдерон Гомес, несмотря на значительное число эмпирических работ, одна из проблем изучения digital-неравенства связана с дефицитом теоретической рефлексии взаимосвязи цифрового разрыва с общими механизмами социальной стратификации (в качестве исключения упоминается модель Э. Хелспер) (Calderon Gomez 2020: 2535). Хотя digital-эксклюзия признается многогранным явлением, исследователи часто упрощают картину, считая, что низкий объем социальных, экономических ресурсов автоматически предполагает невключенность индивида в сетевое общество. В соответствии с этим для понимания digital-неравенства необходимы новые *интерсекциональные* знания о коррелирующих социальных позициях пользователей в цифровом пространстве (Merisalo, Makkonen 2022: 232). В свете недавних исследований третьего уровня digital-неравенства возникает потребность в измерении и объяснении социальных, экономических, политических, культурных и личных последствий, ощутимых преимуществ применения web-ресурсов.

Демонстрация эмпирических возможностей изучения digital-разрыва требует опоры на базовые социологические концептуализации неравенства, когда исследовательская оптика интегрирует digital-неравенство

в социальную структуру, выявляет констелляцию digital-экслюзии и общих механизмов социального расслоения. В теоретических построениях взаимосвязь между индивидуальными digital-практиками и социальными возможностями интерпретируется на основе ресурсов социологии повседневности, представители которой пытаются преодолеть классическую дихотомию субъективного и объективного, структуры и действия. Аналитики digital-неравенства апеллируют к конструктивистскому структуризму П. Бурдьё (Helsper 2021; Calderon Gomez 2020; Ignatow, Robinson 2017; Ragnedda, Ruiu, Addeo 2022), концепту структуризации Э. Гидденса (Helsper 2021; Neves, Waycott, Malta 2018), морфогенетическому подходу М. Арчер (Eynon 2023), отдавая приоритет структурному контексту или практическому действию, признавая деятельность и структуру либо утверждая неразличимость социологических категорий.

Цель статьи — описать концептуальные модели континуума цифрового и социального неравенства (И. Мариен, Л. Ван Оденхоув, А. Асмар) и корреляции онлайн- и офлайн-полей экслюзии (Э. Хелспер), эксплицировать аналитическую схему, оптику и логику исследования, свойственную моделям, выявить потенциал этой логики в изучении трехуровневого digital-неравенства.

Выбор указанных моделей обусловлен непредставленностью/периферийностью аналитических конструктов в российском научном дискурсе, отсутствием отечественных работ, в которых бы детально рассматривались концепты социально-цифрового неравенства Э. Хелспер, И. Мариен, Л. Ван Оденхоува, А. Асмар, фокусировкой моделей на выявлении корреляции между механизмами социальной и цифровой (экс)инклюзии, преемственностью между моделями (профилирование цифровых (ин)экслюзантов осуществляется бельгийскими авторами с учетом подхода Э. Хелспер). Показательно и то, что исследователи активно используют широкую категорию «цифровой инклюзии/экслюзии», учитывая влияние нетехнических (социальных, политических, культурных) факторов на digital-практики пользователей. Кроме того, моделям свойственен значительный эвристический потенциал в изучении трех уровней цифрового неравенства. Отметим также, что модели отчасти преодолевают дефицит исследований в сфере *интерсекционального digital-неравенства*. Так, И. Мариен, Л. Ван Оденхоув, А. Асмар предлагают модель цифровой интеграции с восемью профилями, которые демонстрируют динамическое взаимодействие различных факторов в создании механизмов включения-исключения для *уязвимых* групп населения. Концепт Э. Хелспер выделяется на фоне остальных работ в сфере digital-неравенства своей междисциплинарностью, методологическим синтезом теорий поля, капитала,

габитуса П. Бурдьё, структуриации Э. Гидденса, интерсекциональности К. Креншоу, возможностного подхода А. Сена. Социологи теоретизируют «цифровое», опираясь на П. Бурдьё, зачастую фокусируясь на отдельных аспектах: габитусе или капитале. И при этом в их логических рассуждениях часто возникает апелляция к работам Э. Хелспер, что стимулировало наш научный интерес к аналитическим разработкам британской исследовательницы.

**Э. Хелспер: модель корреляции
онлайн- и офлайн-полей эксклюзии,
социально-цифрового неравенства ресурсов и возможностей**

Э. Хелспер рассматривает цифровую инклюзию как встроенную в офлайн-обстоятельства индивида (Helsper 2012: 405), поэтому исследование digital-интеграции основано на предшествующем анализе социальной изоляции. Хелспер предпочитает категорию «социально-цифровое неравенство», подразумевая различия в способностях и возможностях людей выгодно использовать digital-технологии, избегать негативных результатов цифровых взаимодействий (Helsper 2021: 28, 44). Термин придуман намеренно во избежание техно- и социодетерминизма. Кроме того, «использование технологий» заменяется «цифровым взаимодействием», включающим отказ от применения digital-ресурсов. Для Э. Хелспер digital-неравенство — это неравенство ресурсов и возможностей, обусловленное повседневными процессами социализации на мезоуровне (Helsper 2021: 8, 13).

Концептуализируя понятие «поля», Хелспер опирается на теоретизирование традиционного неравенства в форме капитала П. Бурдьё, «возможностный подход» А. Сена, типологизацию форм доступа Я. ван Дейка (Helsper 2012: 405; Helsper 2021: 10). Бурдьевистская категория «капитала», интерпретируемая как ресурсные источники различных форм власти, определяющие шансы на выигрыш в поле (Sallaz, Zavisca 2007: 23), замещается понятием «ресурсы», предоставляющим возможность моделировать процессы приращения и конвертации активов в условиях доступа к IT-инфраструктуре (Helsper 2008: 18). Ресурсы интерпретируются как индикаторы, позволяющие логически операционализировать офлайн- и онлайн-поля эксклюзии (по Бурдьё, капиталы лежат в основе не классовой структуры, а полей, при этом практики владельцев капиталов определяют динамику пространства) (Savage, Warde, Devine 2005: 42).

Для Хелспер методологическая сложность включения бурдьевистского термина «капитал» в объяснительные схемы изучения трехуровневой модели digital-неравенства заключена в его аналитической связке с кате-

горией «класса»: объем и структура «капитала» определяют иерархию позиций агентов в социальном пространстве, процессы структурирования поля, механизмы передачи позиций в социальном пространстве. По Бурдьё, вопрос о том, к какому классу принадлежит индивид, превращается в вопрос о виде, объеме и структуре капиталов, которыми он обладает, т.е. классы существуют как социальные образования, «кристаллизующие» определенную комбинацию капиталов, при этом класс можно рассматривать как продукт индивидуальной деятельности (Savage, Warde, Devine 2005: 39).

Отказываясь от «капиталистической» терминологии, Хелспер предлагает коннотацию «ресурсов» как «вместилища» средств, которые можно использовать для достижения определенных *результатов* (Helsper 2021: 11). То есть ресурсы существуют не только в объективированном состоянии (то, чем мы владеем), их применение позволяет получить «видимые» результаты, социальные преимущества. В рамках подобной логики (ресурс как источник преимуществ) можно анализировать *третий уровень digital-неравенства*, для исследования которого предложено новое измерение digital-результатов, которое выявляет типы ресурсов/капиталов, получаемых людьми в онлайн-реальности и воплощаемых в офлайн-мире.

Такая концептуальная установка признает способность акторов мобилизовать ресурсы для достижения целей. Хелспер фокусируется на индивиде, обладающем ресурсами и осуществляющем позиционную борьбу в рамках социального пространства. Термин «ресурсы» позволяет Хелспер с опорой на возможностный подход исследовать неравенство в ходе использования web-технологий в повседневном контексте. Бурдьё выделяет три формы капитала, однако, как отмечает Хелспер, упускает из виду приватные сферы воспроизводства неравенства, поэтому исследовательница вводит в свою теоретическую модель категорию личных ресурсов (Helsper 2021: 22).

Аналитики, придерживающиеся теоретических интенций П. Бурдьё в изучении цифрового разрыва, сталкиваются с разными методологическими трудностями, например со сложностью выявления границ поля, определения того, где заканчивается действие его эффектов (Grenfell 2008: 78–79). Сам Бурдьё пишет о том, что поддержание порядка в поле предполагает институционализацию его границ. Соперничество агентов за доступ в поле неизбежно принимает форму борьбы за навязывание дефиниций условий принадлежности к полю, определяющих поле как такое, и зачастую подобным дефинициям свойственна *семантическая расплывчатость* (Бурдьё 2005: 379–380). Теория поля П. Бурдьё обычно предполагает несколько уровней анализа: экспликацию позиции специфици-

ческого поля внутри поля власти, внутренней структуры специфического поля, габитуса занимающих позиции социальных агентов. К примеру, в ходе анализа образования исследовательская оптика может фокусироваться на полях власти, высшего образования, дисциплины, университета, факультета, школы.

Согласно Бурдьё, поле можно определить как сеть взаимодействующих социальных агентов, габитус которых представляет собой перенос объективных структур поля в субъективные структуры действий и мыслей. Бурдьёвистская трактовка поля как сети или конфигурации отношений между позициями кажется Э. Хелспер расплывчатой, порождает «аналитическую путаницу» (Helsper 2021: 15), когда в качестве поля могут выступать различные явления: страна, город, школа, мир в целом, семья и т.д. Иными словами, всеохватность пространственной метафоры осложняет процессы различения того, что же является «полем». В этой связи «поля» рассматриваются Хелспер в качестве отдельных сфер влияния в повседневной жизни, которые фреймируют индивидуальные действия (Helsper 2012: 404).

По Бурдьё, каждое поле продуцирует свою форму *illusio* и, действуя как пространство игры, предлагает систему объективных возможностей, в которой реализуются габитусы, но структура и эффекты поля как надындивидуальной реальности, обладающей силой принуждения, ограничивают возможности и гамму выбора агентов (Бурдьё 2005: 140, 388, 401). При этом агенты могут быть заинтересованы в реализации своего репертуара шансов. В условиях слабо институционализированного поля индивид, достаточно независимый от ограничений структуры, в соответствии с габитусом и позицией может демонстрировать свободную игру (Бурдьё 2005: 398, 437). Агенты у Бурдьё не являются запрограммированными автоматами, скорее практики есть продукт *бессознательного отношения* между полем и габитусом, результат связи между позицией в поле (объемом и структурой капитала) и диспозициями (габитусом), так называемым соответствующим видением данной позиции, в рамках текущего состояния игры в социальном пространстве (поле). Формально Бурдьё резюмирует это соотношение в следующем уравнении: $[(\text{габитус}) \times (\text{капитал})] + \text{поле} = \text{практика}$ (Grenfell 2008: 51).

Хелспер оценивает бурдьёвистскую формулу социальной практики как фиксированную и структурированную, когда устойчивость диспозиций габитуса указывает на то, что индивидам сложно изменить свое социальное положение. Однако в работах Бурдьё есть свидетельства способности агентов проектировать *траектории*, которые могут изменить социальную позицию и повлиять на социальные практики (McGillivray, Mahon 2021: 203).

И здесь вопрос состоит в том, насколько свобода маневра позволяет агенту трансформировать потенциально присутствующие в позициях возможности в устойчивые результаты? Согласно Бурдье, структуры власти и класса препятствуют подобной трансформации, что происходит вследствие формирования габитуса, способствующего интернализации классовой позиции в социальном пространстве. Габитус структурирован определенным *классом* условий производства (семейное воспитание, образовательный опыт и т.д.), продуцирует убеждения, представления, практики, лимитированные объективными обстоятельствами конструирования габитуса и в силу этого обретающие упорядоченность и понятность. Реакции и продукты габитуса выявляются вне расчета и соотнесения с *объективными возможностями* (Бурдье 2001: 103–106). Последнее обусловлено гомогенизацией классового габитуса, позволяющей в «типичных» обстоятельствах достигнуть предсказуемости, тождества практик представителей одного класса без обращения к сознательному размышлению о правилах или оценках результатов. Иными словами, Бурдье фокусируется на том, как организация различных полей позволяет агентам господствовать, как социальные системы иерархии сохраняются и воспроизводятся из поколения в поколение вне мощного сопротивления их участников.

Э. Хелспер же заимствует *интерсекциональный* подход из феминистских исследований (К. Креншоу) для изучения повседневных практик индивидов, направленных на воспроизведение или *сопротивление, оспаривание* социально-цифрового неравенства, т.е. политику неравенства *снизу вверх*. Теория интерсекциональности побуждает исследователей digital-технологий выходить за рамки «одноосной» модели изучения цифровой эксклюзии/ инклюзии (например, за пределы классовой модели неравенства), учитывать в своем анализе социальное позиционирование индивидов в рамках нескольких гегемоний, иерархий и систем власти (Zheng, Walsham 2021), интегрировать макрообъяснения с микроинтерпретациями неравенства путем анализа повседневных контекстов. При этом digital-неравенство характеризуется как относительное и *субъективное*, значимое для отдельных лиц (Helsper 2021: 8–9).

По сути, Э. Хелспер стремится выйти за пределы бурдьевистской трактовки неравенства как неравенства распределения ресурсов, дополняя теорию капитала П. Бурдье *возможностным подходом* А. Сена (Helsper 2021: 13), сосредоточенным на целях, свободах, способствующих достижению целей, а не на средствах (доходах, богатстве), многомерности предикторов (не)преимуществ, признании ценности свободы, эксплицируемой как *возможность*, ведущая к обретению значимых *результатов*, желаемого образа жизни, к осуществлению того, что человек полагает ценным

(Сен 2004: 34, 73). В конечном итоге неравенство понимается Хелспер как *неравенство ресурсов и возможностей*, и модель корреляции онлайн- и офлайн-полей эксклюзии — это модель социально-цифрового неравенства в цифровых возможностях и результатах (Helsper 2021: 16, 180). При этом неравенство ресурсов нередко значительно отличается от неравенства достижений (Сен 2004: 114, 130). Так, Хелспер подчеркивает, что равенство цифровых возможностей (одинаковый доступ, навыки, использование) не ведет к равенству результатов (Helsper 2021: 181).

Возможностный подход расширяет спектр рассматриваемых форм неравенства, предлагает основу для изучения неэкономических ресурсов власти, показывает, что не всем неравенствам свойственно классовое измерение, фокусируется на горизонтальных дифференциациях. Возможности предпочтительнее ресурсов (доход) в качестве показателя благосостояния и качества жизни, поскольку ресурсы с разной скоростью конвертируются в индивидуальные преимущества в зависимости от личных и социальных обстоятельств (Burchardt, Hick 2018: 44; Сен 2004: 88–90). В соответствии с логикой подхода ресурсы могут быть преобразованы в возможности (свобода обретения благополучия), а затем в функции (значимые действия по достижению благополучия) (Сен 2004: 93). Идея Хелспер о необходимости внутренней мотивации к digital-взаимодействию коррелирует с возможностным подходом. Однако, в отличие от Сена, Хелспер постулирует необходимость нормативных дебатов в условиях, когда свобода выбора приводит к усилению неравенства, неиспользованию цифровых возможностей социально и экономически уязвимыми группами (Helsper 2021: 43).

Сен и Бурдые исследуют отношения между *agency* и *структурализмом* с целью концептуализации источников неравенства. Для Сена забота о возможностях — это, по сути, забота о свободе благополучия и свободе действий. Сен подчеркивает важность преимуществ, представляющих ограничения выбора людей, но недооценивает влияние социальных структур на продуцирование неравенства, транспонирование способностей в результат. Бурдые, в свою очередь, проблематизирует идею выбора, рассматривая свободу действий как частично социально сконструированную («габитус») и действующую в рамках социальных структур («полей»), которые ограничивают эту свободу действий и воспроизводят неравенства. В целом понятие «поля» Бурдые полезно для концептуализации *факторов конверсии* ресурсов, а затем возможностей в желаемое функционирование.

Возможностный подход имеет ряд ограничений: отсутствие четкого перечня возможностей, сложность экспликации (не)преимуществ, не

совпадающих с подробным списком ресурсов, нормативно определяемых элитой, нивелирование значимости структурного неравенства (Burchardt, Nick 2018). Поэтому экономические ресурсы вкупе с возможностями должны быть интегрированы в широкое понимание неравенства для разработки государственной политики по сокращению digital-разрыва (Сен 2004: 37, 100). При этом проблема неравенства решается путем предоставления возможностей и ресурсов для установления равенства результатов. Как показывает Хелспер, неравенство в результатах использования digital-технологий сохраняется между людьми из *разных слоев* общества при одинаковых уровнях индивидуальной мотивации, доступа, навыков и использования. Это означает, что обеспечение равенства цифровых возможностей необходимо, но недостаточно для смягчения социального разрыва. Интерсекциональная линза ориентирует на преодоление иных неравенств (Helsper 2021: 16, 185).

По Хелспер, поля эксклюзии существуют онлайн и офлайн, дифференцируются по характеру и объему имеющихся в них экономических, культурных, социальных и личных ресурсов. Индивиды имеют доступ к ресурсам, но необязательно ими владеют. Ресурсы в пределах одного поля более тесно связаны друг с другом, чем с ресурсами в других полях; связи между релевантными полями сильнее, чем между несоответствующими полями (Helsper 2012: 409, 416, 417). Аналитический конструкт Хелспер сфокусирован не на структуральных параметрах социальных систем, экспликации социальной структуры поля, в котором активируются ресурсы, в центре исследовательской оптики — ресурсы и индивид, встроенный в различные (пересекающиеся) поля, как «локус» (ключевая точка) концентрации ресурсов (Van Deursen, Helsper 2018: 2337). Каждому полю свойственна своя комбинация ресурсов, которые могут быть поразному задействованы в зависимости от контекста. Ресурсы не ограничены социальными структурами (ср. с экспликацией П. Бурдьё «габитуса» как продукта социальных полей, когда поле структурирует габитус), включают психологические ресурсы, которые отличны от экономических и культурных активов и не зависят от них. По Бурдьё, социальная идентичность предполагает право на легитимные возможности (Бурдьё 2005: 440). Э. Хелспер разрабатывает гибкую модель идентичности, объединяя личностные и психологические составляющие, концептуально дифференцируя их от социально сконструированных категорий класса, возраста, гендера, расы и т.д.

Поля обособлены, обладают автономной историей, детерминирующей правила и ставки, концептуально различны, но вместе с тем взаимосвязаны в силу лежащих в их основе властных структур, концентрирующих

(не)преимущества в социальных группах (Van Deursen, Helsper 2018: 2335). Вводятся в действие контекстуальные факторы (социально-экономические — на макроуровне, индивидуально-психологические — на микроуровне), дифференцируются публичные и частные поля влияния (Helsper 2012: 405).

Итак, действуют четыре поля онлайн-экслюзии, объединяющие экономические, культурные, социальные и личные ресурсы (Helsper 2012: 404–405). Низкий уровень экономических ресурсов офлайн-поля (доход, занятость, *образование*, доступ к финансовым услугам) приводит к бедности, безработице. Культурные ресурсы (возрастная, гендерная, этническая, религиозная идентичность) интерпретируются в разрезе принадлежности к определенным социокультурным группам. Накопление инкорпорированных культурных ресурсов связано с навыками социализации (Helsper 2021: 11). Индивиды, обладающие «правильным» набором культурных ресурсов, способны конструировать представления других о себе. В трактовке Э. Хелспер, придерживающейся интерпретации социального капитала Р. Патнэма (членство в общественных организациях, доверие социальным институтам), социальные ресурсы отражают степень включенности в сети социальных связей, которые дают доступ к знаниям и поддержке, формируют гражданское и политическое участие индивидов (Van Deursen, Helsper 2018: 2336). Личные ресурсы микроуровня включают интеллект, психологическое, физическое здоровье, благополучие человека, способности использовать новые возможности для решения проблем (Helsper 2021: 11, 29; Scheerder, van Deursen, van Dijk 2020).

Э. Хелспер выделила два типа причинно-следственных связей: от офлайн-полей социальной инклюзии к онлайн-полям digital-инклюзии, конституируемым посредниками социального воздействия (доступ, навыки, мотивация); от цифровых полей к офлайн-полям, определяемым проводниками digital-влияния (параметры цифрового взаимодействия: значимость/полезность, опыт, устойчивость, самостоятельность (автономность) — *agency*) (Helsper 2012: 411, 415). Именно здесь модель Э. Хелспер отличается от иных аналитических рамок, которые часто рассматривают посредников в качестве индикаторов цифровой инклюзии (доступ, навыки, мотивация), тем самым игнорируя ресурсы в различных полях digital-экслюзии (Helsper 2012: 410, 415).

Аналитические интенции Э. Гидденса, обнаружившего растворимость структуры в действии, воспроизведены Э. Хелспер в кодификации проводников влияния офлайн-поля на онлайн-поле экслюзии: доступ (*structure*), навыки (*structure*), мотивация к использованию ИКТ (отношение

к web-технологиям) (*agency*). Включение индивида в онлайн- и офлайн-поля эксклюзии осуществляется через промежуточные механизмы личностного поля (*agency*), позволяющего выявлять процессы индивидуализации социальной структуры, разные варианты digital-поведения, (не) использования web-ресурсов в сходных условиях. Апеллируя к «подходу с точки зрения возможностей» А. Сена, Хелспер указывает на свободу цифрового выбора (не)пользователя (*agency*) (Helsper 2008:19).

Опирируя категорией «личных ресурсов», Хелспер фиксирует расширение структуры возможностей пользователей, когда преимущества от применения web-технологий — это не просто результат внешних сил. Человек может проявлять свободу воли (Гидденс 2018), чтобы получить новые жизненные шансы независимо от социально-экономического и культурного бэкграунда (Helsper 2012: 409). Цифровое взаимодействие субъектов интегрирует макроэлементы социальных структур и микроуровни индивидуальных возможностей. Подобная аналитическая установка согласуется с концептом Э. Гидденса: человек обладает врожденной способностью преобразовывать внешнюю среду по своему усмотрению в определенных социальных контекстах, и он может воспользоваться новыми возможностями, которые улучшат его благополучие. В итоге модель Хелспер охватывает три измерения цифрового неравенства (доступ, IT-компетенции, результаты), теоретическая линза направлена на digital-дивиденды, получаемые пользователями в ходе эксплуатации web-технологий в офлайн-поле, при этом подчеркивается прозрачность границ между офлайн- и онлайн-пространством (Helsper 2012: 410).

Именно теория структуризации Гидденса (а не концепт Бурдьё) позволяет Хелспер обосновать, что digital-неравенство может *трансформироваться* в результате действия, реализуемого в рамках структуральных ограничений, в контексте давления/принуждения социальных структур (Helsper 2021: 16). По сути, использование цифровых технологий — это *рефлексивное усилие* (Livingstone, Helsper 2007), которое зависит от социотехнических структур и субъективной интерпретации пользователей, способностей индивидов использовать технологические возможности. Это согласуется с концептом структуризации, в соответствии с которым структура воплощена в когнитивных импринтах акторов, является продуктом деятельности субъектов, средством и результатом воспроизводства социальных практик, отпечатком памяти в сознании людей. Э. Гидденс подчеркивает, что деятельность коррелирует со способностью актора изменить ситуацию (Гидденс 2018: 56). Стратификационная модель деятеля (рефлексивный мониторинг, рационализация и мотивация повседневного поведения) предоставляет аналитическую линзу для понимания

действий индивида, который может повлиять на трансформацию социальных структур (Гидденс 2018: 43–45). Если заменить структуру цифровым неравенством, то неравенство будет движущей силой и результатом мыслей, действий индивидов.

Концепт структуриации предлагает три типа знаний агентов: *дискурсивное сознание* (речевые практики / высказывания акторов об условиях деятельности), *практическое сознание* (осведомленность субъектов о социальных условиях и правилах поведения в различных ситуациях), *бессознательное познание* (Jones, Karsten 2008: 133). Как отмечает Хелспер, агенты полагаются на знание структур, чтобы способствовать стабильному воспроизводству социальных систем либо противостоять структурам (Helsper 2021: 17). Цифровое неравенство продолжает существовать постольку, поскольку индивиды его поддерживают под влиянием «натурализирующих» публичных дискурсов, руководствуясь адаптивными предпочтениями. Идея концепта структуриации о наличии преднамеренных/непреднамеренных последствий действий вооружает Хелспер инструментом анализа третьего уровня digital-неравенства в результатах. По Гидденсу, три модальности служат артикулированию взаимодействия и структуры: интерпретативные схемы, нормативные элементы и ресурсы (Гидденс 2018: 77). Структура ограничивает действия людей, влияя на уровень компетентности деятелей, характер «постижения» акторами свойств окружающих социальных систем, условий системного производства/воспроизводства (Гидденс 2018: 149–151). В определенной ситуации осведомленные агенты проявляют способность понимать социальные условия деятельности, воспринимают структуры через их свойства, инициируют социальные практики, реализуют свободу воли.

Теория структуриации проникнута оптимистическим реализмом: структура — это не только ограничение действия, но и предоставление возможностей индивидам для конструирования «позитивного ощущения себя» (Гидденс 2018: 70, 183, 239, 247). Иными словами, структура взаимодействует с действием, делая возможными социальные изменения.

Теория структуриации Гидденса не дает аналитического понимания того, как могут быть оспорены практики и нормы индивидами. Растворимость структуры в действии затрудняет исследование неравенства как последовательного процесса, понимание того, в каких случаях индивиды способны изменить систему: либо структура как «распределение ресурсов по определенным правилам» предшествует действию, либо агенты, взаимодействующие со структурой, трансформируют систему. «Дуальность структуры» «колеблется» между *гиперактивностью действия*,

следствием которой является изменчивость общества, и жесткой когерентностью структуральных свойств, подразумевающей рекурсивность социальной жизни (Archer 2010: 229). Подобное «колебание» происходит из-за того, что Гидденс не дает ответа на вопросы: когда акторы могут трансформировать социальные условия (что предполагает указание степеней свободы) либо когда индивиды оказываются в ловушке репликации (что включает определение строгости ограничений) (Archer 2010: 231). Кроме того, не все агенты или структуры одинаковы, способность принимать независимые добровольные решения распределяется неравномерно.

В целом к достоинствам модели Э. Хелспер следует отнести фокусировку на ресурсах полей эксклюзии, учет влияния структуры и агенсу на социально-цифровое неравенство, использование параметра устойчивости digital-взаимодействия для оценки степени относительности инклюзии/эксклюзии, удобство операционализации модели в прикладных исследованиях. Модель не предполагает единой формы цифровой инклюзии и придерживается нормативной позиции, согласно которой взаимодействие с одним типом цифровых ресурсов не должно оцениваться выше, чем интеракция с другим (Helsper 2012: 410), не включает субъективные интерпретации и оценки индивидов собственного уровня digital-инклюзии, ориентирована на объективное исследование цифрового неравенства.

Модель содержит заранее определенное нормативное предположение о том, как должна выглядеть digital-инклюзия (культурное и политическое участие интерпретируются как норма), предлагает прямую «автоматическую» корреляцию полей эксклюзии: поля офлайн-ресурсов влияют прежде всего на соответствующие поля цифровых ресурсов (Helsper 2012: 411, 416). В этом смысле модель консервативна, поскольку предполагает, что отсутствие одного офлайн-актива приведет к недостатку релевантного digital-ресурса, что свидетельствует о самовоспроизводящемся цикле эксклюзии. Кроме того, «автоматическая» механическая связь между онлайн-полем и релевантным офлайн-полем влечет риск игнорирования или недооценки того, как различные поля взаимосвязаны и влияют друг на друга. Впрочем, как отмечает сама Хелспер, включение посредников между полями позволяет выдвигать гипотезы об исключениях/изменениях (Helsper 2012: 418), когда, например, социально и экономически благополучные группы не используют web-технологии. Появляются прикладные исследования взаимосвязи между низкостатусными группами и социальной инклюзией через призму достигнутых результатов цифровых взаимодействий (Eynon 2023; Ragnedda, Ruiu, Addeo 2022).

**И. Мариен, Л. Ван Оденхоув, А. Асмар:
модель континуума цифрового и социального неравенства,
профилирования цифровых (ин)экслюзантов**

Бельгийские исследователи разработали концептуальную модель цифрового неравенства, эксплицируя digital-неравенство как *континуум позиций*, индивидуальных реакций цифровых инклюзантов и экслюзантов на ситуацию неравномерного распределения онлайн-ресурсов (Asmar, Mariën, Van Audenhove 2022). Модель позволяет выявить степень, в которой различные (не)пользователи подвержены механизмам цифровой инклюзии/экслюзии. Авторы предложили *восемь профилей* цифрового неравенства с учетом социальных и цифровых предикторов digital-разрыва.

Модель континуума цифрового неравенства разрабатывалась в три этапа: выявление детерминант неравенства и соответствующих факторов риска экслюзии; установление прямых и косвенных причинно-следственных связей между цифровой и социальной изоляцией; переход от бинарной оппозиции цифровых экслюзантов/инклюзантов к идее цифрового неравенства как континуума, вдоль которого расположены (не)пользователи в соответствии с уровнем ресурсов и воздействием факторов риска экслюзии.

Исследовательская интенция авторов состоит в том, что взаимосвязь между социальным и цифровым неравенством не всегда однозначна: социально и экономически уязвимые группы могут быть интегрированы в digital-среду, а социально благополучные группы в равной степени исключены из цифрового общества (Anrijs, Mariën, De Marez, Ponnet 2023: 2). Стигматизация определенных социальных групп как уязвимых к процессам диджитализации продуцирует мифический конструкт о том, что население с социальным/экономическим капиталом успешно интегрировано в цифровое общество. Подобный подход не позволяет сфокусироваться на различиях внутри «онлайн-включенных» групп, потенциально подвергающих пользователей риску «быть исключенными» из digital-среды.

Авторы исходят из того, что индивиды равны в ситуации неопределенности и риска, однако вследствие обладания различным объемом активов (личных, социальных, экономических, политических, культурных) по-разному преодолевают состояние уязвимости и ущемленности (Mariën, Baelden 2015: 7). Типологизация ресурсов инклюзии осуществлялась с опорой на концепты П. Бурдые и Э. Хелспер (Бурдые 2001; Grenfell 2008; Helsper 2021).

Итак, существуют пять типов ресурсов, позволяющих объяснить констелляцию социальной и digital-инклюзии/экссклюзии (Asmar, Mariën, Van Audenhove 2022: 286). Концептуализация личных, культурных, экономических ресурсов в целом совпадает с трактовкой Э. Хелспер (табл. 1).

Таблица 1

Типологизация ресурсов (не)пользователей

Тип ресурса	Модель И. Мариен, Л. Ван Оденхоува, А. Асмар	Модель Э. Хелспер	Концепт П. Бурдьё
1	2	3	4
Личные	Индивидуальные качества, влияющие на способность человека применять цифровые технологии, а также обуславливающие его социальный статус (физическое и психическое здоровье, благополучие, личные ценности и установки, коммуникативные, когнитивные, мягкие навыки)	Физическое и психическое здоровье, благополучие, интеллект, способность использовать новые возможности для решения проблем, интересы (хобби, досуг), самореализация	–
Социальные	Включенность индивида в общество, социальные сети (состав семьи, сети социальной поддержки, социальные нормы)	Включенность индивида в социальные сети, политическое участие, взаимодействие с общественными организациями, семейное положение, чувство принадлежности к сообществу, удовлетворенность отношениями	Социальные обязательства, связи, принадлежность к группе
Культурные	Обусловлены персональным культурным бэкграундом индивида, полом, возрастом,	Идентичности (возрастная, гендерная, расовая, религиозная); принадлеж-	Существует в трех состояниях: инкорпорированном (языковая компетент-

Продолжение табл. 1

1	2	3	4
	этнической принадлежностью, грамотностью, культурными практиками и нормами	ность к социокультурным группам; вкус, ценности, нормы (символический капитал)	ность, манеры, культурные знания, ценности, уравниленность, вкус, стремление к признанию отличий и т.д.), объективированном (физическое владение культурными благами, картинами, книгами, скульптурами и т.д.) и институционализированном (образование; профессиональная сертификация; официальные степени, дипломы, выдаваемые образовательными учреждениями). Культурный капитал связывает институты, культурные произведения и отдельных агентов
Экономические	Активы, влияющие на финансовое положение индивида (занятость, доход, образование, профессиональная подготовка, финансовые навыки, экономические возможности)	Доход, занятость, образование, информационные и обучающие digital-ресурсы, дистанционное обучение, доступ к финансовым услугам	Денежные, финансовые ресурсы, собственность
Политические	Участие в процессе принятия политико-управленческих решений, нормативная база, регуляторная политика, инфраструктура госуслуг, социальные	Входят в состав социальных ресурсов	Символический капитал в сфере политики, тип капитала, за который конкурируют агенты, вовлеченные в данную сферу; власть поли-

Окончание табл. 1

1	2	3	4
	права (система социального обеспечения и здравоохранения), социально-пространственное неравенство (жилищные условия, транспортная доступность, уровень преступности), <i>аgеncy</i> (возможность свободно осуществлять выбор, в т.ч. цифровой, способность принимать самостоятельные решения, выявлять потребность и быть независимым)		тивов, проистекающая из доверия и символического признания, которые оказывают им последователи; два вида политического капитала: личный и делегированный
Символические	—	Вкус, ценности, нормы, входят в состав культурных ресурсов, сходны с инкорпорированным культурным капиталом П. Бурдьё	Воспринимаемые уровни статуса, престижа и авторитета, которыми обладают люди

В модели корреляции онлайн- и офлайн-полей эксклюзии политические активы встроены в социальные (Helsper 2012: 408); в модели континуума digital-разрыва фиксируется дифференциация социальных (семья, социальные поддержка и нормы) и политических (*участие* в процессе принятия политико-управленческих решений, *регуляторная политика*, инфраструктура госуслуг, социальные права, социально-пространственные возможности) ресурсов. Операционализация последних активов, по мнению И. Мариен и соавторов, позволяет выявить влияние социополитических *структур* на *аgеncy* пользователя. В модели британской исследовательницы *аgеncy* входит в структуру личных ресурсов. В отличие от аналитической фокусировки Э. Хелспер на офлайн и digital-полях, бельгийские эксперты более детально изучают связи между ресурсами.

В отличие от П. Бурдьё, бельгийские авторы, опираясь на подход Э. Хелспер, относят образование к экономическому ресурсу (ин)экслюзантов. В рамках бурдьёвистского концепта культурного воспроизводства образование, будучи *институционализированной* формой культурного капитала, способствует легитимации и продвижению системы ценностей, дискурса господствующего класса в условиях селективной элитарной модели обучения. Бурдьё позиционирует систему образования как проводника *символического насилия*, которое служит поддержанию статус-кво. Изучая классовую повседневную практику во Франции, Бурдьё показал, что *культурный капитал* является ключевым механизмом, посредством которого воспроизводится социальное и *образовательное* неравенство. Дети элитного класса наследуют от своих семей больший объем культурного капитала, чем дети из других классов, что, в свою очередь, помогает им получить высшее образование, продемонстрировать лучшие успехи в дальнейшей трудовой биографии. Британская исследовательница Э. Хелспер, отказываясь от «классовых» трактовок происхождения неравенства, придерживаясь возможностного подхода, обосновывает свою позицию тем, что интерпретация образования как экономического ресурса закреплена в международных документах. Кроме того, формальное образование способствует занятости и получению более высокого дохода. В менее социально иерархичных комплексных образовательных системах знания, навыки рассматриваются в первую очередь как экономический ресурс (Helsper 2021: 10). По сути, интерпретация Хелспер задана спецификой англосаксонской образовательной модели, которая придерживается инструментального подхода к образованию, отдавая приоритет развитию человеческого капитала как совокупности инвестиций в личные навыки и способности с целью получения прибыли, увеличивающей индивидуальное благосостояние наряду с общей экономической производительностью.

Интерпретация культурных ресурсов в моделях взаимосвязана с бурдьёвистским концептом *инкорпорированного* культурного капитала, который предполагает наличие правильных хобби, идеологических взглядов, пользующихся уважением в среде влиятельных людей, потребление определенных благ (Grenfell 2008: 106), т.е. нормы, ценности, виды деятельности, усвоенные в ходе социализации. Приобретение инкорпорированного культурного капитала тождественно формированию габитуса. В сетевом обществе цифровой габитус репрезентирует (помогает конструировать) социальный статус индивида, являющегося/стремящегося стать лидером мнений, влиятельным лицом (Merisalo, Makkonen 2022: 237). Кроме того, пользователь может демонстрировать включенность

в сообщества, потребление web-услуг/товаров и подобным образом реализовывать и усиливать свою позицию в глазах «других». В модели Э. Хелспер, основывающейся на теории *интерсекциональности*, культурные ресурсы определяют поведение внутри группы и придают смысл принадлежности к определенным сообществам. В состав ресурсов входят *идентичности* (возрастная, гендерная, расовая, религиозная) и *символический капитал* (вкусы, ценности, нормы), к примеру отраженный в digital-контенте, продуцируемом пользователями (Helsper 2021: 154). Подобная операционализация культурных ресурсов позволяет исследовать, как гендер, возраст, религия, этничность, престиж/авторитет, вкусы воспроизводят социально-цифровое неравенство в создании, продвижении и потреблении онлайн-контента (Helsper 2021: 153–154). Маргинализированные группы, подвергающиеся дискриминации, испытывающие трудности с идентификацией, с низким объемом символического капитала, обладают меньшим уровнем digital-ресурсов, способствующих успешным практикам самопрезентации и получению положительного признания «других» в цифровом обществе. В итоге ощутимые цифровые результаты будут связаны с обретением уважения, популярности и известности в digital-мире, чувства принадлежности к сетевым комьюнити. По Бурдье, символический капитал обозначает любую форму капитала, обладающую легитимным признанием, репутацией в рамках социального поля. Это также способность к продуцированию мнений и навязыванию оценок различных ресурсов иным агентам, к примеру, оценивание digital-контента в сетевом обществе. Идентичности могут выступать знаками социального престижа, и в этом смысле культурные ресурсы в аналитическом конструкте Э. Хелспер становятся разновидностью символического капитала в бурдьевистской интерпретации. В бельгийской модели посредством культурных ресурсов также выявляются практики использования digital-технологий, обусловленные полом, возрастом, этничностью, языком/грамотностью, культурными нормами (Asmar, Mariën, Van Audenhove 2022: 290–291).

Каждому типу ресурсов соответствует свой набор факторов риска, приводящих к состоянию социальной и цифровой эксклюзии (Mariën, Heyman, Saleminck, Van Audenhove 2016: 55). В ходе исследования динамического взаимодействия факторов риска, релевантных определенным типам ресурсов, была установлена *прямая* и *косвенная* корреляция цифровой и социальной эксклюзии, что имело следствием разработку расширенной классификации детерминант изоляции (Mariën 2015: 149). Так, к факторам риска, фиксирующим *косвенную* причинно-следственную связь между цифровой и социальной эксклюзией, отнесены нормативно-

правовая база, инфраструктура государственных услуг, социальные права, физическое и психическое здоровье. Прямая ковариация социальной и цифровой эксклюзии реализуется в двух формах: механизмы социальной эксклюзии действуют на digital-уровне либо, наоборот, предикторы цифровой изоляции усиливают социальную эксклюзию. В число факторов, непосредственно способствующих транспонированию механизмов социальной изоляции в цифровое пространство, входят когнитивные и социальные навыки; занятость, доход; сети социальной поддержки; социально-пространственное неравенство, агенту, участие в деятельности структур, принимающих решение; язык, образование. К детерминантам риска социальной эксклюзии, возникающей под воздействием digital-механизмов, относятся ценности, установки; финансовые навыки, экономические возможности; социальные нормы; нормативно-правовая база, инфраструктура государственных услуг; возраст, пол (Asmar, Mariën, Van Audenhove 2022: 297).

Идея digital-неравенства как *континуума*, вдоль которого расположены пользователи в зависимости от специфики применения web-ресурсов, социально-экономического положения, а также идея *градаций* digital-инклюзии, отражающих поэтапность в освоении онлайн-практик, предложены С. Ливингстон и Э. Хелспер (Livingstone, Helsper 2007). Эвристический потенциал континуального подхода позволил бельгийским авторам преодолеть интерпретацию digital-эксклюзии как «улицы с односторонним движением», деривата социодемографического бэкграунда граждан. Апеллируя к научной оптике Д. Милибэнда (Miliband 2006), совместимой с концептами П. Бурдьё и Э. Хелспер, исследователи предложили свою экспланацию континуумов цифрового и социального неравенства. Континуальная линза задействована в силу аналитического различения неравенства, понимаемого как широкий спектр различных позиций в социальном/цифровом пространстве, охватывающий различные уровни доступа и навыков, не являющийся двухполюсным явлением, и градаций эксклюзии/инклюзии как отдельных «точек» на шкале от интеграции до изоляции (Mariën 2015: 30–35).

В итоге каждому типу неравенства соответствовал свой континуум, представленный в виде своеобразной шкалы, крайние значения которой составляют глубокая эксклюзия и глубокая инклюзия. Между указанными позициями находятся соответственно широкая эксклюзия, концентрированная эксклюзия/инклюзия, широкая инклюзия (Asmar, Mariën, Van Audenhove 2022: 299). В основе концепта — идея *непрерывного перехода* лиц, групп от изоляции к интеграции. В этом аналитическом ракурсе градации цифровой инклюзии/эксклюзии выявляются не столько через

призму трехуровневого членения цифрового неравенства (доступ — навыки — преимущества), а посредством артикулирования *динамичной* природы механизмов включения/исключения.

Исследователи сузили выборку детерминант социального и цифрового неравенства. Профилирование (не)пользователей осуществлялось с учетом пяти социальных факторов (доход, образование, участие в различных сферах жизни, agency / свобода действий, благополучие) и восемью цифровыми предикторами (доступ, отношение к web-технологиям / мотивация, цифровые компетенции, социальные и «мягкие» навыки, цифровая культура семьи, коллег, друзей, знакомых, digital-автономия, паттерны применения web-технологий, социальная поддержка) digital-разрыва (табл. 2) (Asmar, Mariën, Van Audenhove 2020: 30–31). Цифровая автономия субъективна, так как подразумевает ощущение самоэффективности, независимости в использовании технологий, реляционна и социальна, поскольку развивается в ходе «интеракции с другими», кроме того, интерпретируется как способности и *возможности* осуществлять желаемый выбор (Asmar, Mariën, Van Audenhove 2020: 63–65).

Таблица 2

Детерминанты цифровой (экс)инклюзии

Социальные факторы	Описание факторов
Доход	Факторы, влияющие на финансовую устойчивость и независимость индивида
Образование	Факторы, влияющие на уровень образования человека (когнитивные компетенции, возможность принимать участие в формальных и неформальных образовательных тренингах)
Участие в различных сферах жизни общества	Факторы, влияющие на то, в какой степени индивид может или желает участвовать в жизни общества (образ жизни, характеристики рынка труда, социальные контакты)
Agency / свобода действий	Факторы, влияющие на то, в какой степени человек обладает властью принимать решения, чтобы направлять свою жизнь
Благополучие	Факторы, влияющие на физическое и психическое благополучие людей (здоровье, медицинские учреждения, ситуация в отношениях и т.д.)

Окончание табл. 2

Digital-факторы	Описание факторов
Доступ	Факторы, влияющие на возможность доступа к цифровым медиа
Мотивация использования web-технологий	Факторы, влияющие на отношение к цифровым медиа, такие как личные характеристики (например, возраст, пол, раса/этничность), культурные и социальные нормы, личные ценности
Цифровые навыки	Факторы, влияющие на развитие IT-компетенций
Социальные и мягкие навыки	Факторы, влияющие на то, как люди взаимодействуют друг с другом, такие как коммуникабельность, уверенность в себе, самомотивация, креативность
Digital-автономия	Факторы, влияющие на степень автономности/самостоятельности использования цифровых медиа, применения digital-инструментов по принципу do it yourself
Паттерны применения web-технологий	Индивидуальные предпочтения, влияющие на разнообразие, направленность и частоту использования интернета (например, распорядок дня, специфика повседневности, возраст или культурно обусловленные модели медийного потребления)
Отношение к digital-медиа в ближайшем окружении	Влияние ближайшего окружения на отношение индивида к технологиям, уровень его навыков или наличие/отсутствие доступа к Сети (например, состав семьи, негативное/положительное восприятие ИКТ членами семьи/друзьями, коллегами, цифровая культура семьи)
Сети социальной поддержки	Факторы, влияющие на степень удовлетворения потребности индивидов в поддержке со стороны ближайшего окружения в освоении IT-технологий

Континуальность digital-неравенства позволила выделить восемь профилей (не)пользователей: цифровые изгои, «безнадёжно нецифровые», борцы с цифровыми барьерами, «широко онлайн-включенные», цифровые звезды, неожиданные digital-мастера, неожиданные цифровые аутсайдеры, digital-отшельники («цифровые самоизоляторы») (Asmar, Mariën, Van Audenhove 2022: 301–305).

Пять профилей в левой части континуума (табл. 3) олицетворяют *прямую* корреляцию между социальной и цифровой эксклюзией (Asmar, Mariën, Van Audenhove 2022: 299). Для цифровых изгоев, «безнадёжно нецифровых» и digital-борцов механизмы социального исключения ведут к online-

эксклюзии. Представители первых двух профилей сталкиваются с множеством социальных барьеров, которые усугубляются в digital-поле. Цифровые изгои находятся в ситуации глубокой социальной и цифровой эксклюзии, в силу низкой самооценки не могут самостоятельно без неформальной поддержки ближайшего окружения преодолеть структурные барьеры интеграции в социум; «безнадежно нецифровые» («им приходится двигаться вперед, но они не справляются») переживают широкую, а «цифровые борцы» (высокомотивированные [*но борющиеся*], поскольку стремятся успеть за быстрыми темпами digital-эволюции) — концентрированную социальную изоляцию (Mariën, Baelden 2015: 26–28). «Безнадежно нецифровые» редко используют digital-технологии в служебных целях, живут в «бедной» медиасреде, воспринимают применение web-ресурсов как обязанность; при наличии эффективной digital-поддержки могут стать «широко онлайн-включенными». Профиль «цифровых борцов» представлен двумя типами эксклюзантов: первые стараются решить проблемы с доступом, нехваткой digital-компетенций и неуверенностью в себе, при этом им свойственно стремление осуществлять онлайн-практики; вторые, владельцы качественного IT-оборудования с высокой мотивацией, преодолевают пробелы цифровой грамотности, полагаясь на помощь более компетентных пользователей, в противном случае рискуют стать «безнадежно нецифровыми».

Напротив, «широко онлайн-включенные» и цифровые звезды могут воспользоваться преимуществами социальной инклюзии на цифровом уровне. В отличие от «цифровых звезд», у «широко онлайн-включенных» — *средние* (а не *высокие*) показатели благополучия, агенсу, низкая либо средняя мотивация к внедрению web-технологий, *функциональное* использование цифровых ресурсов исходя из повседневных нужд (а не *разнообразное, творческое, стратегическое* как у digital-звезд). Подобные пользователи легко решают проблемы, но могут обрести статус online-эксклюзанта в силу конкретных жизненных обстоятельств (например, потери работы, рождения ребенка, смерти супруга и т.д.), предлагают digital-поддержку другим индивидам (кстати, цифровым звездам не всегда нравится брать на себя роль online-ментора в силу затратности временного ресурса; они могут регрессировать в своей digital-автономии, утратить доступ к Сети, мотивацию к обучению).

Три профиля в правой части континуума (табл. 3) (неожиданные digital-мастера, непредвиденные цифровые аутсайдеры, «цифровые самоизолированные») иллюстрируют *косвенную* связь между социальной и цифровой изоляцией, относятся к разным социально-экономическим группам (например, пожилым или высокообразованным), их социальные и/или онлайн-преимущества не связаны с социальным/цифровым статусом.

Таблица 3
Восемь профилей цифрового неравенства

	Цифровые изгои	«Безнадежно нецифровые»	Борцы с цифровыми барьерами	«Широко онлайн-включенные»	Цифровые звезды	Неожиданные digital-мастера	Неожиданные цифровые аутсайдеры	Digital-отшельники («цифровые самоизоляторы»)
Континуум социального неравенства								
Факторы риска	Глубокая социальная эксклюзия	Широкая социальная эксклюзия	Концентрированная социальная эксклюзия/инклюзия	Широкая социальная инклюзия	Глубокая социальная инклюзия	За пределами социальной эксклюзии		
Доход	Низкий	Низкий→средний	Небольшое число конкретных барьеров, отсутствуют проблемы с остальными аспектами, присутствует участие в жизни общества			Присутствуют во всех социальных группах		
Образование	Низкий уровень	Низкий→средний						
Участие в различных сферах жизни общества	Низкий уровень	Ограниченное				Низкое → высокое	Низкое → высокое	Высокое
Аспект/свобода действий	Низкий уровень	Низкий уровень				Высокий уровень	Низкий уровень	Высокий уровень
Благополучие	Низкое	Низкое				Высокое	Высокое	Высокое

Континуум цифрового неравенства								
	Глубокая цифровая эксклюзия	Широкая цифровая эксклюзия	Концентрированная цифровая эксклюзия/ инклюзия	Широкая цифровая инклюзия	Глубокая цифровая инклюзия	Концентрированная цифровая инклюзия	От широкой до глубокой цифровой эксклюзии	Цифровая эксклюзия по выбору
Доступ	Низкий	Средний	Небольшое число конкретных барьеров, отсутствуют проблемы с остальными аспектами, есть паттерны использования web-технологий, в некоторых случаях не представлены сети поддержки	Высокий	Высокий	Небольшое количество конкретных барьеров, отсутствуют проблемы с остальными аспектами, есть паттерны использования технологий, высокий уровень мотивации и автономии.	Средний→ высокий	Средний→ высокий
Мотивация использования web-технологий	Низкая→ высокая	Средняя→ высокая	Высокая	Низкая→ средняя	Высокая		Низкая	Низкая
Цифровые компетенции	Низкие	Средние	Низкие→ средние	Средние→ высокие	Высокий уровень		Низкие	Средние→ высокие
Социальные и «мягкие» навыки	Низкий уровень	Низкий	Низкий	Средний→ высокий	Высокий уровень		Низкий	Высокий уровень
Digital-автономия	Низкая	Низкая	Низкая	Средняя→ высокая	Высокий уровень		Низкая	Низкая
Паттерны применения web-технологий	Ограниченные	Ограниченные	Функциональные	Разнообразные, креативные и стратегические			Отсутствуют	Отсутствуют
Отношение к медиа в ближайшем окружении	Низкий уровень	Низкий	Средний→ высокий	Высокий уровень			Средний→ высокий	Средний→ высокий
Сети социальной поддержки (семья, друзья, коллеги)	Отсутствуют, необходимы	Отсутствуют, необходимы	Есть, но ограничены и необходимы	Есть, необходимые, сами оказывают поддержку, усиление ресурсного эффекта			Присутствуют, необходимы, но не используются	Присутствуют, необходимы, знают, как получить поддержку

Профиль «неожиданные digital-мастера» свидетельствует о том, что некоторые представители неблагополучных групп являются частью digital-реальности (Mariën 2015: 354). Профилю свойственен высокий уровень agency, мотивации и digital-автономии, эксперименты с технологиями, самостоятельное развитие digital-навыков, цифровое наставничество, однако, как правило, они находятся в ситуации социальной эксклюзии (низкий уровень дохода, образования, безработица). Эти пользователи отличаются от своих сверстников, помогают им в освоении технологий, используют общедоступные сети wi-fi, самостоятельно развивают свою цифровую грамотность. Индивидуальное отношение к технологиям прогнозирует их использование, а также формирует восприятие выгод от применения web-ресурсов.

Цифровые отшельники, digital-самоизоляторы обладают доступом к сети, IT-компетенциями, но *не видят пользы, сознательно отказываются* от применения digital-сервисов, не рассматривают их неиспользование как проблему, полностью игнорируют цифровой мир, онлайн-услуги получают с помощью других пользователей, в случае потери digital-поддержки рискуют оказаться в online-изоляции (Mariën, Baelden 2015: 25). Неожиданные цифровые аутсайдеры интегрированы в социум, встречаются в различных социальных группах, ими могут быть в том числе представители среднего класса, молодежь, люди с высшим образованием; профиль характеризуется низкими показателями agency, мотивации, цифровых компетенций, мягких навыков, digital-автономии, отсутствием паттернов применения онлайн-инструментов. Несмотря на наличие сетей поддержки, аутсайдеры обычно избегают технологий; в отличие от своих сверстников испытывают проблемы в ходе использования digital-медиа.

Динамичность и континуальность модели фиксирует изменчивость позиций индивидов в континууме под влиянием различных событий (увольнение с работы, рождение детей, семейные трудности и т.д.), применимость характеристик нескольких профилей к отдельным пользователям, процессуальную природу цифровых интеграции и изоляции. В целом модель показывает, что действие механизмов социальной и digital-эксклюзии выходит за пределы социально и экономически уязвимых групп и не сводится исключительно к влиянию социально-демографических предикторов. Поэтому публичные инициативы по охвату населения цифровыми технологиями должны избегать стереотипной ориентации и фокусироваться *на все группы* граждан, обладающие низким, так и высоким уровнем социально-экономических ресурсов.

Заключение

Современные исследователи стали использовать социологическую теорию в качестве основы для конструирования моделей цифрового неравенства, включая концепт структуризации Э. Гидденса, конструктивистский структурализм П. Бурдьё, морфогенетический подход М. Арчер, возможностный подход А. Сена, интерсекциональную теорию К. Креншоу, классификацию эксклюзии Д. Милибэнда, не ограничиваясь одной методологической интенцией, комбинируя социально-экономические, психологические и цифровые предикторы digital-разрыва.

Идея П. Бурдьё о пересечении полей позволяет Э. Хелспер теоретически обосновать ковариацию социальной и digital-эксклюзии, которая проявляется прежде всего как связь между релевантными полями офлайн-новых и цифровых ресурсов (Helsper 2021: 39). Бурдьёвистский концепт «поля» предлагает основу, которая может объяснить фактические результаты онлайн-действий в повседневной жизни агента. Экспликация ресурсов как набора средств, приносящих дивиденды, вооружает Э. Хелспер инструментом анализа трех уровней digital-неравенства.

Аналитическая оптика и логика теории структуризации, концепта «поля» предоставляет возможность Хелспер для альтернативного определения пространственной метафоры, интерпретации онлайн-активности как социальной практики, являющейся результатом взаимодействия социальных структур и действия (agency), фокусировки на микроуровневых процессах воспроизводства и оспаривания неравенства в повседневных практиках, дискурсах и взаимодействиях индивидов. Из теории структуризации Хелспер заимствует идею о том, что повседневность — это пространство, в котором структура и действие интегрируются, чтобы формировать действие, бездействие, возможности и ограничения.

Теория структуризации создает основу понимания того, как социальные структуры и возможности отдельных лиц определяют различные уровни digital-результатов. В контексте внедрения digital-технологий взаимодействие между структурными свойствами (например, типами доступа) и действием индивида (мотивацией, навыками) может обеспечить альтернативную основу для изучения цифровых неравенства, эксклюзии и инклюзии.

Представители возможностного подхода фокусируются на том, как ресурсы и благополучие создаются *снизу вверх*, есть ли у индивида реальная возможность достичь желаемого образа жизни. Интеграция концептуальных инструментов П. Бурдьё и А. Сена позволяет исследователям осмыслить, что цифровые возможности и социальные дивиденды цифро-

визации оказываются неравными для различных людей, а неравенство может усиливаться неравномерной конверсией возможностей в результаты. Подход Сена концентрируется на *возможностях* или *способностях* в случае необходимости использовать web-сервисы, а не на *применении* digital-услуг или *получении* ощутимых результатов онлайн-деятельности (Anrijs, Mariën, De Marez, Ponnet 2023: 3). В этом аналитическом ракурсе индивид, считающий себя способным пользоваться digital-технологиями, достигнуть положительных результатов с помощью цифровых ресурсов, но (пока) не сделавший этого, поскольку на текущий момент не нуждается и не испытывает потребности в онлайн-активности, по-прежнему считается цифровым инклюдантом. Конечно, следует учитывать определенные сложности субъективного оценивания возможностей, когда индивиды самостоятельно сообщают о своих способностях удовлетворять потребности с помощью digital-ресурсов. В целом аналитическая линза возможностного подхода дает основания выяснить, *могут ли* индивиды применять web-услуги для удовлетворения потребностей, а не *использовали ли* или *получили выгоды* от внедрения digital-ресурсов.

Модель профилирования цифровых (ин)экслюдантов основывается на модели социально-цифрового неравенства цифровых возможностей и результатов. Оба концептуальных конструкта подчеркивают совместное действие цифровых и социальных факторов в механизмах эксклюзии и инклюзии: однако, Хелспер выделяет семь *посредников* взаимного влияния онлайн и офлайн *полей*, Мариён и коллеги указывают на 13 *индикаторов* риска социальной и digital-экссклюзии, распределенных по *пяти* типам ресурсов. В отличие от Хелспер, бельгийские исследователи указывают на то, что корреляция между социальным и цифровым неравенством не всегда прямолинейна, дополнительно выделяя *косвенные* причинно-следственные связи между факторами риска эксклюзий.

Несмотря на различия в моделях, в их основе лежат родственные идеи: корреляция социального и цифрового неравенства; выделение социально-экономических и цифровых предикторов или посредников ковариации двух типов эксклюзии; теоретизирование различий в мотивации, доступе, навыках как *ресурсов*, а цифровых дивидендов как *результатов* digital-инклюзии. Анализируемые концептуальные конструкты социального и цифрового неравенства демонстрируют продуктивные эмпирические возможности в экспликации третьего уровня цифрового разрыва или исследовании индивидов, обладающих способностями или *возможностями* достигнуть положительных *результатов*, ощутимых преимуществ, офлайн-выгоды в ходе использования интернет-услуг, связанных с финансами, здравоохранением, жильем, социальным обеспечением и мобильностью.

Литература/References

- Бурдые П. (2001) *Практический смысл*. СПб.: Алетейя.
- Bourdieu P. (2001) *Prakticheskij smysl* [Le Sens pratique/Practical meaning]. St. Petersburg: Aleteya (in Russian).
- Бурдые П. (2005) *Социальное пространство: поля и практики*. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя.
- Bourdieu P. (2005) *Sotsial'noye prostranstvo: polya i praktiki* [Social space: fields and practice]. Moscow: Institut eksperimental'noj sociologii; St. Petersburg: Aleteya (in Russian).
- Гидденс Э. (2018) *Устроение общества: очерк теории структуризации*. М.: Академический проект.
- Giddens A. (2018) *Ustroenie obshchestva: ocherk teorii strukturacii* [The constitution of society: outline of the theory of structuration]. Moscow: Akademicheskij proekt (in Russian).
- Сен А. (2004) *Развитие как свобода*. М.: Новое издательство.
- Sen A. (2004) *Razvitie kak svoboda* [Development as Freedom]. Moscow: Novoe izdatel'stvo (in Russian).
- Anrijs S., Mariën I., De Marez L., Ponnet K. (2023) Excluded from essential internet services: Examining associations between digital exclusion, socio-economic resources and internet resources. *Technology in Society*, 73: 1–11.
- Archer M.S. (2010) Morphogenesis versus structuration: on combining structure and action. *British Journal of Sociology*, 61(1): 225–252.
- Asmar A., Mariën I., Van Audenhove L. (2020) *A qualitative analysis of the development of digital autonomy beyond the life course perspective*. Brussels: Belgian Science Policy.
- Asmar A., Mariën I., Van Audenhove L. (2022) No one-size-fits-all! Eight profiles of digital inequalities for customized inclusion strategies. *New Media & Society*, 24(2): 279–310.
- Burchardt T., Hick R. (2018) Inequality, Advantage and the Capability Approach. *Journal of Human Development and Capabilities*, 19(1): 38–52.
- Calderon Gomez D. (2020) The third digital divide and Bourdieu: bidirectional conversion of economic, cultural, and social capital to (and from) digital capital among young people in Madrid. *New Media & Society*, 23(9): 2534–2553.
- Eynon R. (2023) Utilising a Critical Realist Lens to Conceptualise Digital Inequality: The Experiences of Less Well-Off Internet Users. *Social Science Computer Review*, 41(3): 1081–1096.
- Grenfell M. (ed.) (2008) *Pierre Bourdieu: Key Concepts*. London; New York: Routledge; Acumen.
- Helsper E. (2008) *Digital inclusion: an analysis of social disadvantage and the information society*. L.: Department for Communities and Local Government.

Helsper E. (2012) A corresponding fields model for the links between social and digital exclusion. *Communication theory*, 22(4): 403–426.

Helsper E. (2021) *The digital disconnect: the social causes and consequences of digital inequalities*. London: Sage.

Ignatow G., Robinson L. (2017) Pierre Bourdieu: theorizing the digital. *Information, Communication & Society*, 20(7): 950–966.

Jones M.R., Karsten H. (2008) Giddens's structuration theory and information systems research. *MIS Quarterly*, 32(1): 127–157.

Livingstone S., Helsper E. (2007) Gradations in digital inclusion: children, young people and the digital divide. *New Media & Society*, 9(4): 671–696.

Mariën I. (2015) *De Dichotomie van de Digitale Kloof Doorprikt: Een Onderzoek naar de Oorzaken van Digitale Uitsluiting en naar Strategieën voor een Duurzaam e-Inclusiebeleid*. Doctoral Thesis. Brussel: Free University of Brussels.

Mariën I., Baelden D. (2015) *8 profielen van digitale ongelijkheden* [8 profiles of digital inequalities]. *Onderzoeksrapport voor het federale onderzoeksproject IDEALiC.be*. (Research Report for the federal research project IDEALiC.be.). Brussels: Belgian Science Policy.

Mariën I., Heyman R., Salemink K., Van Audenhove L. (2016) Digital by Default: Consequences, Casualties and Coping Strategies. In: Servaes J., Oyedemi T. (eds). *Social Inequalities, Media and Communication: Theory and Roots*. Lanham: Rowman and Littlefield: 167–188.

McGillivray D., Mahon J. (2021) Distributed digital capital: digital literacies and everyday media practices. *Media Practice and Education*, 22(3): 196–210.

Merisalo M., Makkonen T. (2022) Bourdieusian e-capital perspective enhancing digital capital discussion in the realm of third level digital divide. *Information Technology & People*, 35(8): 231–252.

Neves B.B., Waycott J., Malta S. (2018) Old and afraid of new communication technologies? Reconceptualising and contesting the 'age-based digital divide.' *Journal of Sociology*, 54(2): 236–248.

Ragnedda M., Ruii M.L., Addeo F. (2022) The self-reinforcing effect of digital and social exclusion: The inequality loop. *Telematics and Informatics*, 72: 1–13.

Robinson L., Schulz J., McClain N., Hale T., Pait H., Ragnedda M. et al. (2020) Global perspectives on digital inequalities and solutions to them. *First Monday*, 25(7) [<https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/10840/9560>] (accessed: 20.06. 2023)

Sallaz J.J., Zavisca J. (2007) Bourdieu in American sociology, 1980–2004. *Annual Review of Sociology*, 33(1): 21–41.

Savage M., Warde A., Devine F. (2005) Capitals, assets, and resources: Some critical issues. *British Journal of Sociology*, 56(1): 31–47.

Scheerder A.J., van Deursen A.J.A.M., van Dijk J.A.G.M. (2020) Taking advantage of the Internet: A qualitative analysis to explain why educational background is decisive in gaining positive outcomes. *Poetics*, 80: 1–12.

Van Deursen, A.J.A.M., Helsper E.J. (2018) Collateral benefits of Internet use: Explaining the diverse outcomes of engaging with the Internet. *New Media & Society*, 20(7): 2333–2351.

Zheng Y., Walsham G. (2021) Inequality of What? An Intersectional Approach to Digital Inequality under Covid-19. *Information and Organization*, 31(1): 1–6.

Источники

Miliband D. (2006) Social exclusion: the next steps forward. Report. *UK Government Web Archive*. [[https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20070506224726/](https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20070506224726/http://www.communities.gov.uk/index.asp?id=1161952) <http://www.communities.gov.uk/index.asp?id=1161952>] (дата обращения: 20.06.2023).

THEORETICAL MODELS OF DIGITAL INEQUALITY (E. HELSPER, I. MARIËN): COMPARATIVE REVIEW

Natalia Plotichkina (oochronos@mail.ru)

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Citation: Plotichkina N. (2024) Teoreticheskiye modeli sotsial'no-tsifrovogo neravenstva (E. Helsper, I. Mariën): sravnitel'nyy obzor [Theoretical models of digital inequality (E. Helsper, I. Mariën): comparative review]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(3): 7–38 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.3.1>. EDN: GKOUUQ

Abstract. The article focuses on explanatory schemes, research logic, heuristic capabilities of the online and offline correlation model of exclusion fields (E. Helsper), as well as the continuum model of social and digital inequality, profiling risk groups of digital exclusion (I. Mariën, L. Van Audenhove, A. Asmar) in the explication of the digital divide three-level construct. It is shown that modern studies of digital inclusion are based on the classical sociological conceptualizations of inequality (A. Giddens, P. Bourdieu), the capabilities approach (A. Sen), the intersectional theory (K. Crenshaw). The models of E. Helsper and Belgian researchers are based on the idea of the relationship between social and digital isolation, the reinterpretation of the Bourdieusian categories of “field”, “resource”, “capital”. According to E. Helsper, the fields of exclusion are differentiated by the amount of resources, they are autonomous, but interconnected, they frame individual actions. The operationalization of the concept of personal resources into an analytical model of exclusion fields allows E. Helsper to take into account the freedom of choice of an individual in the construction of online practices. Socio-digital inequality is characterized as the inequality in digital resources and opportunities. The E. Helsper model is based on A. Giddens' theory of structuration in understanding the relationship between sociotechnical structure and user action. The heuristic potential of the

capabilities approach in the explanation of digital inclusion is revealed. The Belgian model is based on the analytical construct of E. Helsper, focusing on the identification of exclusion risk factors relevant to the resources of the individual. The digital divide is interpreted as a continuum, a range of positions on a scale from deep exclusion to deep inclusion. In the model of I. Marien and co-authors, eight profiles of (non)users are identified, social and digital predictors of inequality are identified, the dynamism and procedural nature of digital integration and isolation are emphasized. The model shows that socially and economically vulnerable groups can be active users of online technologies. The differences between continuum model of the social and digital inequality and the conceptual construct of E. Helsper are revealed: instead of mutual influence mediators of online and offline fields of exclusion, indicators of isolation risk are proposed, direct and indirect cause and effect relationships between the determinants of social and digital exclusion are established. It was concluded that it is expedient to use models in the study of digital divide third level.

Keywords: digital divide, digital inequality, social inequality, digital inclusion, digital exclusion, structuration theory, structuralist constructivism, E. Helsper, I. Mariën.

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

«НА РАДОСТЬ МАМЕ... И ПАПЕ»: КАК ПОЯВЛЕНИЕ ДЕТЕЙ СКАЗЫВАЕТСЯ НА СУБЪЕКТИВНОМ БЛАГОПОЛУЧИИ МАТЕРЕЙ И ОТЦОВ

Елена Николаевна Гасюкова (egasyukova@hse.ru),
Сергей Александрович Коротаев (skorotaev@hse.ru),
Дана Яхъевна Туаршева (dyatuarsheva@edu.hse.ru)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
факультет экономических наук, Москва, Россия

Цитирование: Гасюкова Е.Н., Коротаев С.А., Туаршева Д.Я. (2024) «На радость маме... и папе»: как появление детей сказывается на субъективном благополучии матерей и отцов? *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(3): 39–64.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.3.2>. EDN: GPQDLO

Аннотация. Авторы поднимают вопрос о гендерном неравенстве и для этого проводят сравнение оценок субъективного благополучия мужчин и женщин в России. Субъективное благополучие позволяет учесть и суммировать преимущества в различных сферах жизни с учетом их важности для человека и выделить более (или менее) выигрышное положение одних по отношению к другим. Различия в субъективном благополучии мужчин и женщин исследуются на этапе рождения и последующего воспитания детей, поскольку для этого периода характерны флуктуации оценок удовлетворенности жизнью и дискуссионным становится вопрос о том, кто больше выигрывает от своей новой роли родителя: мужчина или женщина. Анализ осуществлен с использованием модели с фиксированными эффектами на основе панельных данных РМЭЗ НИУ ВШЭ 2016–2021 гг. Субъективное благополучие измеряется с помощью вопроса об удовлетворенности жизнью респондентом. Результаты анализа свидетельствуют о том, что рождение детей связано с повышением субъективного благополучия как у женщин, так и у мужчин. Семейная пара с появлением ребенка чувствует себя более благополучно вне зависимости от уровня материальной обеспеченности и возраста деторождения. Исследуемые данные позволяют заявить о том, что женщины, став матерями, не получают дополнительного выигрыша по сравнению с мужчинами: рождение ребенка одинаково вознаграждается ростом удовлетворенности жизнью как матерей, так и отцов. Однако радость родителей длится недолго: последующий за рождением этап воспитания детей 3–4-летнего возраста одинаково негативно сказывается на удовлетворенности жизнью респондентов обоих полов.

Ключевые слова: субъективное благополучие, гендер, рождение детей, гендерное неравенство, материнство и отцовство.

В литературе по гендерному неравенству рождение ребенка рассматривается как пример ситуации, в которой выигрыши и издержки распределяются неравным образом между мужчинами и женщинами. Так, исследования демонстрируют существование «штрафа за материнство» — снижения оплаты труда женщин, связанное с рождением ребенка и необходимостью ухода в декретный отпуск (Рощин, Емелина 2022; Бирюкова, Макаренцева 2017; Арженовский, Артамонова 2007; Ермолина и др. 2016). В отношении же мужчин наблюдается противоположный эффект: став отцами, они вознаграждаются увеличением дохода — «премией за отцовство»¹ (Killewald 2013; Cooke, Fuller 2018). Вместе с тем вступление в материнство является желанным этапом жизненной траектории большинства женщин². Так, согласно опросу НАФИ 2020 г. (8 ролей женщины... 2020), для женщин в России приоритетным остается семья и дети, тогда как для мужчин на первом месте стоит карьера. Исходя из вышесказанного мы можем предположить, что наряду с потерями в доходе и карьерном росте рождение ребенка приносит и «выгоды»: ощущение удовлетворенности и благополучия в жизни женщины. Данное предположение, насколько нам известно, получило лишь ограниченное внимание в литературе. Представленная статья направлена на сокращение этого пробела, в рамках работы мы пытаемся выяснить, действительно ли с точки зрения субъективного оценивания матери выигрышают по сравнению с отцами.

В литературе под гендерным неравенством, как правило, понимается неравенство между мужчинами и женщинами в распределении материальных ресурсов, власти, статуса (Ridgeway 2011: 10). Встречаются и более широкие трактовки понятия как различие в возможностях или преимуществах, предоставляемых обладателю гендера в зависимости от восприятия этого гендера в обществе (Newton 2019: 19). Учет преимуществ мужчин и женщин, их «выигрышей» и «проигрышей» в нескольких сферах жизни может быть затруднительным, а их сопоставление (взвешивание) — произвольным. Возможным решением является использо-

¹ Феномен «премии за отцовство» преимущественно описан на данных западных стран. В России изменение доходов мужчины при вступлении в отцовство не столь широко изучено. Мы встречаем всего несколько работ на эту тему. Например, Ощепков (2020) показывает, что при контроле индивидуальных характеристик отцов (изначально более подготовленные мужчины решают стать отцами) «премия за отцовство» оказывается минимальной.

² Такое желание характерно для женщин независимо от их трудового статуса, в частности наличие работы не влияет на решение родить ребенка или нет (Карабчук и др. 2015).

вание субъективного благополучия в качестве своего рода интегрального показателя гендерного преимущества. Субъективное благополучие позволяет учесть и суммировать разнообразные преимущества или выигрыши и проигрыши с учетом их значимости для человека, вместо того чтобы навязывать авторский взгляд на важность тех или иных аспектов жизни (Stoet, Geary 2019). В литературе мы встречаем работы, в которых авторы показывают различия в оценках субъективного благополучия у мужчин и женщин (см., например: Harryson et al. 2012; Senik 2015). Однако авторы анализируют субъективные оценки без привязки к конкретному этапу жизненного пути, хотя сами отмечают, что мужчины и женщины в различные периоды времени могут опережать друг друга в преимуществах своего субъективного благополучия (Senik 2015). Одним из особенных этапов в жизни человека является период рождения и воспитания детей.

Работы по гендерному неравенству неоднократно выделяли данный этап как особый и пытались ответить на вопрос о том, как меняется положение мужчин и женщин после рождения ребенка. Благодаря этим работам в литературе закрепились понятия «штраф за материнство» и «премия за отцовство», показывающие усиление различий в уровнях дохода мужчин и женщин на этапе родительства. Однако, как правило, в этих работах авторы обходят стороной вопрос субъективного благополучия мужчин и женщин в новом статусе родителя. Рассмотрение родительства с позиций субъективной оценки дисбаланса преимуществ мужчин и женщин¹ не получают развития в исследованиях гендерного неравенства. В представленной работе мы предпринимаем попытку частично заполнить этот пробел.

Концепция субъективного благополучия

Понятие субъективного благополучия (СБ) обычно отсылает к индивидуальной оценке жизни в целом или качества жизни человека (Proctor 2014). Но СБ не может и не должно приравниваться к благостной и безмятежной жизни (Diener et al. 2018): человек может испытывать трудности, преодолевать проблемы, но при этом высоко оценивать свою жизнь (Maddux 2017: 4). СБ является инструментом, отражающим степень удовлетворенности текущей жизнью (когда все идет своим чередом) (Maddux 2017: 7) и используется в исследованиях либо как мера принятия, согласия

¹ Стоит выделить работу Номагучи (Nomaguchi 2012), которая рассматривает психологическое благополучие родителей как вознаграждение за возможность воспитания детей.

с обстоятельствами (например, при исследовании корпоративного климата на работе), либо как показатель, фиксирующий достигнутые успехи в жизни сообщества.

Ключевой и одной из первых работ, popularизирующих академическое использование понятие СБ, стала публикация Динера (Diener 1984). Автор отмечает, что понятие счастья или благополучия, несмотря на широкое использование исследователями и мыслителями, не имело на тот момент конкретного понимания и определения. Восполняя этот пробел, Динер выдвигает основные признаки СБ: прежде всего СБ реферирует к субъективной оценке — восприятию индивида, также СБ отражает степень присутствия позитивных аспектов в жизни человека, а не отсутствие негативных (например, человек ничем не болеет и поэтому удовлетворен жизнью), наконец, Динер отмечает, что СБ — это интегральная оценка, охватывающая различные стороны жизни (см. также: Леонтьев 2020; Гасюкова, Петрова 2021). Неслучайно один параметр — удовлетворенность жизнью — служит конвенциональным и рекомендованным ОЭСР показателем СБ (Stone, Mackie 2013: 16).

Поскольку СБ отражает субъективное суждение индивида, его оценку, то авторы отмечают, что СБ определяется личностными характеристиками, персональными диспозициями, но не является неизменным и может испытывать воздействие внешних факторов, например демографических (вступление в брак, старение и др.) (Diener et al. 1999). Эти события влияют на СБ, как правило, не напрямую, а посредством модификации целей индивида, его жизненных планов. Такое понимание СБ позволяет примирить теории «снизу вверх» и «сверху вниз» (bottom-up & top-down theories) (Maddux 2017: 18), первая из которых рассматривает СБ как результат оценки жизни, в которой могут происходить как позитивные, так и негативные события, а вторая исходит из устойчивых личностных диспозиций, служащих базисом для интегральной оценки удовлетворенности жизнью.

Измерение субъективного благополучия

В литературе выделяется когнитивный и аффективный компоненты СБ (Diener et al. 2002). К когнитивному компоненту относится суждение индивида в отношении его жизни в целом, к аффективному — оценка субъективного состояния или эмоций, которые люди испытывают в своей повседневной жизни. При этом аффективная компонента чаще оценивается с точки зрения не интенсивности эмоционального настроения, а частоты ощущения эмоций, отдельно позитивных и негативных (Diener et al. 2018). Другой способ оценки аффективного показателя — использо-

вание шкалы субъективного счастья Любомирски¹ (Lyubomirsky, Lepper 1999; адаптирована на русский язык Д.А. Леонтьевым и Е.Н. Осиным /2020/).

Для оценки когнитивного показателя СБ Динер и коллеги (1985) разработали шкалу удовлетворенности жизнью (Satisfaction with Life Scale, SWLS). На основе факторного анализа они вывели пять ключевых детерминант удовлетворенности жизнью, факторные нагрузки которых превышали значение 0,6:

- «В большинстве случаев моя жизнь близка к моему идеалу» (0,84);
- «Условия моей жизни превосходны» (0,77);
- «Я удовлетворен своей жизнью» (0,83);
- «Пока что я добился того, чего хочу в жизни» (0,72);
- «Если бы я мог прожить свою жизнь заново, я бы почти ничего не изменил» (0,61).

Когнитивные и аффективные оценки не всегда синхронны, но чаще между ними наблюдается сильная положительная связь (Кученкова, Татарова 2019). При этом когнитивный компонент отличается большей устойчивостью (Proctor 2014) и связью с жизненными условиями, в то время как аффективная компонента в большей мере определяется личностными диспозициями индивида и более волатильна, поскольку меняется в зависимости от сопровождающих жизнь человека событий (Pavot, Diener 1993; Осин, Леонтьев 2020). Особенно это важно учитывать в исследованиях, оценивающих событие появления детей, так как настроение и эмоции родителя в этот период очень нестабильны, в то время как когнитивные суждения отличаются перманентностью (Pollmann-Schult 2014).

Одномерное измерение СБ критикуется по причине того, что человек может оценивать и думать о своей жизни, с различных перспектив, и одного параметра недостаточно, чтобы учесть эту композицию факторов (Kjell et al. 2016; Кученкова, Татарова 2019). Но поскольку при оценивании СБ отдельно измеряются разные субъективные компоненты, исследователи высказывают сомнения по поводу целостности показателя СБ. Так,

¹ Строится на следующих утверждениях: 1. В целом я считаю себя не особо счастливым(ой) / очень счастливым(ой); 2. По сравнению с большинством сверстников я менее счастлив(а) / более счастлив(а); 3. Некоторые люди обычно очень счастливы. Они получают удовольствие от жизни, что бы ни происходило, беря от жизни все. Насколько это похоже на вас? — совсем не похоже / в большей степени; 4. Некоторые люди обычно не особенно счастливы. Хотя они и не страдают депрессией, похоже, они никогда не бывают так счастливы, как могли бы быть. — совсем не похоже / в большей степени.

Буссери и Садава (Busseri, Sadava 2011) замечают, что общая дисперсия между компонентами СБ может являться просто методологическим артефактом, обусловленным необходимостью дать оценку различным аспектам своего психологического состояния. В связи с чем авторы склонны за понятием СБ видеть область исследований, нежели отдельную психологическую сущность или конструкт.

Даже в случае использования одномерной модели СБ, состоящей только из когнитивного или аффективного аспектов, введение в анкету целой батареи вопросов может быть излишне затратным. По этой причине некоторые авторы находят возможным ограничиться лишь одним вопросом. Так, на данных из США и Германии было показано, что шкала удовлетворенности жизнью (SWLS) имеет высокую корреляцию с вопросом «В целом насколько вы удовлетворены своей жизнью?». Оба показателя имеют схожую связь с экзогенными переменными (Cheung, Lucas 2014). Проверка надежности использования одномерной оценки на данных четырех национальных репрезентативных панельных исследованиях также продемонстрировала, что одного показателя достаточно: при построении многомерной модели удовлетворенности жизнью оценки надежности увеличились в среднем лишь на 16 % (Lucas, Donnellan 2012).

На основании вышесказанного и имеющихся ограничений данных (несмотря на то что опросники РМЭЗ содержат вопросы об оценках счастья, на текущий момент эти данные закрыты), мы решили остановиться на одномерном измерении СБ и ориентироваться на ответы на вопрос об удовлетворенности жизнью в целом.

Связь структурных параметров и СБ родителей

Вопрос влияния рождения детей на СБ родителей широко освещен в зарубежной литературе. Однако эти работы не предоставляют нам однозначного ответа о том, содействуют ли дети росту или снижению СБ родителей (то же отмечено в Austen et al. 2023). В исследовании немецких коллег было получено, что СБ (удовлетворенность жизнью) женщин начинает расти еще до рождения ребенка, и далее этот рост продолжается (Pollmann-Schult 2014; Baetschmann et al. 2016). Станка (Stanca 2012) же, наоборот, анализируя собранные в 94 странах данные, получил, что дети негативно влияют на СБ (удовлетворенность жизнью и оценки счастья) родителей. Обзор литературы по данной теме (Nomaguchi, Milkie 2020) показал, что доминирующей реакцией на беременность и рождение детей у обоих родителей все же является рост удовлетворенностью жизнью.

Столь противоречивые результаты получены, вероятно, потому что появление детей хотя и является для многих долгожданным событием,

обычно нарушает привычный ход жизни и требует значительных финансовых и временных затрат. Если ребенок рождается слишком рано, когда родители еще молоды (Hansen 2012) или когда мужчина как глава семьи не может обеспечить достойный и стабильный доход (Matysiak et al. 2016), то рождение ребенка будет связано с негативными оценками СБ, в первую очередь для отца (Pollmann-Schult 2014; Schröder 2020). Если же родители не испытывают больших трудностей в связи с появлением малыша, поскольку могут положиться на соответствующую инфраструктуру и помощь со стороны государства, то ребенок не будет оказывать негативный эффект (Glass et al. 2016). В отличие от мужчин, у женщин этап рождения ребенка характеризуются нестабильностью субъективных оценок: удовлетворенность жизнью в период рождения детей повышается у них сильнее, чем у мужчин, но затем постепенно падает (Feyrer et al. 2008; Nomaguchi, Milkie 2020).

Вопрос связи СБ и родительского статуса также получил освещение в работах, проведенных на российских данных. Прежде всего следует отметить работу Микука (Mikucka 2016), в которой на данных РМЭЗ за 1994–2015 гг. получено, что удовлетворенность жизнью у женщин и мужчин значимо не меняется с рождением первого ребенка. По мере взросления ребенка СБ (удовлетворенность жизнью) родителей растет, но значимый рост в большей мере характерен для мужчин. Рождение второго ребенка положительно связано с уровнем СБ обоих родителей, причем в год рождения второго ребенка женщины отличаются большей удовлетворенностью, чем мужчины, затем по мере взросления ребенка отцы отличаются большими показателями СБ.

Анализ российских данных показывает, что удовлетворенность жизнью женщин с детьми выше по сравнению с теми, кто детей не имеет (Karabchuk 2016; Панкратова 2013). Брак и дети содействуют повышению уровня удовлетворенности жизнью у мужчин и женщин (Isaeva, Salahodjaev 2021). Но, как и в зарубежных работах, рождение ребенка сопряжено не только с положительными оценками: у женщин отмечается рост неудовлетворенности материальным положением (Нуриманова, Бирюкова, Ермолина 2016).

Отдельное рассмотрение реакции мужчин на появление ребенка среди отечественных исследований, насколько нам известно, не осуществлялось. Только в исследовании Микука (Mikucka 2016) было получено, что подростки или вторые дети положительно воздействуют на удовлетворенность жизнью отцов. Стоит также упомянуть работы Авдеевой (2012) и Рождественской (2020), в которых показано, как зарождается в России тренд вовлеченного отцовства и активной заинтересованности мужчин

в воспитании детей, а также принять во внимание недавнюю статью Безруковой и Самойловой (2022) о разнообразии отцовских практик.

На основании вышесказанного мы предлагаем следующую гипотезу H1:

H1a: Рождение ребенка у женщин связано с повышением уровня СБ.

H1b: Рождение ребенка у мужчин связано с повышением уровня СБ.

Результаты исследований (Blednova, Bagirova 2021; Mikucka 2016; Панкратова 2013) в первую очередь указывают на значимость возраста родителей. По оценкам авторов (Mikucka 2016; Cetre et al. 2016; Blednova, Bagirova 2021), молодые родители с меньшим позитивом воспринимают рождение детей, чем родители более зрелых возрастов¹.

H2a: Рождение ребенка у молодых родителей приводит к снижению СБ.

Уровни СБ после рождения ребенка не статичны, но скорее демонстрируют положительную динамику, причем наиболее явно это проявляется в отношении отцов (Mikucka 2016). Субъективные оценки (удовлетворенность жизнью) женщин на разных этапах — первые годы после рождения и в последующие годы — колеблются, но в конечном счете превышают уровни СБ до рождения (Baetschmann et al. 2016; Mikucka 2016). Сравнительный анализ женщин, имеющих детей разных возрастов (Карабчук и др. 2012) показал, что удовлетворенностью жизнью у женщин с детьми до полутора лет растет, а затем падает, но уже после достижения ребенком семи лет удовлетворенность жизнью у женщин повышается (Панкратова 2013). Исходя из этого мы предполагаем, что, несмотря на колебания, в целом наблюдается положительная динамика СБ по мере взросления ребенка.

H2b: Чем взрослее ребенок, тем выше уровень СБ родителей.

Помимо временных аспектов, значимыми оказываются структурные различия. Для низкодоходных семей воспитание детей — довольно сложная задача, поскольку дети требуют больших затрат (Umberson et al. 2010), поэтому финансовая неудовлетворенность обуславливает низкие оценки СБ в небогатых семьях (Stanca 2012; Cetre et al. 2016; Pollmann-Schult 2014).

H3: Чем выше уровень доходов индивидов, тем рождение детей в большей мере содействует росту СБ.

¹ В то же время Кохлер (Kohler 2015) показывает, что для российских женщин наиболее благоприятный период для рождения с точки зрения социальных ожиданий приходится на молодые годы. Но исследование Кохлер было осуществлено на данных начала 2000-х годов, у современных женщин наиболее благоприятный период мог сдвинуться в более старшие возрасты.

Период рождения ребенка также привносит свои коррективы в занятость родителей, особенно это касается матерей: они, как правило, уходят в декретный отпуск. Чаще всего женщина сидит дома с ребенком в течение 1,5–2 лет — период, когда законодательно она может получать пособие по уходу за ребенком. По прошествии этого периода многие женщины возвращаются на рабочее место (Gasiukova 2022), при этом двухлетний ребенок все равно требует много внимания со стороны матери и женщина вынуждена лавировать между домашними обязательствами и работой. Необходимость соответствовать роли матери и работника на ранних этапах воспитания ребенка приводит к усилению конфликта «работа — семья», когда у женщины не хватает времени и сил, чтобы полноценно реализовать себя в обеих сферах (Voydanoff 2005). В свою очередь, данный конфликт оборачивается снижением субъективного благополучия женщин (Nomaguchi et al. 2005; Kinnunen, Mauno 1998). На мужчину также возлагаются обязательства по обеспечению семьи, но, как правило, отцы не столь обременены домашними заботами, и им конфликт «работа — семья» не наносит такой же субъективный ущерб, как женщинам (Zhao et al. 2011; Kinnunen et al. 2004). Исходя из этого мы выдвигаем гипотезу:

Н4: Ребенок в возрасте двух лет негативно сказывается на СБ женщин, если они в этот период выходят на работу.

В то же время супруги также могут сталкиваются с проблемой нормативных ожиданий в отношении главного кормильца семьи. Так, Полман-Шульт (Pollmann-Schult 2014) показывает, что в семьях, в которых оба родителя работают и не испытывают финансовых трудностей, пара может испытывать психологический дискомфорт, связанный с тем, что мужчина не может выступать полноценным добытчиком в семье¹. И хотя консервативные мужчины, видящие себя кормильцами семьи, в меньшей степени вовлечены в заботу о детях (Кравченко 2012), сам факт появления детей в семье может позитивно отражаться на их удовлетворенности жизнью. С учетом этого и того, что в России сегодня доминируют гендерные представления о мужчине как главном кормильце в семье, мы склонны вывести следующую гипотезу:

Н5: Чем выше доля дохода мужчины в семейном бюджете, тем позитивнее рождение ребенка сказывается на СБ родителя.

¹ Но этот тезис также может быть оспорен: Лангнер (2022) получил, что родителям с подростками детьми дискомфорт по поводу соответствия гендерным ролям не свойствен.

Методология

Данные. Выборка — панельные данные РМЭЗ, волны 2016–2021 гг. 2016 год выбран как первый после кризиса 2014/15 г., который потенциально мог внести трудноучитываемый вклад в связь субъективного благополучия с деторождением. В выборку попали респонденты обоих полов в возрасте от 20 до 45 лет включительно, состоящие в браке¹. Ограничения на возраст обусловлены наиболее распространенным и нормативно ожидаемым периодом для рождения детей. Отбор респондентов в браке связан с тем, что эффекты влияния детей на субъективные оценки в статусе брака и при его отсутствии могут сильно различаться. В итоге выборка составила 3904 человека.

В таблице 1 представлен объем выборки за каждый год: видно, что выборка сильно истощается в ходе отбора панельных данных за исследуемый период.

Таблица 1

Численность выборки в разные годы

год	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Число кейсов (% к 2016 г.)	3904 (100)	3305 (85)	2776 (71)	2473 (63)	2153 (55)	1921 (49)

Метод. Анализ гипотез осуществлялся с помощью модели с фиксированными эффектами. Одним из преимуществ модели является то, что, несмотря на истощение выборки, оценки модели с фиксированными эффектами остаются асимптотически валидными при условии, что отсутствует неучтенная переменная, которая одновременно влияет на зависимую переменную в период t и на вероятность респондента отсутствовать в волне t (Wooldridge 2010: 829). Непосредственно это допущение

¹ Мы решили включить в рассмотрение лишь полные семьи по причине того, что СБ одинокого родителя заведомо ниже СБ родителей, состоящих в браке (Başlevent, Kirmanoğlu 2017). Воспитание ребенка при отсутствии поддержки со стороны партнера может повлечь значительное снижение субъективных оценок индивида (Jenkinson et al. 2020). Одинокий родитель сталкивается как с двойной трудовой нагрузкой, так и с ограничением материальных ресурсов. Помимо этого, референтной группой для него все еще остается полная семья, и индивид, уже исходя из неполноценности своей семьи, судит о своем благополучии (данный эффект присущ «коллективистски» ориентированным странам, к которым авторы относят Россию /Stavrova, Fetchenhauer 2015/). Тема СБ одиноких родителей составляет отдельную ветвь исследований, рассматривающих динамику субъективного состояния родителя в зависимости от различных обстоятельств (Herbst 2012).

проверить невозможно, так как нам неизвестно значение зависимой переменной для отсутствующих респондентов, тем не менее можно предложить косвенный тест. Можно ввести в модель индикатор отсутствия респондента в $t-1$ ¹ или $t+1$ момент времени как предиктор зависимой переменной в момент t . Для асимптотической несмещенности коэффициент при индикаторе должен быть незначим (Wooldridge 2010: 832–833). В нашем случае коэффициент в обоих тестах оказался незначим. Также мы сопоставили коэффициенты нашей модели и модели, рассчитанной на сбалансированной подвыборке нашей выборки (т.е. тех респондентов, которые присутствовали шесть лет подряд в базе) (Wooldridge 2010: 831). Значимых различий между коэффициентами выявлено не было.

Переменные. Зависимая переменная: СБ измерялось с помощью вопроса «Насколько вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время?» Данная переменная является порядковой и имеет пять вариантов ответов (от «совсем не удовлетворены» до «полностью удовлетворены»). В анализе переменная рассматривалась как численная.

В литературе можно найти различные способы введения возраста детей в модель. Номагучи (Nomaguchi 2012) полагает, что необходимо учитывать возраст старшего ребенка, поскольку первый ребенок оказывает наибольшее влияние на восприятие родителей. Микука (Mikucka 2016), показала, что не первый, а второй ребенок приносит наибольший вклад в удовлетворенность родителей. Важно принимать во внимание возраст уже имеющихся детей, так как ситуации воспитания одновременно нескольких маленьких детей отличаются от ситуаций, когда в семье есть дети разных возрастов (Панкратова 2013). В другой работе (Milovanska-Farrington, Farrington 2021) авторы приходят к выводу, что каждый новый ребенок приносит больше счастья семье. В нашей работе мы учитывали возраст всех детей до достижения совершеннолетия (17 лет включительно). Поскольку опыт родительства качественно меняется с возрастом ребенка, возраст был закодирован как несколько бинарных переменных: 0 (год рождения), 1, 2, 3–4, 5–7, 8–10, 11–14, 15–17 лет.

Критерием принадлежности к молодой группе респондентов был возраст 32 года — медиана рождения ребенка. Если респондент строго моложе 32 лет, то он считался молодым.

Литература показывает, что субъективные оценки подвержены волатильности из-за воздействия нестабильной политико-экономической

¹ Для 2016 г. индикатор был построен с привлечением данных за 2015 г. по тем респондентам, кто уже был в базе данных. Для новичков индикатору присвоено то же значение, что и для тех, кто присутствовал в базе 2015 г.

обстановки, в связи с чем в модели был учтен временной тренд — была введена переменная ВВП России за каждый исследуемый год (в ценах 2016 г., млрд руб.). При этом переменная ВВП слабо коррелировала с переменными различных возрастов детей (корреляция составила не более 11 %); а интеракция рождения ребенка и переменной ВВП незначима.

Действительно, можно говорить о том, что период с 2016 по 2021 г. отличался неустойчивым характером: 2015 г. ощущал отголоски экономического кризиса и роста цен 2014 г.; некоторая стабилизация пришлась на 2016 г., когда выросли топливно-энергетические доходы России в связи со снижением добычи нефти стран ОПЕК. Но в целом с 2014 по 2017 г. реальные доходы населения в России сокращались, в 2018 г. был зафиксирован околонулевой рост, и лишь в 2019 г. они немного увеличились, но в 2020 г. (начало ковида) уже зафиксирована отрицательная динамика.

Доход. 1) уровень дохода на члена семьи, поделенный на медианный доход жителя населенного пункта следующего типа: крупный город (от 500 тыс. жителей включительно и выше) или малый город/поселение (до 500 тыс. жителей); 2) доля дохода мужчины в семейном бюджете (для женщин (все женщины в выборке замужние) показатель рассчитывался как $1 - \text{доля дохода женщины в д/х}$).

Респондент присутствует на рынке труда, если он занят или находится в отпуске, в том числе декретном. Дополнительно рассматривался показатель, фиксирующий трудовую нагрузку работника не более 25 часов в неделю.

Обозначим как Base выражение, входящее в каждую из наших моделей:

$$\text{Base} = \alpha_i + \sum_{m=0}^8 \beta_m * \text{child_age}_{m_it} + \text{gdp}_t + u_{it},$$

где α_i , $i=1, \dots, n$ — фиксированный эффект i-го респондента, child_age_{m_it} — бинарная переменная принадлежности ребенка к одной из восьми возрастных групп: 0 (новорожденный), 1, 2, 3–4, 5–7, 8–10, 11–14, 15–17 лет; gdp_t — уровень ВВП для t-года; u_{it} — ошибка.

Для проверки гипотез рассмотрим следующие модели:

$$1) \text{Satis}_{it} = \text{Base} + \beta_9 * \text{male}_i * \text{child_age}_{0_it},$$

где Satis_{it} — зависимая переменная удовлетворенности жизнью в t-й момент времени, male_i — мужской пол,

$$2) \text{Satis}_{it} = \text{Base} + \beta_9 * \text{yng}_{it} + \beta_{10} * \text{yng}_{it} * \text{child_age}_{0_it},$$

где yng_{it} — моложе 32 лет,

$$3) \text{Satis}_{it} = \text{Base} + \beta_9 * \text{inc_mem}_{it} + \beta_{10} * \text{inc_mem}_{it} * \text{child_age}_{0_it},$$

где inc_mem_{it} — уровень дохода на члена семьи,

$$4) \text{Satis}_{it} = \text{Base} + \beta_9 * \text{work}_{it} + \beta_{10} * \text{work}_{it} * \text{child_age}_{2,it},$$

где work_{it} — у респондента нет работы или респондент работает не более 25 часов,

$$5) \text{Satis}_{it} = \text{Base} + \beta_9 * \text{share}_{it} + \beta_{10} * \text{share}_{it} * \text{child_age}_{0,it},$$

где share_{it} — доля дохода мужчины в семейном бюджете.

Результаты

В таблице 2 представлены результаты регрессионного анализа с фиксированными эффектами. Согласно результатам модели 1, женщины (коэффициент 0,202 и стандартная ошибка 0,043) и мужчины (коэффициент 0,202 — 0,064 = 0,138; стандартная ошибка 0,05) положительно реагируют на появление детей в семье. Полученные коэффициенты свидетельствуют в пользу гипотез 1a и 1b. Мы также рассмотрели интеракции каждой переменной возраста ребенка с мужским полом, чтобы убедиться, что отцы и матери одинаково реагируют на взросление детей. Мы получили, что различия эффектов детей между мужчинами и женщинами незначимы, независимо от возраста ребенка (не представлено).

Таблица 2

Результаты регрессионного анализа с фиксированными эффектами

	Пол	Возраст	Доход	2 года ребенку и незанятость		Доля дохода
				нет работы	<= 25 часов	
Независимые переменные	1	2	3	5	6	7
Рождение ребенка	0,202 (0,043)***	0,205 (0,044)***	0,225 (0,046)***	0,176 (0,035)***	0,179 (0,036)***	0,154 (0,087)
Возраст ребенка (1 год)	0,049 (0,032)	0,046 (0,032)	0,074 (0,033)*	0,052 (0,032)	0,067 (0,033)*	0,048 (0,033)
Возраст ребенка (2 года)	-0,051 (0,031)	-0,053 (0,031)	-0,036 (0,032)	- 0,408 (0,094)***	- 0,095 (0,044)*	- 0,055 (0,033)
Возраст ребенка (3–4 года)	-0,065 (0,028)*	-0,067 (0,028)*	-0,059 (0,028)*	- 0,062 (0,027)*	- 0,064 (0,028)*	- 0,068 (0,029)*
Возраст ребенка (5–7 лет)	-0,052 (0,026)*	-0,056 (0,026)*	-0,054 (0,027)*	- 0,050 (0,026)	- 0,052 (0,027)	- 0,067 (0,027)*
Возраст ребенка (8–10 лет)	-0,02 (0,026)	-0,025 (0,026)	-0,001 (0,026)	- 0,015 (0,025)	- 0,010 (0,026)	- 0,012 (0,027)
Возраст ребенка (11–14 лет)	-0,006 (0,026)	-0,01 (0,027)	0,011 (0,027)	- 0,004 (0,026)	- 0,009 (0,027)	0,007 (0,027)

Окончание табл. 2

Независимые переменные	1	2	3	5	6	7
Возраст ребенка (15–17 лет)	–0,005 (0,025)	–0,007 (0,025)	–0,001 (0,026)	– 0,005 (0,025)	– 0,001 (0,026)	– 0,008 (0,026)
Рождение × Мужчина	–0,064 (0,062)	-	-	-	-	
Молодой возраст	-	–0,009 (0,029)	-	-	-	-
Рождение × Молодой возраст	-	–0,069 (0,062)	-	-	-	-
Доход	-	-	0,068 (0,011)***	-	-	-
Рождение × Доход	-	-	–0,033 (0,028)	-	-	-
Незанятость	-	-	-	– 0,275 (0,034)***	– 0,232 (0,032)***	-
Возраст ребенка (2 года) × Незанятость	-	-	-	0,296 (0,067)***	0,241 (0,066)***	-
Возраст ребенка (2 года) × Мужчина	-	-	-	0,464 (0,166)**	0,027 (0,053)	-
Мужчина × Незанятость	-	-	-	– 0,171 (0,061)**	– 0,137 (0,060)*	-
Возраст ребенка (2 года) × Мужчина × Незанятость	-	-	-	– 0,416 (0,141)**	– 0,366 (0,141)**	-
Доля дохода мужчины	-	-	-	-	-	0,079 (0,035)*
Рождение × Доля дохода	-	-	-	-	-	0,037 (0,115)
ВВП	0,008 (0,002)***	0,008 (0,003)**	0,008 (0,002)**	0,008 (0,002)***	0,008 (0,002)***	0,009 (0,002)***

Примечания. * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$. В скобках приведены стандартные ошибки.

Таблица 3

**Эффекты ребенка двухлетнего возраста
для женщин и мужчин с разным трудовым статусом**

Возраст ребенка у занятых женщин	–0,408(0,093)**
Возраст ребенка у незанятых женщин	–0,112(0,042)*
Возраст ребенка у занятых мужчин	0,056 (0,141)
Возраст ребенка у незанятых мужчин	–0,064 (0,042)
Возраст ребенка у женщин, работающих более 25 часов	–0,095 (0,044)*
Возраст ребенка у женщин, работающих не более 25 часов	0,146 (0,058)*
Возраст ребенка у мужчин, работающих более 25 часов	–0,068 (0,044)
Возраст ребенка у мужчин, работающих не более 25 часов	–0,194 (0,13)

Примечания. * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$. В скобках приведены стандартные ошибки.

Однако позитивный эффект рождения детей длится недолго, и уже к трем годам ребенок начинает негативно воздействовать на удовлетворенность жизнью респондентов (рис. 1). Данный результат не позволяет принять гипотезу 2b. Предположительно, данный эффект можно объяснить тем, что радость, охватывающая родителей при рождении детей, к трем годам ослабевает и родители начинают задумываться об иных аспектах жизни. В это время женщина возвращается на рынок труда

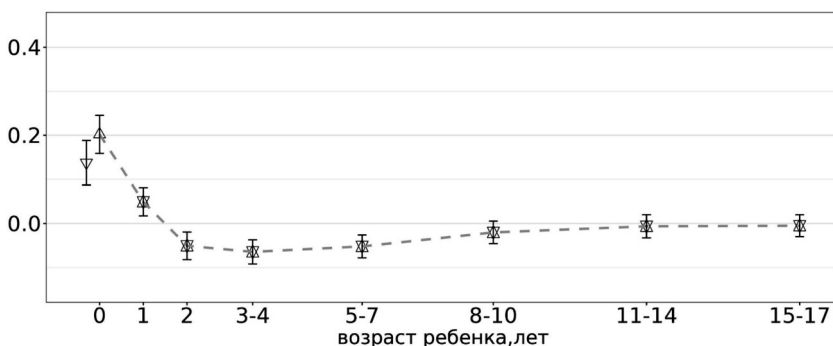

Рис. 1. Коэффициенты при различных возрастах детей
▽ — мужчина, Δ — женщина, ☆ — мужчина/женщина.
Вертикальная линия обозначает стандартную ошибку

и вынуждена совмещать семейные и трудовые обязанности в полном объеме. Схожий результат был получен Панкратовой (2013): ребенок до 1,5 лет положительно воспринимается матерями, но затем их СБ падает.

Рождение ребенка положительно влияет на СБ даже у молодых родителей (модель 2, табл. 2, коэффициент $0,205 - 0,069 = 0,136$, стандартная ошибка 0,05). Гипотеза 2а не получает подтверждение: даже молодые супруги чувствуют себя более удовлетворенными жизнью, если у них рождается ребенок.

Значимым фактором позитивных оценок респондентов также выступает материальное положение: чем оно выше, тем благополучнее себя чувствует респондент (модель 3, табл. 2). Однако интеракция рождения ребенка и дохода респондента оказалась незначима, что говорит о том, что появление ребенка в семье содействует росту СБ, вне зависимости от уровня обеспеченности семьи. Гипотеза 3 не может быть принята.

В таблице 3 отражены эффекты наличия детей двух лет для женщин, занимающих различное положение на рынке труда. Значимыми являются различия для работающих (имеющих занятость или фактически тратящих на работу более 25 часов в неделю) и неработающих женщин, что соответствует гипотезе 4. Аналогичные модели с включением иных (отличных от двух лет) возрастов детей не показали значимого различия эффектов наличия ребенка для занятых и незанятых женщин. Такие же эффекты в отношении мужчин оказались незначимы для всех возрастов детей.

Для мужчин значим не только материальный недостаток семьи, но и личный вклад в семейный бюджет: как и ранее, мужчина ассоциирует себя в первую очередь с добытчиком в семье и СБ членов семьи повышается, если доля дохода мужчины в домохозяйстве растет (модель 5, табл. 2). Но интеракция рождения и доли дохода мужчины в семье незначима: родители одинаково рады появлению ребенка в случаях с разным вкладом мужского дохода в общий бюджет семьи. В итоге гипотеза 5 не получила подтверждение.

Обсуждение и заключение

Отправной точкой представленной работы послужила проблема гендерного неравенства. В литературе этот феномен преимущественно представлен как дисбаланс выигрышей и проигрышей мужчин и женщин. Нами предложено использовать субъективное благополучие в качестве интегрального показателя гендерного преимущества (дисбаланса), поскольку оно позволяет оценить ощущение удовлетворенности и благополучия в жизни женщины. Работа посвящена рассмотрению отдельного этапа жизненного пути — рождения и воспитания детей как периода,

вносящего значительные коррективы в образ жизни и субъективное состояние молодых родителей. Мы хотели понять, каким образом меняется субъективное благополучие мужчин и женщин на этом этапе, можно ли утверждать, что выигрыш женщин от рождения ребенка выше, чем выигрыш мужчин, в терминах субъективного благополучия. Для ответа на этот вопрос мы оценили модели на основе панельных данных, в которых зависимой переменной выступала удовлетворенность жизнью, а главными независимыми переменными — возраст детей, при контроле других параметров. В итоге мы получили, что рождение детей оказывает положительное воздействие на субъективное благополучие как матерей, так и отцов. Если в отношении женщин полученные зависимости более чем ожидаемы, то в отношении мужчин данный результат не столь тривиален. Можно предположить, что отцовство выступает, с одной стороны, показателем статуса для мужчин, а с другой стороны, одной из актуальных форм реализации мужчины в современном обществе. Исследуемый российскими авторами (Авдеева 2012; Рождественская 2020) феномен вовлеченного отцовства согласуется с этими предположениями. Мужчины начинают выполнять обязанности по заботе о детях, потому что сами хотят принимать равное (а иногда и большее) участие в воспитании ребенка. На примере ценностей отцовства сегодня можно зафиксировать трансформацию гендерных паттернов, распространение вариативных гендерных ролей и ослабление традиционной модели семьи. Также не получила подтверждения и гипотеза о том, что доля дохода мужчины в семейном бюджете увеличивает позитивный эффект от рождения ребенка на субъективное благополучие родителя, что, возможно, тоже свидетельствует о росте популярности эгалитарных (а не патриархальных) отношений в молодых семьях. Впрочем, сама по себе доля дохода мужчины в бюджете семьи положительно влияет на субъективное благополучие обоих супругов.

Исследование воздействия детей в разных возрастах показало, что положительный эффект рождения оказывается не долгосрочен, и уже к двум годам субъективное благополучие родителей начинает падать. Вероятно, ожидание и рождение ребенка связано с положительным этапом в жизни семьи, но, когда ребенок подрастает, родители (чаще матери) вынуждены совмещать домашние дела с работой и также решать вопросы воспитательного и образовательного характера (оформление в детские сады, кружки и т.д.). В частности, российские авторы (Карабчук и др. 2012; Панкратова 2013) показывают, как положительный эффект, присущий этапу рождения ребенка, начинает затухать по достижению ребенком 1,5 лет. Наши расчеты подтверждают, что именно на этом этапе женщины

испытывают негативное воздействие одновременной занятости на рынке труда и необходимости осуществлять заботу о ребенке. Возможно, более благоприятной альтернативой для женщины может быть постепенный выход из декрета, когда она совмещает домашние заботы с частичной занятостью на рынке труда.

Рождение ребенка оказывает позитивное воздействие на субъективное благополучие родителей, даже если семья обладает невысоким достатком. Тем самым можно говорить о том, что в России статус родителя поощряем среди различных слоев населения и выступает универсальной детерминантой удовлетворенности жизнью.

Отметим также, что как у мужчин, так и женщин выявлены практически идентичные зависимости. Полученные нами выводы позволяют говорить о том, что женщина, став матерью, с точки зрения своего субъективного состояния не выигрывает по сравнению с мужчиной: оба родителя склонны синхронно реагировать на этапы рождения и воспитания детей. Исходное предположение о том, что гендерное неравенство может снижаться за счет роста субъективного благополучия у женщин в ответ на рождение ребенка, не получило однозначного подтверждения. Результаты говорят о стирании различий в ценности материнства и отцовства, при этом паттерн колебаний субъективного благополучия для матерей и отцов может отличаться, в частности период выхода из декрета является чувствительным для женщин.

В заключение можно указать ряд направлений для дальнейшей работы. Некоторые потенциально значимые факторы не были рассмотрены в представленной работе. Так, Микука (Mikuska 2016) получила, что субъективное благополучие родителей в первую очередь определяется числом детей в семье; также, как предполагается, стоит учитывать возможность поддержки со стороны других членов семьи, которые могли бы при необходимости взять на себя часть домашних обязанностей; не менее важную роль имеет и наличие соответствующей инфраструктуры заботы о детях (близлежащие поликлиники, детские сады, места досуга, транспортная доступность и т.д.) (Шпаковская 2015).

Литература/References

Авдеева А.В. (2012) «Вовлеченное отцовство» в современной России: стратегии участия в уходе за детьми. *Социологические исследования*, 11: 95–104.

Avdeeva A.V. (2012) “Vovlechennoe ottsovsstvo” v sovremennoj Rossii: strategii uchastiya v uhode za det'mi [“Involved Fatherhood” in modern Russia: the strategies of child]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 11: 95–104 (in Russian).

Арженовский С.В., Артамонова Д.В. (2007) Оценка потерь в зарплате женщин с детьми. *Прикладная эконометрика*, 7(3): 66–79.

Arzhenovskij S.V., Artamonova D.V. (2007) Ocenka poter' v zarplate zhenshchin s det'mi [The assessment of wage losses of women with children]. *Prikladnaya ekonometrika* [Applied Econometrics], 7(3): 66–79 (in Russian).

Безрукова О.Н., Самойлова В.А. (2022) Отцовство в современной России: смыслы, ценности, практики и межпоколенческая трансляция. *Социологические исследования*, 2(2): 94–106.

Bezrukova O.N., Samoilova V.A. (2022) Otcovstvo v sovremennoj Rossii: smysly, cennosti, praktiki i mezhpokolencheskaya translyaciya [Fatherhood in Modern Russia: Meanings, Values, Practices and Intergenerational Translation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2(2): 94–106 (in Russian).

Бирюкова С.С., Макаренцева А.О. (2017) Оценки «штрафа за материнство» в России. *Население и экономика*, 1(1): 50–70.

Biryukova S.S., Makarenceva A.O. (2017) Ocenki «shtrafa za materinstvo» v Rossii [The evaluation of motherhood penalty]. *Naselenie i ekonomika* [Population and Economics], 1(1): 50–70 (in Russian).

Гасюкова Е.Н., Петрова А.А. (2021) Субъективные оценки нестабильной занятости: так ли уж плохо быть нестабильным? *Экономическая социология*, 22(3): 39–70.

Gasiukova E.N., Petrova A.A. (2021) Subektivnye ocenki nestabil'noj zanyatosti: tak li uzh ploho byt' nestabil'nym? [The Subjective Perception of Employment Instability: Is It Bad to Be Unstable?]. *Ekonomicheskaya sociologiya* [Journal of Economic Sociology], 22(3): 39–70 (in Russian).

Ермолина А.А., Рохмина Е.Б., Васильева Ю.М., Трач Т. (2016) Рождение ребенка как фактор доходной обеспеченности женщин. Насколько велик в России «штраф за материнство»? *Демоскоп Weekly*, (701–702): 35–40.

Ermolina A.A., Rohmina E.B., Vasileva Y.M., Trach T. (2016) Rozhdenie rebenka kak faktor dohodnoj obespechennosti zhenshchin. Naskol'ko velik v Rossii "shtraf za materinstvo"? [A childbirth as a factor of material well-being of women. How is high the motherhood penalty in Russia] *Demoskop Weekly* [Demoscope Weekly], (701–702): 35–40 (in Russian).

Карабчук Т.С., Миронова А.А., Ремезкова В.П. (2015) Работа или второй ребенок: о чем говорят данные РМЭЗ-ВШЭ? *Вопросы экономики*, 6: 81–105.

Karabchuk T., Mironova A., Remezкова V. (2015) Rabota ili vtoroj rebenok: o chem govoryat dannye RMEZ-VSHE? [The Link Between the Probability of Having the Second or Third Child and Woman's Employment Characteristics], *Voprosy Ekonomiki* [Voprosy Ekonomiki], 6: 81–105 (in Russian).

Карабчук Т.С., Нагерняк М.А., Сухова А.С., Колотова Е.В., Панкратова М.Л., Панкратова В.Л. (2012) Женщины на российском рынке труда после рождения ребенка. *Вестник РМЭЗ НИУ ВШЭ*, 2: 66–94.

Karabchuk T., Nagernyak M., Suchova A., Kolotova E., Pankratova V. (2012) Zhenshchiny na rossijskom rynke truda posle rozhdeniya rebenka. Vestnik RMEZ NIU VSHE [Women on labor market after the childbirth]. *Vestnik RMEZ VSHE* [Journal RLMS HSE], 2: 66–94 (in Russian).

Кравченко Ж.В. (2012) Мужчины в заботе о детях: сравнительный анализ России, Франции и Норвегии. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 15(1): 65–85.

Kravchenko Z.V. (2012) Muzhchiny v zabote o detyah: sravnitel'nyj analiz Rossii, Francii i Norvegii [Men and childcare: the comparative analysis of Russia, France and Norway]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of sociology and social anthropology], 15(1): 65–85 (in Russian).

Кученкова А.В., Татарова Г.Г. (2019) «Этап жизненного цикла» как детерминанта субъективного благополучия личности. *Социологические исследования*, (8): 30–43.

Kuchenkova A.V., Tatarova G.G. (2019) «Etap zhiznennogo cikla» kak determinanta subektivnogo blagopoluchiya lichnosti [The life stage as a determinant of subjective well-being of a person]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], (8): 30–43 (in Russian).

Нуриманова И.Ф., Бирюкова С.С., Ермолина А.А. (2016) Динамика совокупных доходов и субъективного восприятия материального положения российских женщин в первые годы после рождения ребенка. *Демоскоп Weekly*, 701–702.

Nurimanova I.F., Biryukova S.S., Ermolina A.A. (2016) Dinamika sovokupnyh dohodov i sub'ektivnogo vospriyatiya material'nogo polozheniya rossijskih zhenshchin v pervye gody posle rozhdeniya rebenka [The Dynamics of aggregate incomes and subjective perception of the financial situation of Russian women in the first years after childbirth]. *Demoscop Weekly* [Demoscope Weekly], 701–702 (in Russian).

Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. (2020) Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 155(1): 117–142.

Osin E.N., Leontyev D.A. (2020) Kratkie russkoyazychnye shkaly diagnostiki sub'ektivnogo blagopoluchiya: psihometricheskie harakteristiki i sravnitel'nyj analiz [The short Russian scales of subjective well-being diagnostics: psychometric characteristics and comparative analysis]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 155(1): 117–142 (in Russian).

Ощепков А.Ю. (2020) Отцы и дети: «премия за отцовство» на российском рынке труда. *Экономический журнал Высшей школы экономики*, 24(2): 157–190.

Oshchepkov A. (2020) Ottsy i deti: «premiya» za otsovstvo na rossijskom rynke truda [Fathers and children: The Fatherhood Wage Premium in Russia]. *Ekono-*

micheskii zhurnal Vishey shkoly ekonomiki [HSE Economic Journal], 24(2): 157–190 (in Russian).

Панкратова М.Л. (2013) Удовлетворенность российских женщин с детьми и без детей работой и жизнью. *Экономическая социология*, 4(2): 88–110.

Pankratova M.L. (2013) Udovletvoryonnost' rossijskikh zhenshchin s det'mi i bez detej rabotoj i zhizn'yu [Satisfaction of Russian women with and without children by work and life]. *Ekonomicheskaya sociologiya* [Journal of Economic Sociology], 14(2): 88–110 (in Russian).

Рождественская Е.Ю. (2020) Вовлеченное отцовство, заботливая маскулинность. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 5: 155–185.

Rozhdestvenskaya E.Y. (2020) Vovlechennoe otcovstvo, zabotlivaya maskulinnost' [Involved Fatherhood, Caring Masculinity]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnie peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 5: 155–185 (in Russian).

Рощин С.Ю., Емелина Н.К. (2022) Метаанализ гендерного разрыва в оплате труда в России. *Экономический журнал Высшей школы экономики*, 26(2): 213–239.

Roshchin S., Yemelina N. (2022) Meta-analiz gendernogo razryva v oplate truda v Rossii [Meta-analysis of the Gender Pay Gap in Russia]. *Ekonomicheskii zhurnal Vishey shkoly ekonomiki* [HSE Economic Journal], 26(2): 213–239 (in Russian).

Соболева Н.Э. (2020) Факторы, влияющие на вклад удовлетворенности работой в удовлетворенность жизнью в России. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 155(1): 368–390.

Soboleva N.E. (2020) Faktory, vliyayushchie na vklad udovletvorennosti rabotoj v udovletvorennost' zhizn'yu v Rossii [Determinants and the interrelationship between job satisfaction and life satisfaction in Russia]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnie peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 155(1): 368–390 (in Russian).

Шпаковская Л.Л. (2015) Городская инфраструктура заботы о детях: реальные и идеальные пространства. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 18(4): 111–125.

Shpakovskaya L.L. (2015) Gorodskaya infrastruktura zaboty o detyah: real'nye i ideal'nye prostranstva [The Urban Infrastructure of care about children: real and ideal spaces]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 18(4): 111–125 (in Russian).

Austen S., Kalsi J., Mavisakalyan A. (2023) Parenthood and the distribution of intra-household inequalities in wellbeing. *The Journal of Economic Inequality*, 21: 405–440.

Baetschmann G., Staub K.E., Studer R. (2016) Does the stork deliver happiness? Parenthood and life satisfaction. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 130: 242–260.

Başlevent C., Kirmanoğlu H. (2017) Gender inequality in Europe and the life satisfaction of working and non-working women. *Journal of happiness studies*, 18: 107–124.

Blednova N., Bagirova A. (2021) Factor Modeling of Russian Women's Perceptions of Combining Family and Career. *Communications of the ECMS*, 35(1): 69–74.

Busseri M.A., Sadava S.W. (2011) A review of the tripartite structure of subjective well-being: Implications for conceptualization, operationalization, analysis, and synthesis. *Personality and social psychology review*, 15(3): 290–314.

Cetre S., Clark A.E., Senik C. (2016) Happy people have children: Choice and self-selection into parenthood. *European Journal of Population*, 32(3): 445–473.

Cheung F., Lucas R.E. (2014) Assessing the validity of single-item life satisfaction measures: Results from three large samples. *Quality of Life research*, 23(10): 2809–2818.

Cooke L.P., Fuller S (2018) Class differences in establishment pathways to fatherhood wage premiums. *Journal of Marriage and Family*, 80(3): 737–751.

Diener E.D., Emmons R.A., Larsen R.J., Griffin S. (1985) The satisfaction with life scale. *Journal of personality assessment*, 49(1): 71–75.

Diener E., Lucas R.E., Oishi S. (2002) Subjective well-being: The science of happiness and life satisfaction. In Snyder C.R., Lopez S.J. (eds.) *Handbook of Positive Psychology*. Oxford; New York: Oxford University Press: 463–473.

Diener E., Lucas R.E., Oishi S. (2018) Advances and open questions in the science of subjective well-being. *Collabra: Psychology*, 4(1): 1–49.

Jenkinson S., Matsuo H., Matthys K. (2020) Multi-dimensional subjective wellbeing and lone parenthood following divorce in Flanders (Northern Belgium). In Mortelmans D. (ed.) *Divorce in Europe: New Insights in Trends, Causes and Consequences of Relation Break-ups*. London: SpringerOpen: 211–236.

Feyrer J., Sacerdote B., Stern A.D. (2008) Will the stork return to Europe and Japan? Understanding fertility within developed nations. *Journal of Economic Perspectives*, 22(3): 3–22.

Gasiukova E.N. (2022) Between Career and Motherhood: Factors Affecting Women's Career Trajectories After Childbirth in Russia. *Changing Societies and Personalities*, 6(4): 804–822.

Glass J., Simon R.W., Andersson M.A. (2016) Parenthood and happiness: Effects of work-family reconciliation policies in 22 OECD countries. *American Journal of Sociology*, 122(3): 886–929.

Hansen T. (2012) Parenthood and happiness: A review of folk theories versus empirical evidence. *Social indicators research*, 108: 29–64.

Harryson L., Strandh M., Hammarström A. (2012) Domestic Work and Psychological Distress – What Is the Importance of Relative Socioeconomic Position and Gender Inequality in the Couple Relationship? *PloS one*, 7(6): e38484.

Herbst C.M. (2012) Footloose and fancy free? Two decades of single mothers' subjective well-being. *Social Service Review*, 86(2): 189–222.

Isaeva A., Salahodjaev R. (2021) Correlates of life satisfaction inequality in Russia. *Applied Research in Quality of Life*, 16(5): 2251–2269.

Karabchuk T. (2016) The subjective well-being of women in Europe: Children, work and employment protection legislation. *Mind & Society*, 15(2): 219–245.

Kjell O.N.E., Daukantaitė D., Hefferon K., Sikström S. (2016) The harmony in life scale complements the satisfaction with life scale: Expanding the conceptualization of the cognitive component of subjective well-being. *Social Indicators Research*, 126(2): 893–919.

Killewald A. (2013) A reconsideration of the fatherhood premium: Marriage, coresidence, biology, and fathers' wages. *American sociological review*, 78(1): 96–116.

Kinnunen U., Mauno S. (1998) Antecedents and outcomes of work family conflict among employed women and men in Finland. *Human Relations*, 51(2): 157–177.

Kinnunen U., Geurts S., Mauno S. (2004) Work-to-family conflict and its relationship with satisfaction and well-being: a one-year longitudinal study on gender differences. *Work & Stress*, 18(1): 1–22.

Kohler H.P. (2015) Do children bring happiness and purpose in life? In Kaufmann E.P., Wilcox W.B. (eds.) *Whither the Child? Causes and Consequences of Low Fertility*. N.Y.: Routledge: 61–90.

Langner L. (2022) Desperate Housewives and Happy Working Mothers: Are Parent-Couples with Equal Income More Satisfied throughout Parenthood? *A Dyadic Longitudinal Study*. *Work, Employment and Society*, 36(1): 80–100.

Lucas R.E., Donnellan B.M. (2012) Estimating the reliability of single-item life satisfaction measures: Results from four national panel studies. *Social Indicators Research*, 105(3): 323–331.

Lyubomirsky S., Lepper H.S. (1999) A measure of subjective happiness: Preliminary reliability and construct validation. *Social indicators research*, 46: 137–155.

Maddux J.E. (2017) *Subjective well-being and life satisfaction*. N.Y.: Routledge.

Matysiak A., Mencarini L., Vignoli D. (2016) Work–family conflict moderates the relationship between childbearing and subjective well-being. *European Journal of Population*, 32(3): 355–379.

Mikucka M. (2016) How does parenthood affect life satisfaction in Russia? *Advances in Life Course Research*, 30: 16–29.

Milovanska-Farrington S., Farrington S. (2021) More and none? Children and parental well-being: A bimodal outcome from an instrumental variable approach. *Research in Economics*, 75(3): 225–243.

Newton D. (2019) *Gender Inequality: A Reference Handbook*. Santa Barbara: ABC-CLIO.

Nomaguchi K.M., Milkie M.A., Bianchi S.M. (2005) Time strains and psychological well-being: Do dual-earner mothers and fathers differ? *Journal of Family Issues*, 26(6): 756–792.

Nomaguchi K.M. (2012) Parenthood and psychological well-being: Clarifying the role of child age and parent–child relationship quality. *Social science research*, 41(2): 489–498.

Nomaguchi K., Milkie M.A. (2020) Parenthood and well-being: A decade in review. *Journal of Marriage and Family*, 82(1): 198–223.

Pavot W., Diener E. (1993) Review of the satisfaction with life scale. *Psychological assessment*, 5(2), 164–172.

Pollmann-Schult M. (2014) Parenthood and life satisfaction: Why don't children make people happy? *Journal of Marriage and Family*, 76(2): 319–336.

Proctor C. (2014) Subjective well-being. *Encyclopedia of quality of life and well-being research*. Dordrecht: Springer Netherlands: 6437–6441.

Ridgeway C.L. (2011) *Framed by gender: How gender inequality persists in the modern world*. Oxford: Oxford University Press.

Senik C. (2015) Gender Gaps in Subjective Wellbeing: Research Report. *Publication Office of the European Union* [<https://data.europa.eu/doi/10.2838/670788>] (accessed: 09.01.2024).

Schröder M. (2020) Men lose life satisfaction with fewer hours in employment: Mothers do not profit from longer employment — Evidence from eight panels. *Social Indicators Research*, 152(1): 317–334.

Stanca L. (2012) Suffer the little children: Measuring the effects of parenthood on well-being worldwide. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 81(3): 742–750.

Stavrova O., Fetchenhauer D. (2015) Single parents, unhappy parents? Parenthood, partnership, and the cultural normative context. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 46(1): 134–149.

Stoet G., Geary D.C. (2019) A simplified approach to measuring national gender inequality. *PloS one*, 14(1): e0205349.

Stone A.A., Mackie C.E. (2013) *Subjective well-being: Measuring happiness, suffering, and other dimensions of experience*. Washington, D. C.: National Academies Press.

Umberson D., Pudrovska T., Reczek C. (2010) Parenthood, childlessness, and well-being: A life course perspective. *Journal of marriage and family*, 72(3): 612–629.

Voydanoff P. (2005) Toward a conceptualization of perceived work–family fit and balance: A demands and resources approach. *Journal of Marriage and Family*, 67(4): 822–836.

Wooldridge J.M. (2010) *Econometric analysis of cross section and panel data*. 2nd ed. London: MIT Press.

Zhao J., Settles B.H., Sheng X. (2011) Family-to-work conflict: Gender, equity and workplace policies. *Journal of Comparative Family Studies*, 42(5): 723–738.

Источники

8 ролей женщины: исследование к 8 марта (2020) *НАФИ Аналитический центр* [<https://nafi.ru/analytics/8-roley-zhenshchiny-issledovanie-k-8-marta/>] (дата обращения: 09.03.2023).

Денежные доходы и расходы населения. *Федеральная служба государственной статистики* [<https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13270>] (дата обращения: 05.08.2023).

Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН [<http://www.hse.ru/rlms> и <https://rlms-hse.cpc.unc.edu>] (дата обращения: 05.08.2023).

“FOR THE JOY OF MOM... AND DAD”: HOW DOES A CHILDBIRTH AFFECT THE SUBJECTIVE WELL-BEING OF MOTHERS AND FATHERS

Elena N. Gasiukova (corresponding author: egasyukova@hse.ru),

Sergey A. Korotaev (skorotaev@hse.ru),

Dana Y. Tuarsheva (dyatuarsheva@edu.hse.ru)

HSE University, Faculty of Economic Sciences, Moscow, Russia

Citation: Gasiukova E.N., Korotaev S.A., Tuarsheva D.Y. (2024) “Na radost’ mame... i pape”: kak poyavleniye detey skazyvayetsya na sub’yektivnom blagopoluchii materey i otsov? [“For the joy of mom... and dad”: how does a childbirth affect the subjective well-being of mothers and fathers]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(3): 39–64 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.3.2>. EDN: GPQDLO

Abstract. In the article, the authors address the issue of gender inequality and compare levels of subjective well-being of men and women in Russia. Subjective well-being allows us to consider and summarize the advantages in various spheres taking into account their importance for a person and therefore allows us to assign the more (or less) advantageous position of some in relation to others. In this paper, differences in the subjective well-being of men and women are calculated at the stage of childbirth and subsequent upbringing of children, since this period is characterized by fluctuations in life satisfaction, and the question of who benefits more from the new role of a parent becomes debatable: a man or a woman. The empirical analysis is based on a fixed-effects

model built on panel data RLMS HSE for 2016–2021. The subjective well-being is measured using a question on respondent's life satisfaction. The results of the analysis show that childbirth is associated with an increase in subjective well-being for both women and men. A married couple with a newborn baby feels more satisfied, regardless of material affluence and age when the father or mother gave birth to a child. The data allow us to state that women, becoming mothers, do not receive additional benefits compared to men: a childbirth is equally rewarded by an increase in life satisfaction of both mothers and fathers. However, the joy of parents does not last long: the stage of upbringing of 3–4-year-old children has an equally negative effect on the life satisfaction of respondents of both sexes.

Keywords: subjective well-being, gender, childbirth, gender inequality, motherhood and fatherhood.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ГЕНДЕРНО-СЕКСУАЛЬНОЙ И РЕПРОДУКТИВНО-СУПРУЖЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СЕМЬИ И БРАКА

Людмила Николаевна Курбатова (kurbatova-ln@mail.ru),

Василий Николаевич Стегний (socio@pstu.ru),

Екатерина Олеговна Тарасова (tarasova_eo@mail.ru)

Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
Пермь, Россия

Цитирование: Курбатова Л.Н., Стегний В.Н., Тарасова Е.О. (2024) Институционализация гендерно-сексуальной и репродуктивно-супружеской культуры как отражение трансформации семьи и брака. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(3): 65–105. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.3.3>. EDN: HCERTG

Аннотация. Смена общественной социально-экономической и культурно-этической парадигмы российского общества в 1990-е годы оказала влияние на институт семьи и брака. Как следствие трансформационных процессов в этих социальных институтах возникли противоречия в сексуальной, репродуктивной и супружеской культуре. Социологические исследования, проведенные авторами статьи на протяжении последних 50 лет на базе пермских вузов (1969–2022), позволили определить место семьи, брака, детей, любви в системе жизненных ценностей современных студентов, характер традиционной, неотрадиционной, новотрадиционной и латентной гендерно-сексуальной культуры, выявить социокультурные предпочтения студентов в репродуктивно-супружеской сфере. Это в первую очередь касается динамики изменения установки на число детей в браке с учетом трансляции на будущее, характер выбора «ребенок — карьера», отношение к вспомогательным репродуктивным методам. Супружество рассмотрено через функционально-гендерную стереотипизацию в рамках сексуальной, репродуктивной, профессионально-трудовой культуры. Выделены институциональные факторы по типу социальных институтов и их институционально-ролевым функциям. Основным вывод исследования: семья остается востребованной формой социальной организации жизни современного человека. Сформировалась новая гендерно-сексуальная традиция. Молодежь — основной институциональный субъект при определенной сохранности роли родителей. Слабым звеном выступают институты политики и церкви. Исторический срез в 100 лет (XX в.) не является социальным временем, в течении которого прошлые традиции могли быть заменены новыми. Старые традиции сохраняются как в социальной практике, так и в латентном состоянии. Сексуальная, гендерная, семейно-брачная революция — это бесконечный социальный процесс.

Ключевые слова: сексуальная, репродуктивная, супружеская, гендерная культура, институциональные факторы, традиция, неотрадиция, новая традиция, латентность, юноши и девушки, семья и брак.

Проблемные зоны исследования

И.С. Кон определил закономерность социальной дисфункциональности сексуальной, гендерной, семейно-брачной культуры как следствие сексуальной, гендерной и семейно-брачной революции. Он делает следующий вывод: «Жить в сегодняшнем мобильном и изменчивом мире по понятиям воображаемого прошлого люди не захотят и не смогут» (Кон 2011). Насколько данный тезис сегодня очевиден, достиг ли этот процесс точки невозврата? На самом ли деле традиционные сексуальные, репродуктивные, супружеские, гендерные стереотипы — это прошлый век или сегодня уже сформировалась новая традиция?

В 2022 г. вышел Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (Указ 2022). Одной из традиционных ценностей выделена «крепкая семья». Для этого необходимо «сохранение, укрепление и продвижение традиционных семейных ценностей (в том числе защита института брака как союза мужчины и женщины)». Здесь же определены ограничения и запреты на деструктивную идеологию, в том числе в сфере сексуальной культуры. Реализация по сохранению традиционных ценностей возлагается на систему образования и культуры, к этому процессу должны быть подключены как органы публичной власти и институты гражданского общества, религиозные организации, так и информационная среда.

В связи с этим возникают вопросы: насколько данная культурно-этическая тенденция характерна для массового сознания, насколько она трансформирована в социальной практике, обладает ли семья как социальный институт, малая социальная группа и общность социальным иммунитетом, способным сохранять традиции в сфере гендерной, сексуальной, репродуктивной, супружеской культуры? Как социальные институты влияют на формирование данных областей культуры?

Семья как социальная группа — это отражение институциональных изменений общества, в ней присутствует и прошлое, и настоящее, и будущее. Институт семьи, как и общество, не стоит на месте, а эволюционирует вместе с ним (Вишневский 2008). Институт семьи создает условия и требования (правила, регламент, контроль) для создания и формирования семьи как социальной группы. «Семья» как малая социальная группа делает выбор тех качеств (свойств) и соответствующей им структуры и функции, которые ей наиболее подходят для выживания в социальных условиях современного ей общества. В первую очередь это влияет на семейно-брачную культуру. На эту же особенность обращают внимание и другие

исследователи, анализируя семью в системе социокультурных ценностей современной России (Климантова 2018). Именно семья через культивирование традиций связывает прошлое с будущим (Киселева и др. 2022).

В обществе идет острая дискуссия, что происходит с семьей — кризис модернизации или кризис традиции (Синельников 2018). Акцент в дискуссии делается на гендерно-ролевую девиацию как фактор риска семьи (Нагевичене 2012).

В социальном кризисе присутствует сформированный в прошлом характер институциональности, но нарушаются социальные связи, которые поддерживали порядок в социальном институте. Это связано с тем, что институты — «это результат процессов, происходивших в прошлом, они приспособлены к обстоятельствам прошлого и, следовательно, не находятся в полном согласии с требованиями настоящего времени» (Веблен 1984: 202). Именно в этом отражается феномен культуры как технологии социального поведения (Файнбург 1979), ее социальная инертность.

Однако «живое противоречие “традиция — инновация” проявляет свою действительную силу тогда, когда традиция готова к обновлению и становится источником развития, а у инновации нет другого способа утвердить себя и выжить иначе, как доказав свою органичность и укорененность в культуре» (Сивков 2011). При этом «культура непосредственно связана с традицией, характеризующей такие самоорганизующиеся и саморегулирующиеся системы человеческой деятельности и связанный с ними социокультурный опыт, функционирование и развитие которых не связано с институциональными формами обеспечения через специальный аппарат власти» (Костина 2009).

Социальные институты активно участвуют в процессе формирования семейно-брачной культуры. Например, институты политики: имеются демографические прогнозы ООН для мира и России (Медков 2008), состояние семьи анализируется в соответствии с особенностями демографических процессов в современной России (Ростовская и др. 2021), в стране принята концепция государственной семейной политики до 2025 г. (Распоряжение Правительства РФ 2014), государством разработана и внедряется система мер поддержки семьи, материнства и детства (Ахметова, Макарова 2022), эти решения не только опираются на реалии современной жизни, но и имеют научную обоснованность (Лаврентьева, Илышев 2006).

Институты культуры и средств массовой коммуникации, используя возможности искусства, кино, литературы, ТВ, интернета, создают многообразие культурных семейно-брачных типов, отражая всю палитру социокультурных ценностей современного общества (Ярская-Смирнова 2001; Ильичева 2019).

Институты образования распространяют свое влияние в процессе формирования семейно-брачной культуры на детей начиная с дошкольного возраста (Болдырева 2015). Следует обратить внимание на тот факт, что если российское образование ориентировано на формирование семейно-брачной культуры, то западноевропейское и североамериканское направлено на «социализацию сексуальной культуры» (Omelchenko 1999; Bay-Cheng 2003; Ingham 2005). Мусульмане рассматривают секс-образование для детей и подростков как «опасное знание», подрывающее исламскую идентичность (Tabatabaie 2015). В Китае, как представителе азиатской культуры, «половое воспитание» («воспитание полового созревания») в школах не является ни всеобъемлющим, ни хорошо интегрированным. Это связано с культурными традициями и системными барьерами (Qin, Zhang 2023). На постсоветском пространстве, например в Казахстане, образование в области сексуального здоровья не предусмотрено из-за культурной чувствительности предмета (Zhuravleva, Helmer 2024).

Институт церкви встроен в этот процесс через систему ритуальных мероприятий, таких как венчание, крещение, которые за последние 30 лет стали востребованы в российском обществе (Курбатова 2012а). Церковь активно пытается вести просветительскую работу по сохранению традиционной семейно-брачной культуры (Беляева 2015; Тарасова 2016). При этом православная церковь осуждает сексуальные отношения вне брака, определяя секс как блуд (Основы социальной концепции РПЦ 1992).

Рассматривая институт семьи и брака как объект культурной дефиниции, выделим современный тренд трансформации традиционной семейно-брачной модели: «брак — супружество — родительство». Это связано с такими сферами гендерных отношений в области семьи и брака, как «сексуальность», «родительство», «супружество», «брачность», и в культуре их социальная конфигурация постоянно меняется.

На протяжении последних ста лет данная модель трансформировалась в «сексуальность — родительство — супружество» или «сексуальность — супружество — родительство». Это говорит о смене моделей гендерных отношений, а также о дисфункциональности института брака и росте значимости сексуальных и добрачных отношений. Именно эта тенденция закреплена в современной социологии семьи.

Сексуальная функция отделена от репродуктивной, выделяется как самостоятельная (Харчев 2003; Мацковский 1989). Однако «сексуальность» в современном обществе не является прерогативой семейно-брачных отношений (Гидденс 2004). В то же время продолжается дискуссия о роли и месте «репродуктивного секса» (Cutas 2009; Schuiling 2005).

На сломе веков Александра Коллонтай в своем произведении «Любовь трех поколений» (1923) раскрыла характер трансформации гендерно-сексуальной культуры в условиях институциональной дисфункциональности общественно-политической, социально-экономической и социокультурной жизни российского общества (Коллонтай 2008). Современная Россия переживает аналогичную дисфункциональность в сфере сексуальной и гендерной культуры. В то же время такие понятия, как «пластичная сексуальность», «текущая любовь», «сексуальная текучесть», в социологии сексуальности стали научными нарративами, приняты как социальные аксиомы (Кон 2011). Возникает вопрос: как современные юноши и девушки относятся к сексуальности как форме специфических социальных отношений?

Репродуктивная функция остается основоопределяющей в жизни человека. Именно она позволяет воспроизводить и сохранять человека как продукта естественной природы. Т. Тейлор, основываясь на антропологических исследованиях, делает вывод, что «с появлением Ното начинается контроль над рождаемостью, проекцией и изменением сексуальной идентичности, а также предполагаемое появление гомогенности в ранних, ориентированных на репродукцию» обществах (Taylor 2007). Это логически вписывается в теорию происхождения семьи.

В данном случае речь идет о поддержании и стимулировании репродуктивной функции семьи. Однако встают вопросы: каков характер репродуктивной установки молодежи, каковы противоречия этих установок между юношами и девушками, насколько данная установка вписывается в институциональное пространство современного общества? Социологи отмечают, что первичный выбор у молодежи может быть «неправильным» и поэтому в него часто вносятся коррективы. При этом они могут вноситься неоднократно. У молодых людей фиксируется установка на то, в каком возрасте им заводить детей (Антонов 2018), как их рождение соотносить с карьерой, тем более что материнская и трудовая карьеры не всегда совпадают или могут пересекаться во времени (Шутова 2015; Тарасова 2017). Еще одна проблема современного общества — это увеличение числа семей, где один из супругов страдает бесплодием (Фахрисламова 2014). Развитие искусственных форм репродукции, с одной стороны, позволяют решать данную проблему (Русанова 2018), с другой — возникают этические, религиозные и правовые проблемы (Киященко, Бронфман, Майленова 2018; Sleeboom-Faulkner 2010), немаловажным является свободный доступ к вспомогательным репродуктивным технологиям (Богояткова, Ломоносова 2017).

Представление человека о семье первично обусловлено его личными потребностями и установками на данную форму организации собствен-

ного жизненного пространства. Ребенок с детских лет встроен в семейные отношения. Семья предстает для него как некая социальная система, которая обеспечивает его надежность, устойчивость, защиту от внешней среды. В данном аспекте возникает проблема формирования супружеских отношений как основы семьи и брака, образ которых закладывается в условиях первичной социализации. Предполагается по умолчанию, что супружество в той или иной степени подразумевает «биологическое воспроизводство» (Егорова 2020). Однако сегодня супружество необязательно должно быть связано с родительством.

«Брачность» выступает скрепом в этой модели, создавая свою индивидуальную социальную конструкцию, например «сексуальность — брачность — супружество — родительство» или «сексуальность — родительство — брачность — супружество». В то же время традиционная модель не исчезает, а переходит в латентное состояние, которое может вновь оказаться доминирующей. Именно на такую парадоксальность обращает внимание С.В. Захаров, ставя вопрос: «Золотой век» традиционного брака близится к закату? (Захаров 2007).

Человек представляет семью как малую социальную группу, а не как некий социальный институт. На протяжении всей жизни человек выстраивает свою семью как социальную общность, имеющую связь с прошлым (через свою родословную, в первую очередь родительскую семью) и ориентируясь на будущее своих детей (через призму представлений об их будущих семьях) (Стегний 2013).

Таким образом, на формирование семейно-брачной культуры оказывает влияние общество, используя институциональные средства (политические, экономические, социокультурные, социально-психологические). Причем это влияние носит не прямой характер воздействия, а опосредованный, т.е. общество формирует некий образ семьи с учетом как социальных традиций, так и тех новых качеств, которые возникли вследствие общественных трансформаций, обуславливая тем самым процесс формирования семьи как социального института. Выбор культурной модели семьи остается за человеком. Какую культурную модель он выберет, зависит от его собственного представления о семье как социальной системе. Таким образом, представление о семье и браке — это отражение совокупного представления о семье в единстве ее прошлого, настоящего и будущего социокультурного образа.

Поэтому возникает вопрос, как социальные институты в реальности воспринимаются молодежью в качестве факторов, влияющих на их представление о семье и браке, как они влияют на формирование сексуальной, репродуктивной и супружеской культуры современных юношей и девушек.

В предлагаемом исследовании мы выделили ряд концептуально-эмпирических показателей, которые позволяют понять особенности трансформации гендерно-сексуальной и репродуктивно-супружеской культуры в новых для России (конца XX — первой четверти XXI в.) институциональных условиях.

Объект исследования ограничен студентами пермских вузов. В этой связи возникает вопрос: можно ли выводы нашего исследования транслировать на всю российскую молодежь? В определенной мере, да. Во-первых, если учитывать особенности гендерных-возрастных социальных групп с такими же характеристиками условий первичной социализации и социальным статусом в стратификационной структуре российского общества. Во-вторых, на формирование культуры личности оказывает влияние система институциональных факторов в масштабе государства и общества. В-третьих, молодежь активно встроена в информационное пространство «без социально-географических» границ. В-четвертых, молодежь как социальная группа обладает своим специфическим социально-культурным кодом.

Методология и методика исследования

Трансформации семьи как социальной системы в социальном времени и социальном пространстве основывается на законах: переход количества в качество, единство и борьба противоположностей, отрицания отрицания, теория отражения. Анализ осуществляется в рамках системного, структурно-функционального, институционального и сравнительно-социологического подходов.

Наш концептуальный подход исследования гендерно-сексуальной и репродуктивно-супружеской культуры основывается на следующем.

Для того чтобы сформировалось новое качество, необходимо пройти «социальный Рубикон», когда «идея овладевает массами», после чего старые традиции переходят в латентное состояние, новые традиции начинают доминировать. При этом необходимо учитывать, что в процессе институционализации и социализации, если старые традиции отрицаются некоторой частью социума, это еще не значит, что новое сразу будет принято и реализовано в массовой социальной практике. В таких условиях возникает эффект «социальной пустоты». Но социальных пустот не бывает, так как данный фрагмент социального пространства сразу же заполняется (замещается) другим культурным содержанием, причем необязательно однотипным по культурной форме и содержанию новой традиции.

Необходимо учитывать, что советская и постсоветская культура — это антиподы. В современной России как носители новой культуры должны

возникать соответствующие по социальному качеству социальные институты. В то же время существует такое явление, как социально-психологические и социокультурные барьеры к нововведениям. Поэтому противостояние культур будет иметь место. Отсутствие преемственности культур — это показатель дисфункции культуры как социального феномена. Следовательно, в таких условиях можно наблюдать эффект дисфункциональности новых социальных институтов.

Именно в процессе перехода от советской социокультурной модели к современной российской в обществе стала формироваться «суррогатная культура» (Курбатова 2004). В данном случае семья оказалась в культурной изоляции, поэтому возникла «суррогатная культура», когда родителям свойственна предшествующая (в данном случае советская) культура, а дети оказываются перед выбором разных типов культур, где доминирует новый тип культуры, прежде не имевший аналогов в российском обществе. Радаев рассматривает данный процесс как «поколенческий раскол» (Радаев 2019).

В связи с этим встает вопрос: стоит ли в этих условиях пытаться, например правовыми средствами, сохранять «старые» культурные традиции? Россия более века назад уже пережила состояние «суррогатной культуры» и «поколенного раскола». Двадцатый век стал эпохой формирования новой семейно-брачной культуры. Изменилась структура семьи и семейно-брачных отношений. Нормой стала малодетность, нуклеарность, добрачные и внебрачные связи, вследствие чего в правовом поле внебрачные дети получили законный статус, снизился возраст согласия и т.д. Активно внедряется «гражданский брак», расширяются возможности искусственных методов репродукции. Сегодня внешность, телесность рассматриваются через призму сексуальности (Бодрийяр 2006).

Традиционно социализация личности в обществе исходит из понимания человека как единства мужского и женского начала. Однако в ходе эволюции под воздействием институциональных процессов человек «раздвоился» в соответствии с социально-половой дифференциацией, результатом этого социального процесса — формирование гендерного стереотипа, который меняется в соответствии с историческими эпохами, культурно-цивилизационными и формационными условиями. Поэтому «гендер» мы рассматриваем как культурно-этическую характеристику социального субъекта — мальчик/девочка, юноша/девушка, мужчина/женщина.

Таким образом, возникает следующее противоречие. Сегодня брак и семья испытывают двойную социальную нагрузку. С одной стороны, «крепкая семья» — это устойчивые, стабильные супружеские отношения, удовлетворенность качеством родительства, совместимость сексуальной

культуры, сексуальная гармония. С другой стороны, супружество — это реконструкция сексуальных, репродуктивных, семейно-брачных, гендерных стереотипов, родительство направлено на выбор репродуктивных форм поведения мужчины и женщины, характера соотношения материнского и отцовского вклада в процесс социализации ребенка, сексуальность проявляется в характере совместимости традиционной и посттрадиционной гендерно-сексуальной культуры.

В нашем исследовании мы исходим из уже сформировавшейся семейно-брачной культурной парадигмы, поэтому в качестве социальных показателей взяты «сексуальная культура», «репродуктивная культура», «супружеская культура». Они рассмотрены через призму социальных потребностей, установок, ценностных ориентаций, мотивов и представлений юношей и девушек о гендерно-сексуальной и репродуктивно-супружеской культуре. Именно эти структурные характеристики личности вошли в авторские методики социологических исследований.

Мы выделили следующие эмпирические переменные показатели, которые позволяют раскрыть особенность гендерно-сексуальной и репродуктивно-супружеской культуры современной молодежи: любовь как форма социальных отношений, роль и место мужчин и женщин в современном обществе, отношение к сексуальному поведению, роль родителей в воспитание данных видов культур, установка на число детей, институционально-культурный репродуктивный выбор, функционально-культурный стереотип супружества, культурно-нравственные и статусно-супружеские приоритеты студентов.

Для исследования институциональных факторов, оказывающих влияние на формирование сексуальной, репродуктивной и супружеской культур, нами разработан следующий структурно-функциональный подход.

В качестве признаков, определяющих социальные институты, выбраны культура институциональных субъектов (образ жизни, социальный статус) и институциональные условия (социальные отношения, социальная ситуация, социальная среда).

В исследовании выделены два направления институционального анализа:

- классификация по характеру социальных институтов — *институт семьи* (родители, родственники), *институт дружбы* (друзья, подруги), *институт образование* (учителя школ, преподаватели вуза, специалисты, эксперты), *институты виртуальных социальных коммуникаций* (интернет, общественное мнение), *институты культурных трансформаций* (книги, кино, ТВ, образ жизни «золотой молодежи»

- и «богема», культурно-этическая и нравственная ситуация в обществе), *институт политики* (образ и стиль жизни политиков, социальные государственные программы по развитию семьи и материнства), *институт церкви* (церковнослужители как субъекты семейно-брачной культуры), *институт экономики* (образ, стиль жизни представителей крупного бизнеса, экономическая ситуация в стране), *личность как институциональный субъект* (личный жизненный опыт);
- классификация по институционально-ролевым функциям социальных институтов (институты социального воспроизводства, институты социальной реализации, институты социального управления).

Институты социального воспроизводства выполняют функции по сохранению и стабилизации института семьи и брака, таких его качеств, как сексуальная, репродуктивная и супружеская культура. В исследовании они рассматриваются через субъекты семейных отношений, субъекты экономических отношений, культуру личностного пространства (личность как институциональный субъект)

Институты социальной реализации играют роль в трансформации и модернизации сексуальной, репродуктивной и супружеской культуры. В исследовании они рассматриваются через социокультурные модели межличностных отношений и социокультурные образы социального поведения, предлагаемые современными социальными технологиями.

Институты социального управления определяют философию и идеологию института семьи и брака, выполняют функции контроля, регламентации, регулирования, конструирования социальных качеств данного института. В исследовании они рассматриваются через институты политики и церкви, которые осуществляют формирование сексуальной, репродуктивной и супружеской культуры с помощью политических и религиозных средств воздействия на массовое сознание.

Данные показатели включены в социологическое проектное исследование «Институционализация современной культуры», которое было проведено в апреле-мае 2022 г. Оно включает в себя основные эмпирические переменные показатели, которые, по нашему мнению, отражают специфику гендерно-сексуальной и репродуктивно-супружеской культуры во взаимосвязи с институциональной средой.

В нем приняли участие студенты Пермского национального исследовательского политехнического университета очной формы обучения (N=97), среди них 45 % — юноши и 55 % — девушки¹, студенты второго и третьего курсов очной формы обучения, возраст — 19–21 г. Среди

¹ Процент рассчитан от числа опрошенных студентов по группам.

опрошенных студентов 71 % до поступления в вуз проживали в полной семье, 12 % — в нуклеарной, 17 % — в неполной семье. Каждый второй имел комфортные условия проживания, т.е. собственную комнату в родительской семье (54 %), остальные 46 % студентов не имели таких условий проживания. Материальное положение родительской семьи в условиях первичной социализации студентов можно характеризовать как средний уровень — «денег хватало, могли кое-что откладывать» (70 %). Каждый десятый студент идентифицирует свою родительскую семью как высокообеспеченную (15 %), также каждый десятый — как низкообеспеченную (12 %). У более половины студентов первичная социализация проходила в условиях малой территории (малый город — 39,2 %, село — 20,6 %), в большом городе или областном центре проживали 40,1 %.

Воспроизводство специалистов с высшим образованием чаще всего осуществляется лицами, имеющими высокий уровень образования. Такая тенденция сохраняется на протяжении всего исследуемого времени. Поэтому 47 % опрошенных студентов отметили такой уровень образования своих родителей, 40 % — среднее профессиональное. В то же время формационные изменения в российском обществе привели к разрыву в воспроизводстве профессионально-функциональной структуры через систему политехнического образования (табл. 1).

Таблица 1

**Трансформация воспроизводства
профессионально-функциональной структуры общества
через систему политехнического образования, % по группам**

Социальное положение родителей	Мать			Отец		
	1984	2002	2022	1984	2002	2022
Рабочие	29,4	20,9	12,4	40,6	28,8	17,5
Техническая и гуманитарная интеллигенция	36,9	31,7	34,0	30,4	22,0	20,6
Служащие предприятий и учреждений	25,2	19,8	18,6	13,5	19,4	24,7
Предприниматели, бизнесмены, коммерсанты		6,7	9,3		8,2	17,5

Примечание: социологические исследования «Социальный портрет студента» (1984 г. — N=3200, 2002 г. — N=938); «Институционализация современной культуры» (2022 г. — N=97).

Если в советское время инженерный корпус воспроизводился из среды рабочих и технической интеллигенции, то в условиях нового времени

представители рабочего класса оказались на «обочине» этой социально-функциональной системы.

Подавляющее большинство опрошенных холостые (78 %). В то же время практически каждый десятый студент состоит в гражданском браке (14 %).

Таким образом, определенная часть участников исследования представляет средний уровень стратификационной структуры российского общества, другая — средний-низший уровень.

При сравнительном анализе мы опирались на результаты социологических исследований¹, проведенных по авторским методикам за последние 50 лет на базе пермских вузов:

1. «Будущее: наше и твое» (В.Н. Стегний, 1969).
2. «Социальный портрет студентов» (Л.Н. Курбатова, В.Н. Стегний, 1984, 2002, 2008, 2013, 2018).
3. «Правовая культура семьи и брака», «Выбор брачного партнера», «Сексуальная культура», «Репродуктивная культура», «Человеку свойственно любить» (Л.Н. Курбатова, 1992, 2008, 2016, 2017, 2022).
4. «Представление студентов о будущем семьи и брака» (Е.О. Тарасова, 2021).

Во всех исследованиях данные обработаны с помощью пакета Statistical Package for the Social Sciences (SPSS).

Семья, дети, брак в системе жизненных ценностей студентов

Рассмотрим институциональные особенности жизненных ценностей студентов², чтобы понять почему они так или иначе воспринимают те или иные институциональные факторы, влияющие на их сексуальную, репродуктивную, супружескую культуру (табл. 2).

На протяжении 20 лет ценность семьи и любви сохраняется, в 2013 г. наблюдается всплеск интереса к этому социальному институту. Однако в последующем установки на семью приходят в прежнее состояние. В то же время наблюдается нивелированность установки на детей. Институт дружбы претерпел существенные негативные трансформации. Для современных студентов этот социальный институт начинает утрачивать

¹ Возможность сравнения результатов разных социологических исследований обеспечивается предметно-смысловыми вопросами по теме статьи, однотипным образовательным статусом и социальным составом объекта исследования (студенты пермских вузов).

² Социологические исследования «Социальный портрет студента» (2002 г. — N=938, 2008 — N=512, 2013 — N=306, 2018 — N=153); «Институционализация современной культуры» (2022 г. — N=97).

Таблица 2

**Динамика изменения структуры жизненных ценностей студентов,
% по группам**

Жизненные ценности	2002	2008	2013	2018	2022
<i>Социально-адаптационные ценности</i>					
Умение приспосабливаться к жизни	84,0	75,2	73,5	67,3	74,2
Хорошее здоровье	73,0	61,9	58,5	61,4	62,9
Наличие друзей	78,0	59,3	52,6	54,9	40,2
<i>Социально-базисные ценности</i>					
Уверенность в завтрашнем дне	60,0	61,3	51,6	47,7	50,5
Материальный достаток	62,0	60,7	52,3	57,5	70,1
Семья, любовь	51,0	55,0	65,7	56,2	55,7
<i>Социально-регулирующие ценности</i>					
Профессия	43,0	32,3	25,8	28,1	32,0
Образованность, культура	40,0	49,2	35,6	39,2	45,4
Добропорядочность, честность	43,0	39,3	43,1	48,4	35,1
Дети	37,0	28,4	34,3	37,9	21,6
<i>Социально-реализуемые ценности</i>					
Служебная карьера	36,0	38,9	29,4	34,0	37,1
Бизнес	35,0	28,4	22,5	28,1	26,8
Польза обществу	16,0	14,3	12,4	11,8	21,6

свою ценность. Повысилась ценность общества, следовательно, у студентов формируется установка на значимость институтов политики в их жизни. Наблюдается противоречие между установкой на материальное благополучие и установкой на создание своего бизнеса, на образованность-культуру и нравственными ценностями. Это говорит о том, что институты образования-культуры и экономики не отвечают социальным запросам студентов. Профессионально-трудовые установки (на профессию, служебную карьеру) оказываются очень подвижными. За 20 лет они меняли свой социально-ценностной вектор. За последние 10 лет наблюдается повышение значимости этой социальной сферы.

Если мы рассматриваем брак как социальный скреп в системе «сексуальность — родительство — супружество» или «сексуальность — супружество — родительство», то возникает вопрос, какие потребности чело-

века институт брака должен сегодня удовлетворять. Чего бы хотели достичь современные студенты в своем браке?¹ (табл. 3).

Таблица 3

Структура потребностей студентов в институте брака, % по группам

Структура брачных потребности	2017	2022	Юноши		Девушки	
			2017	2022	2017	2022
Удовлетворить свои материальные потребности	7,5	44,3	8,2	27,3	8,9	49,3
Удовлетворить свои сексуальные потребности	9,2	52,6	14,8	59,1	4,4	50,7
Удовлетворить свои духовные потребности	17,5	59,8	18,0	59,1	22,2	60,0
Быть социально защищенным, чувствовать себя в безопасности	13,3	64,9	8,2	27,3	24,4	76,0
Удовлетворить свои потребности в общении с близким человеком	23,3	72,2	18,0	72,7	37,8	72,0
Удовлетворить свою потребность в семейно-брачном статусе	11,7	29,9	13,1	18,2	13,3	33,3
Самореализоваться как мужчина/женщина, муж/жена, отец/мать	61,7	47,4	78,7	36,4	57,8	50,7

Пять лет назад студенты рассматривали брак как некую целостную социальную систему, которая позволяет реализовать основные социальные роли и функции человека: гендерные, супружеские, родительские. При этом для юношей это было более значимо, чем для девушек, для которых имели значение и другие составляющие брака. Сегодня институт брака воспринимается структурно. В первую очередь это индивидуализация межличностных отношений, что позволяет, с одной стороны, чувствовать себя защищенным, с другой — удовлетворить свои духовные и сексуальные потребности. Семейно-брачный статус не является востребованным в массовом сознании молодежи, хотя каждый второй студент стремится к полной семейно-брачной модели самореализации. Однако брак как социальная форма защиты, включая материальное благополучие и семейный статус, более востребована девушками. У юношей наблюдается спад общего интереса к ролевым функциям брака.

¹ Социологические исследования «Выбор брачного партнёра» (2017 г. — N=120); «Институционализация современной культуры» (2022 г. — N=97).

Гендерно-сексуальная культура: традиция, неотрадиция, новая традиция

Традиционно в российском обществе сексуальные связи воспринимались через понятие «любовные отношения». Любовь — это сложная, тонкая и хрупкая субстанция человеческой души, это не только чувство, но и форма социальных отношений (Курбатова 2012б).

Восприятие любви через призму сексуальной культуры носит противоречивый характер¹. С одной стороны, по мнению студентов, любовь в первую очередь это духовная близость, во-вторых — половое влечение (в 2008 г. — 43,2 %, в 2016 — 25,3 %), те кто считает наоборот составили 7,6 и 6,3% соответственно по годам. С другой стороны, студенты в 2016 г. при определении «половых отношений» легко апеллируют такими выражениями, как «любовь, любовные отношения» (74,8 %), «близкие отношения» (71,1 %), «интим, интимные отношения» (61,7 %), «секс, сексуальные отношения» (60,2 %). В то же время если понятие «интимные отношения» одинаково приемлемо для девушек и юношей, то другие формы языковой сексуальной культуры имеют гендерный характер. Девушки склонны к традиционной форме обозначения — «любовные или близкие отношения» (82,6 % против 65,0 % у юношей), юноши спокойно относятся к понятию «сексуальные отношения» (73,5 % против 49,7 % у девушек). В то же время каждый второй юноша (49,6 %) и каждая пятая девушка (20,8 %) легко употребляют понятия не из литературного лексикона, обозначая данные отношения.

Сравнительный анализ результатов исследований 2008, 2016 и 2022 гг. показывает, что наблюдается некий сдвиг с традиционного возвышенно-поэтического понимания «любви», в сторону рационально-прагматической оценки (табл. 4²).

Если в 2008 г. к «прагматикам» можно было отнести каждого пятого студента, то в 2022 г. — каждого третьего, в то же время среди респондентов 2016 и 2022 гг. нет никого, кто бы отрицал любовь как жизненную ценность. На протяжении исследуемого времени мы фиксируем, что любовный романтизм более присущ девушкам, юноши сохраняют прагматизм, причем их доля со временем возрастает. Так, в 2008 г. к этой группе можно было отнести каждого третьего юношу (28,8 %), в 2022 г. — уже каждого второго (50,0 %).

¹ Социологические исследования «Человеку свойственно любить» (2008 г. — N=512, 2016 — N=158).

² Социологические исследования «Человеку свойственно любить» (2008 г. — N=512, 2016 — N=158); «Институционализация современной культуры» (2022 г. — N=97).

Таблица 4

**Сравнительный анализ восприятия любви
через призму сексуальной культуры, % по группам**

	2008	2016	2022
Настоящая, большая любовь существует	66,5	69,0	61,9
Люди (книги, фильмы, театр) преувеличивают романтику любви, на самом деле все более прозаично и буднично	21,4	26,6	28,9
В жизни все просто и обыденно, а разговоры о любви — лишь иллюзия, самообман	7,0	2,5	7,2
Все разговоры о любви надуманы, человек одинок и не испытывает потребности в чьей-то близости, любви	1,8	-	-

Двадцатый век отмечается активным включением женщин в общественную жизнь. Однако, как видно из результатов исследования, любовь как характеристика интимной сферы жизни сохраняет свой статус. В то же время на протяжении последних 30 лет в нашу жизнь активно внедрилось такое понятие, как «унисекс», которое раскрывает особенности современной социально-гендерной культуры. В исследовании мы ориентировались на существующие сегодня модели восприятия этого явления: традиционное и неотрадициональное понимание гендерных ролей, формирование новой гендерной традиции и состояние латентности.

Традиционная модель — «унисекс» размывает природную и социальную ценность мужчины и женщины, их уникальность в общественной жизни, в общении друг с другом. Мужчины и женщины становятся сексуально непривлекательными. Поэтому везде и во всем мужчина должен оставаться мужчиной, а женщина — женщиной.

Неотрадициональная модель — в общественной жизни, на работе мужчина и женщины должны быть равноправны, к ним должны предъявляться одинаковые требования, они должны иметь равные права, но и нести одинаковую ответственность. Однако в личной жизни, в межличностных отношениях, во внешнем виде, в сексуальных отношениях должны сохраняться особенности женской и мужской сущности и культуры.

Новая гендерная традиция позволяет мужчинам и женщинам чувствовать себя равноправными во всем: в общественной жизни, профессиональной деятельности, в одежде, поведении, личной жизни, сексуальных отношениях.

Латентность — нет определенности в оценке роли и места мужчины/женщины в современном обществе.

Сравнительный анализ позволяет выявить характер социально-гендерной трансформации в молодежной среде¹ (табл. 5).

Таблица 5

**Трансформация социально-гендерной культуры студентов,
% по группам**

Модели социально-гендерной культуры	2016	2022	Юноши		Девушки	
			2016	2022	2016	2022
Традиционная модель	33,8	13,4	35,9	13,6	32,2	13,3
Неотрадициональная модель	20,7	32,0	15,4	27,3	24,8	33,3
Новая гендерная традиция	18,0	46,4	17,9	45,5	18,1	46,7
Латентность	27,5	8,2	27,4	13,6	22,9	6,7

При доминировании в 2016 г. ориентации на традиционную модель социально-гендерных отношений наблюдается процесс формирования новой гендерной традиции. Это четко определено в исследовании. Во-первых, мы фиксируем высокую латентность (неопределенность) в определении роли и места мужчин и женщин в обществе. Во-вторых, каждый пятый ориентирован на неотрадициональную модель. В-третьих, каждый пятый студент предпочитает социальный «унисекс» в отношениях.

В настоящее время можно констатировать факт переориентации с традиционной модели на неотрадициональную и приоритетность новой социально-гендерной традиции в массовом сознании студентов. В то же время девушки, в отличие от юношей, более активно включены в процесс институционально-гендерной трансформации.

Институционально-гендерные трансформации прямо связаны с культурой сексуального поведения. Основными ключевыми признаками, характеризующими новые культурные тренды в сфере сексуальной жизни, являются:

- принятие или отрицание добрачных и внебрачных сексуальных отношений;
- установки родителей на характер сексуального поведения детей.

Все остальные составляющие сексуальной культуры — это производные от данных признаков.

¹ Социологические исследования «Сексуальная культура студентов» (2016 г. — N=266); «Институционализация современной культуры» (2022 г. — N=97).

В статье рассмотрены следующие признаки, характеризующие сексуальную культуру:

Классификация сексуальной культуры по традиционным и инновационным признакам		
Социальные формы сексуальной культуры	Традиционный поход	Инновационный подход
Отношение родителей к сексуальной культуре детей	Советуют сохранять целомудрие до брака	Предоставляют детям самим принимать решение
Отношение студентов к сексуальной культуре сына	Будут советовать сыну сохранять целомудрие до брака	Предоставят сыну самому принимать такое решение
Отношение студентов к сексуальной культуре дочери	Будут советовать дочери сохранять целомудрие до брака	Предоставят дочери самой принимать такое решение
Сексуальные отношения в браке	Сексуальные отношения могут быть только в браке	Сексуальные отношения не ограничиваются браком
Отношение к числу сексуальных партнёров	Выбор количества сексуальных партнеров ограничен объективными условиями жизни	Выбор количества сексуальных партнеров — это выбор самого человека
Отношение к добрачным сексуальным связям	Добрачные сексуальные отношения не приемлемы	Добрачные сексуальные отношения являются социальной нормой
Отношение к внебрачным сексуальным связям	Внебрачные сексуальные отношения не приемлемы	Внебрачные сексуальные отношения являются социальной нормой
Отношение к возрасту согласия в 15–17 лет	Возраст согласия в 15–17 лет считается отклонением от социальной нормы	Возраст согласия в 15–17 лет считается социальной нормой
Отношение к гражданскому браку	Гражданский брак не признаётся как социально-культурная норма жизни	Гражданский брак признаётся как социально-культурная норма жизни
Гендерная культура	Мужчины и женщины сохраняют свою социально-природную идентичность	Мужчины и женщины равноправны во всех сферах жизни

Исследования выявили особенности социальной трансформации гендерно-сексуальной культуры студентов¹ (табл. 6, 7).

Независимо от характера гендерных стереотипов студенты единодушны в принятии за норму таких форм сексуального поведения как «гражданский брак» и «выбор количества сексуальных партнёров — это выбор самого человека». На уровне массового сознания фиксируется противоречие, с одной стороны, сексуальные отношения вышли из-под брачно-семейного контроля, сегодня они являются самодостаточными социальными отношениями.

Таблица 6

**Характер сексуально-культурных установок юношей и девушек,
% по группам**

Социальные установки на культуру сексуального поведения	2016	2022	Юноши		Девушки	
			2016	2022	2016	2022
Родители советовали соблюдать целомудрие до брака	38,7	42,0	23,0	37,8	51,0	51,4
Будут советовать сыну соблюдать целомудрие до брака	35,0	58,0	30,8	57,3	38,3	59,5
Будут советовать дочери соблюдать целомудрие до брака	67,3	79,8	68,4	85,4	66,4	67,6
Положительно относятся к добрачным сексуальным отношениям	56,8	91,6	66,7	89,0	49,0	97,3
Положительно относятся к внебрачным сексуальным отношениям	18,8	38,7	26,5	36,6	12,8	43,2

Вместе с тем на индивидуальном уровне сознания доминирует нравственная ответственность за сексуальную культуру своих детей. Это ярко проявилось в отношении принятия как социального факта современного общества, «возраста сексуального согласия в 15–17 лет», в то же время студенты хотели бы предупредить своих будущих детей от поспешности вступления в сексуальные отношения. Хотя здесь есть особенность: у неотрадиционалистов снизился данный показатель в отношении дочерей. Данная группа транслирует переходное состояние между теми, кто сохраняет традиции и теми, кто принял новую гендерную традицию.

¹ Социологические исследования «Сексуальная культура студентов» (2016 г. — N=266, 2022 — N=119).

Таблица 7

Социально-гендерный характер сексуально-культурных установок студентов, % по группам

Социальные установки на культуру сексуального поведения	Социально-гендерные типы							
	Традиция		Неотрадиция		Новая традиция		Латентность	
	2016	2022	2016	2022	2016	2022	2016	2022
<i>Традиционный подход</i>								
Родители советовали соблюдать целомудрие до брака	40,0	35,5	43,7	27,3	31,3	46,2	38,4	55,3
Будут советовать сыну соблюдать целомудрие до брака	42,2	62,5	38,2	50,0	27,1	61,5	31,5	55,3
Будут советовать дочери соблюдать целомудрие до брака	78,9	87,5	72,8	63,6	50,0	69,2	61,7	81,6
Сексуальные отношения могут быть только в браке	38,9	40,6	25,5	18,2	33,3	23,1	27,4	39,5
<i>Формирование новой традиции</i>								
Возраст сексуального согласия 15–17 лет	16,7	41,9	18,2	45,5	29,2	57,7	20,5	50,0
Выбор количества сексуальных партнеров — это выбор самого человека	71,1	71,9	70,9	90,9	87,5	96,2	75,3	81,6
Положительно относятся к внебрачным сексуальным отношениям	16,7	31,3	14,5	22,7	27,1	65,4	19,2	34,2
Положительно относятся к «гражданскому браку»	37,8	81,3	41,8	95,5	41,7	84,6	38,5	73,7

Добрые сексуальные отношения стали социальной нормой. Такая же закономерность наблюдается относительно внебрачных сексуальных связей.

За исследуемый период положительное отношение к внебрачным связям увеличилось вдвое. Однако юноши стали более консервативны,

т.е. стало больше тех, кто отрицательно относится к внебрачным отношениям (в 2016 г. таких было 53,5 %, в 2022 — 63,4 %), тогда как девушки демонстрируют высокий уровень культурно-сексуальной лояльности.

Наблюдается инерционность сексуальной культуры родителей студентов. Однако вследствие трансформационных процессов здесь фиксируется гендерный феномен. Если в 2016 г. отношение к сохранению целомудрия и непорочности больше касалось девушек, то сегодня социальный вектор направлен в сторону юношей. Это, в свою очередь, сказалось на понимании юношами и девушками своей роли родителей. У юношей и девушек наблюдается более высокий, чем у их родителей, уровень нравственной ответственности как будущих отца и матери за своих детей, причем в отношении не только дочерей, но и будущих сыновей.

Наши исследования подтверждают факт того, что сильной стороной гендерно-сексуальной революции является сформированность «сексуальности» как социальной нормы добрачных отношений. Между тем формирование института гражданского брака как раз выполняет функцию регулирования сексуальных отношений в условиях социализации современного института семьи. Сильная сторона традиционного подхода — это сохранение мужской и женской социально-природной идентичности, стремление сохранить традиционную сексуальную культуру через институт брака и родительства. Слабой стороной — «сексуальность» воспринимается как некая сакральность, граничащая с социальным фетишизмом. В данном контексте социального фетишизма сексуальность не рассматривается как сексуальная девиация, что характерно для психологического направления, здесь она мифологизирована в соответствии с нравственными устоями, включая религиозный аспект. Уровень религиозности студентов в этой группе выше, чем у других студентов. Практически каждый второй отнес себя к верующим, каждый четвертый находится в состоянии неопределенности (в совокупности это составляет 70 % против 34 % студентов, ориентированных на новую модель гендерно-сексуальной культуры). Сексуальность как социальный фетиш, по нашему мнению, в большей степени отражает трактовку Маркса о фетишизме: «Фетишизм весьма далек от того, чтобы возвысить человека над его чувственными вожделениями, он, напротив, является “религией чувственных вожделений”» (Соболев 2015).

Следует также отметить, что суррогатная культура обладает дифункциональностью, которая проявляется в процессе формирования гендерно-сексуальных установок у детей в условиях семьи.

Данные тенденции отображены в диаграммах 1, 2.

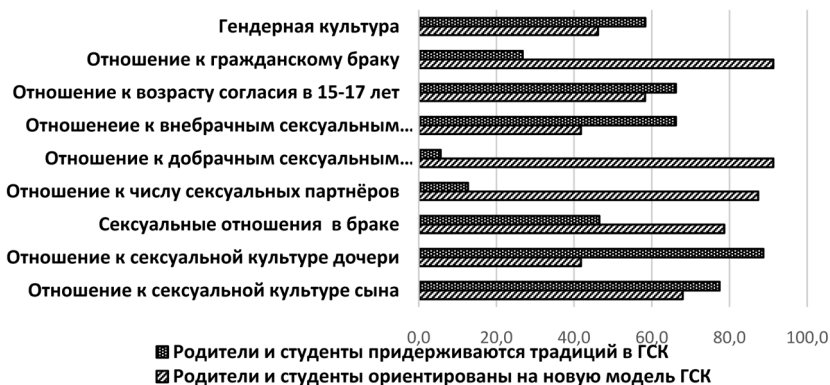

Диаграмма 1. Роль родителей в формировании гендерно-сексуальной культуры студентов (ГСК) (% по группам, 2022 г.)

Диаграмма 2. Влияние «суррогатной культуры» на представление студентов о сексуальных отношениях (% по группам, 2022 г.)

Репродуктивно-супружеская культура: новая традиция или переосмысление старой традиции?

Одним из основных социальных показателей, характеризующих репродуктивную культуру личности, является установка на число детей в семье. Наши исследования¹ раскрывают процесс трансформации репродук-

¹ Социологические исследования «Будущее наше и твоё» (1969 г. — N=1370); «Правовая культура семьи и брака» (1992 г. — N=196); Социальный портрет сту-

тивной установки во времени и пространстве, которая касается прошлого, настоящего и будущего. Это позволяет определить, является ли установка на двух детей новой традицией репродуктивной культуры, которая сформировалась в прошлом, или это был период переосмысления традиционной модели семьи для будущих поколений (табл. 8).

Таблица 8

**Пространственно-временная трансформация установки студентов
на число детей в семье, % по группам**

Установка на количество детей	1969	1992	2008	2022		Прогнозируемая модель		
				Установка	Идеал	Через 25 лет	Через 50 лет	Через 100 лет
Одного	5,9	6,8	13,2	12,4	11,6	24,7	20,2	11,9
Двух	59,9	49,2	52,3	55,6	64,0	23,7	17,8	14,3
Трех	17,4	18,9	12,8	25,8	18,5	17,7	20,9	20,5
Больше трех	1,3	4,6	4,5	2,1	4,2	14,2	21,6	27,1
Латентность	15,4	18,6	12,3	4,1	1,7	19,7	19,5	26,2

Примечание: установка на число детей до 2022 г. рассчитана в процентах от числа опрошенных, прогнозируемая модель — в процентах от числа упоминаний¹.

В периоде с 1969 по 2022 г. мы наблюдаем маятниковый характер перераспределения установок студентов на число детей. Дезорганизация общественной жизни, которая началась в 1990-е, привела к изменению данной установки. У поколения, рожденного в нулевые, отмечается позитивная тенденция. Она связана с тем, что отношение к числу детей стало более очевидным и определенным. Значительно возрос интерес к многодетности. В то же время при моделировании условий жизни молодежи склоняется к нормодетности, т.е. к рождению максимум двух детей.

детов» (2008 г. — N=512); «Институционализация современной культуры» (2022 г. — N=97); «Представление студентов о будущем семьи и брака» (2021 г. — N=189); «Репродуктивная культура студентов» (2017 г. — N=124).

¹ В исследовании «Представление студентов о будущем семьи и брака» 2021 г. был задан вопрос: «Как вы считаете, какие формы брачно-семейных отношений чаще всего будут встречаться в будущем через 25, 50 100 лет?», который включал подвопрос о количестве детей в семье будущего. Можно было выбрать несколько вариантов ответов. Общее число ответов превышало 100 %. Поэтому расчет произведен от числа упоминаний.

Следует отметить, что современные юноши более ориентированы на рождение не только двоих детей (63,6 % против 56,3 % среди девушек), но и троих (36,4 % и 23,9 % соответственного по гендерным группам).

Репродуктивная культура в обозримом поколенном будущем, по мнению студентов, будет более лояльной. В ней нет жесткой дифференциации по числу детей в семье. При этом мы фиксируем постепенную переориентацию существующей в настоящее время структуры детности по поколенному срезу, т.е. современная нормодетность перерастает в многодетность. В отдаленном будущем (через 100 лет), по представлению современных студентов, многодетность станет наиболее востребованной. Однако следует отметить, что уровень неопределенности (латентности) возрастает от обозримого к отдаленному будущему.

Установка на число детей связана с определением респондентами своего профессионально-трудового статуса. От того, как будет развиваться их карьера, зависит их репродуктивный выбор. Одной из проблем этого выбора, с одной стороны, может стать стремление отдалить время замужества/женитьбы, а следовательно рождение детей в браке, что приводит к нереализации потребности в семье и детях, с другой — на данный выбор может оказывать влияние бесплодие одного из супругов. В связи с этим возникает вопрос: готовы ли юноши и девушки к принятию решения об использовании вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) (табл. 9).

Как уже было отмечено, процесс трансформации репродуктивной культуры за последние 30 лет привел к изменению установки молодых людей на детей как жизненную ценность. За пять лет¹ практически вдвое увеличилось число респондентов, для которых в настоящее время ориентация на карьеру является доминирующей относительно репродуктивного выбора. Если среди юношей в 2017 г. каждый второй сделал бы выбор в пользу детей, то сегодня ситуация поменялась кардинально. Данная проблема затронула и девушек. Однако им в большей мере свойственна неопределенность.

Современные технологии в сфере репродукции позволяют решать не только физиологические проблемы, но и социальные, которые могут возникать в процессе становления семейно-брачных отношений. Поэтому от характера готовности прибегнуть к их помощи зависит социальная и социально-психологическая удовлетворенность ролью и статусом мужчины и женщины, жены и мужа, отца и матери. За прошедшее время наблюдается позитивный сдвиг в отношении современных искусственных форм репродукции если это будет касаться избранника/избранницы. Причем

¹ Социологические исследования «Репродуктивная культура студентов» (2017 г. — N=124); «Институционализация современной культуры» (2022 г. — N=97).

Таблица 9

Институционально-культурный репродуктивный выбор, % по группам

Институциональный выбор	2017	2022	Юноши		Девушки	
			2017	2022	2017	2022
Если бы перед вами встал выбор: ребенок или работа/карьера						
Выбрали карьеру	16,7	30,9	18,9	50,0	14,9	25,7
Выбрали бы ребёнка	48,3	29,9	52,8	27,3	44,8	31,1
Затрудняются ответить	32,5	38,1	24,5	22,7	38,8	43,2
Если вы до вступления в брак узнаете, что ваш избранник/избранница не могут иметь детей						
Предложите усыновить/удочерить ребенка	25,0	21,6	30,2	18,2	20,9	23,9
Предложите воспользоваться ВРТ	20,0	27,8	18,9	31,8	25,4	28,2
Ничего не буду предпринимать	5,8	15,5	7,5	27,3	4,5	12,7
Затрудняются ответить	45,8	23,7	41,5	18,2	49,3	26,8
Если не выйдите замуж/не женитесь, но будете хотеть иметь детей, то готовы ли прибегнуть к вспомогательным репродуктивным технологиям						
Готовы	35,5	28,1	39,5	40,9	34,3	24,3
Не готовы	33,0	39,6	26,4	40,9	35,8	39,2
Затрудняются ответить	31,5	32,3	32,1	18,2	29,9	37,5

число тех, кто в связи с репродуктивными проблемами «своих половинок» прекратил бы отношения, составляет примерно 5 %. Данный процент не меняется со временем.

Результаты исследований показали, что если студенты в будущем не смогут выйти замуж или не женятся, но при этом будут хотеть иметь детей, то только треть из них готова прибегнуть к искусственным методам репродукции. Такая ситуация сохраняется последние пять лет. В то же время при позитивном отношении к этой форме репродукции доля юношей, не готовых к такой ситуации, резко возросла. Среди девушек произошло сокращение числа тех, кто был готов воспользоваться данными методами, но при этом увеличился объем латентности.

Супружескую культуру можно рассматривать как симбиоз сексуальной и репродуктивной гендерной культуры. В этом контексте супружество — это искусство перевоплощения сексуальности в родительство. В то же время супружество — это способность интегрировать профессионально-

трудовые интересы в семейно-родительские. Таким образом, проблемное поле супружества включает в себя реконструкцию сексуальных, репродуктивных и профессионально-трудовых установок.

В нашем исследовании студентам был предложен вопрос, позволяющий определить функционально-гендерный стереотип супружества: «Как вы считаете, благодаря какой/какому женщине/мужчине ее/его дети будут счастливыми и успешными в жизни?»

Были выделены следующие стереотипные характеристики:

Приоритет профессионально-трудового статуса — женщина/мужчина должны иметь высшее образование, стабильную, престижную работу с перспективой профессиональной карьеры, именно это поможет воспитать образованных, успешных детей.

Приоритет родительства — женщина/мужчина должны быть в первую очередь покладистыми, добрыми, любящими, заботливыми матерью/отцом, так как только такие женщина/мужчина способны воспитать хороших, порядочных детей.

Приоритет сексуальности — женщина/мужчина должны в первую очередь следить за собой, быть всегда ухоженными, веселыми, красивыми, тогда и дети будут такими же.

Как показал анализ сексуальной и репродуктивной культуры у современных студентов, в их установках доминирует, с одной стороны, неотрадиционализм и новотрадициональность, с другой — приоритет работы/карьеры над статусом родительства. Традиционализм за последние пять лет стал менее востребованным. Именно эти особенности сексуальной и репродуктивной культуры определили их гендерно-супружеские стереотипы¹ (табл. 10).

Исследования показали, во-первых, в супружеской культуре доминирует гендерный стереотип. Во-вторых, сохраняется стереотип в отношении функционально-ролевых позиций мужчины в семье. В-третьих, оставляя за женщинами приоритет родительства, мы наблюдаем переориентацию ее позиций в профессионально-трудовую сторону. В-четвертых, мнение юношей и девушек существенно изменились. В них прослеживается наличие сформированного неотрадиционализма. В-пятых, сексуальная доминанта не воспроизводится в функционально-гендерной стереотипизации супружества. В-шестых, следует отметить возрастание латентности в отношении культурных стереотипов, особенно со стороны девушек.

Уровень супружеской зрелости студентов проявился при ответе на вопросы: «Что в отношениях между супругами является наиболее важ-

¹ Социологические исследования «Выбор брачного партнера» (2017 г. — N=120); «Институционализация современной культуры» (2022 г. — N=97).

Таблица 10

Функционально-гендерный стереотип супружества, % по группам

Социальные стереотипы	2017	2022	Юноши		Девушки	
			2017	2022	2017	2022
Образ женщины						
Приоритет профессионально-трудового статуса	6,7	22,7	3,3	20,0	13,3	24,7
Приоритет родительства	66,7	45,4	83,6	65,0	64,4	42,5
Приоритет сексуальности	5,0	7,2	6,6		4,4	9,6
Затрудняюсь ответить	6,7	20,6	3,3	15,0	13,3	23,3
Образ мужчины						
Приоритет профессионально-трудового статуса	49,2	52,6	47,5	61,9	66,7	52,1
Приоритет родительства	28,3	29,9	41,0	28,6	20,0	31,5
Приоритет сексуальности	2,5	1,0	4,9	4,8		
Затрудняюсь ответить	5,0	13,4	3,3	4,8	8,9	16,4

ным?» и «Кого в первую очередь мы выбираем перед заключением брака?»¹ (табл. 11).

Таблица 11

Культурно-нравственные и статусно-супружеские приоритеты студентов, %

Культурно-нравственные приоритеты супружеских отношений		Приоритеты статусно-супружеских ролей	
Взаимное уважение	88,0	Надежда и опора в жизни	78,7
Теплые и искренние отношения	79,5	Муж/жена	52,2
Верность	78,8	Отец/мать будущих детей	46,4
Любовь	77,7	Друг/подруга	30,9
Взаимная поддержка	75,7	Любовник/любовница	18,6
Сексуальная гармония	50,3	Домохозяйка/добытчик	10,7
Забота о детях	36,3		
Сходство интересов	26,4		
Четкое распределение ролей и обязанностей	12,7		

¹ Социологическое исследование «Представление студентов о будущем семьи и брака» (2021 г. — N=189).

Характер и степень влияния институциональных факторов на формирование сексуальной, репродуктивной и супружеской культуры

Институционализация сексуальной, репродуктивной и супружеской культуры рассматривается через формы и виды социального взаимодействия институциональных субъектов, которые отражают особенности социальных институтов в соответствии с их ролевыми функциями: социальное воспроизводство (СВ), социальная реализация личности (РЛ), социальное управление (СУ) (диагр. 3, табл. 12).

В основном институционализация сексуальной, репродуктивной и супружеской культуры осуществляется через систему институтов социального воспроизводства, где доминирующую роль играет родительская семья. Слабым звеном в институциональном пространстве являются институты социального управления, причем это касается как институтов политики, так и церкви, практически все институты социальной реализации личности, включая образование и просвещение, исключение в определенной мере составляют институты виртуальных коммуникаций (интернет), в институциональной системе социального воспроизводства — институты экономики.

Институционализация в большей степени направлена на репродуктивную и супружескую культуру. Причем это влияние однотипно в отношении и юношей, и девушек. Особая роль здесь отводится собственному жизненному опыту (51,5 и 56,7 %). Следует отметить, что на репродуктивную культуру, по мнению юношей и девушек, сильное влияние оказывает семья как социальная системы (от 62,1 % до 75,3 %), которая

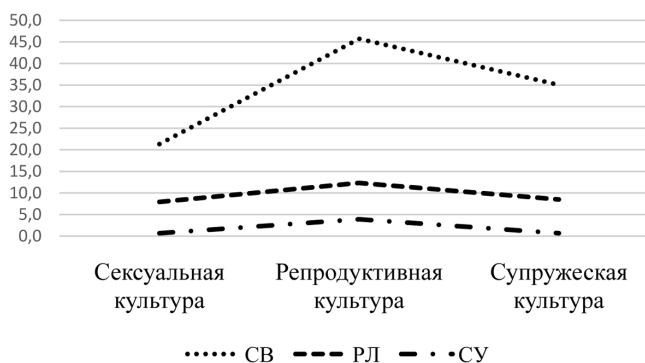

Диаграмма 3. Влияние социальных институтов в соответствии с их ролевыми функциями на формирование сексуальной, репродуктивной и супружеской культуры студентов, 2022 г. (% по группам)

Таблица 12

**Гендерная институционализация сексуальной, репродуктивной
и супружеской культуры студентов**

Институциональные факторы	Сексуальная культура		Репродуктивная культура		Супружеская культура	
	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки
<i>Социальные институты (КфСИ)</i>						
Институт семьи	1,13	1,33	2,17	2,23	1,68	1,85
Институт дружбы	1,93	1,77	1,43	1,57	1,52	1,41
Институт образования	1,02	1,04	1,09	1,17	1,15	1,15
Институт виртуальных социальных коммуникаций	1,36	1,23	1,27	1,33	1,36	1,40
Институт культурных трансформаций	1,05	1,08	1,17	1,32	1,15	1,37
Институт церкви	0,86	0,89	0,95	1,04	1,09	1,01
Институт политики	0,86	0,91	0,98	1,01	1,05	0,99
Институт экономики	0,91	0,88	0,95	0,83	1,05	1,11
Личность как институциональный субъект	1,73	1,99	1,77	2,07	1,95	2,29
Средний показатель СИ	1,21	1,23	1,31	1,4	1,36	1,45
<i>Классификация по ролевым функциям социальных институтов (КфИРФ)</i>						
Институты социального воспроизводства	1,23	1,44	1,87	1,98	1,63	1,81
Институты реализации личности	1,2	1,17	1,21	1,32	1,24	1,30
Институты социального управления	0,86	0,9	0,97	1,02	1,07	1,00
Средний показатель ИРФ	1,1	1,17	1,35	1,44	1,31	1,37

Примечание: 1) Социологическое исследование «Институционализация современной культуры (2022 г. — N=97); 2) СИ — социальные институты, ИРФ — институционально-ролевые функции; 3) Кф — коэффициент отражает влияние институциональных факторов на формирование сексуальной, репродуктивной и супружеской культуры студентов (формула расчета средневзвешенного значения, где 3 балла — сильное влияние, 2 — слабое влияние, 1 — не влияет).

включает все семейно-родственные связи по вертикали и горизонтали (45,4 % отмечают влияние дедушек/бабушек, 35,1 % — братьев/сестер), а также здесь немаловажную роль играет близкий, любимый человек (45,2 %). Каждый пятый отмечает влияние литературы и кино (23 %). Такая же ситуация и относительно характера формирования супружеской культуры. Хотя здесь отмечаются некоторые гендерные различия, так каждый пятый юноша отметил роль интернета (18,2 %), такая же доля кино и литературы у девушек. По всем остальным показателям институциональная картина однотипная с репродуктивной культурой.

Сексуальная культура оказывается «институциональным аутсайдером». Наибольшее влияние на формирование сексуальной культуры оказывает личный сексуальный опыт студентов, причём у девушек он проявляется ярче, чем у юношей. Друзья и общение в интернете у юношей доминируют над ролью родителей в этом процессе (72,8 и 54,6 % против 27,3 %). На роль родителей в большей мере указывают девушки (49,3 %), однако и они выделяют роль подруг и интернет-общение (54,6 и 24,4 %). Влияние дедушек и бабушек, братьев и сестер оказалось не значительным как для юношей, так и для девушек (14,4 и 8,2 %).

На такие институциональные средства формирования сексуальной, репродуктивной и супружеской культуры, как беседы и разговоры со специалистами, учителями, преподавателями вуза, образ жизни политиков и представителей бизнеса, церковнослужителей и богемы с «золотой молодежью, практически никто из юношей и девушек в исследовании не отреагировал (показатель варьируется от 0,0 % до 4,5%).

В целом следует отметить, что основным институционально-социализирующим фактором формирования данной системы культуры личности остается родительская семья. В первую очередь это взаимоотношение родителей в быту, умение родителей выстраивать диалог с детьми, касающейся сексуальной, репродуктивной и супружеской культуры. Однако сегодня молодые люди сами становятся субъектами институционализации культурных трансформаций своего социального поведения.

Заключение

На основании представленных материалов, результатов социологических исследований, обзора научных источников можно сделать ряд выводов. При этом следует учитывать, что сформированные в условиях первичной социализации потребности, установки, жизненные ценности не всегда приводят к аналогичному социальному поведению, но то, что

традиционное восприятие гендерно-сексуальной и репродуктивно-супружеской культуры трансформировалось, — очевидный эмпирический факт.

Исследования, проведенные авторами, показывают, что семья остается востребованной формой социальной организации жизни современного человека. Однако установка на детей в структуре жизненных ценностей на протяжении последних 20 лет носила неустойчивый характер. В настоящее время наблюдается снижение значимости детей в жизни пермской студенческой молодежи.

Сегодня надо говорить не о кризисе или модернизации института семьи, а об институциональной дисфункциональности общественно-политических, социально-экономических, социокультурных условий, в которых существует современная семья.

Наблюдается смена парадигмы восприятия молодежью института брака. Брак воспринимается не как «союз мужчины и женщины», а как личностная социальная система, которая позволяет молодым людям удовлетворить свои потребности в социальной безопасности, общении с близким человеком как объектом духовности и сексуальности.

Любовь сохраняет свою духовно-романтическую окраску. Студенты не идентифицируют понятие «любовь» с сексуальными отношениями.

Язык сексуальной культуры метафоричен. В нем представлена многообразная палитра определения сексуальных отношений, которая включает как художественно-литературные, так и ненормативные образы.

Сегодня можно говорить о том, что формирование новой сексуально-гендерной традиции вошло в активную фазу. С одной стороны, традиционная модель находится на критически низком статистическом уровне, с другой — в таких же параметрах определяется и уровень латентности. Однако неотрадиционализм достаточно стабилен.

На уровне массового сознания наблюдается полное принятие такого типа сексуального поведения, как добрачные сексуальные отношения, повысилась лояльность к внебрачным связям. На личностном — проявляется сдвиг в сторону традиционного сексуального поведения, которое студенты хотели бы формировать у своих детей. Причем это наиболее характерно для юношей, тогда как девушки сохраняют прежние установки на сексуальное поведение своих будущих детей. Поколенный разрыв в установках родителей и студентов на характер сексуального поведения детей является следствием суррогатной культуры, возникшей в 1990-е годы. В то же время роль родителей в воспитании сексуальной культуры детей остается значимой. Ослабление данной роли приводит к дисфункциональной трансформации всех составляющих сексуально-культурной

системы. Именно это мы наблюдаем при переходе от традиционной модели к неотрадициональной и затем к новой гендерной традиции. В латентности концентрируются все эти сексуально-культурные дисфункциональности. Точками бифуркации здесь выступают утверждения «сексуальные отношения могут быть только в браке» и «положительное отношение к внебрачным сексуальным связям».

В рамках культурно-этической парадигмы, идеологизированной прежними традициями, сегодня через систему социальных институтов конструируется общественное сознание. В ней сексуальности придается большее значение, чем она того заслуживает. Это привело к тому, что «сексуальность» сама по себе стала объектом социального фетиша. У тех, кто сохраняет гендерно-сексуальные традиции, в культурном стереотипе доминирует религиозно-нравственный аспект, у тех, кто вписался в новое гендерно-сексуальное пространство — культурно-эстетический.

Репродуктивные установки носят статичный характер. Студенты ориентированы на рождение двоих детей при любых социально-общественных условиях. При рассмотрении поколенного среза будущего молодежи позитивно воспринимает многодетность. Ориентация на многодетность в будущем говорит о том, что «традиционная» детность в пределах последних 50 лет находилась в латентном состоянии. Желание иметь троих и более детей (по современным нормам это многодетность) доминирует в сознании молодежи, однако, реальность диктует необходимость рационализировать свою личную модель семьи. Отдаленное будущее остается для молодежи менее очевидным. Уровень неопределенности возрастает от поколения к поколению.

Отделение сексуальности от репродукции — это скорее искусственно созданный прецедент, а не естественный (эволюционный) процесс трансформации репродуктивной культуры.

Институциональная дисфункциональность российского общества создает проблемы культурно-репродуктивного выбора. Наблюдается резкая переориентации молодежи на профессионально-трудовой статус в системе «карьера — дети». Особенно это затронуло юношей. В то же время следует отметить, что данная проблема имеет самую высокую латентность среди других репродуктивных показателей, которая ярче всего проявляется у девушек. Такая ситуация говорит о том, что традиционная модель семьи, где доминирует роль мужчины как добытчика, становится очевидной.

Регулирование репродуктивной активности с помощью искусственных методов репродукции находится в состоянии неопределенности. В настоящее время скорее можно говорить об отторжении этого способа

рождения детей, чем о его позитивном тренде. В то же время в отношении репродуктивных проблем, касающихся избранника/избранницы, молодые люди готовы прибегнуть к вспомогательным методам репродукции.

Супружество студентами воспринимается как гендерный симбиоз сексуальной, репродуктивной и профессионально-трудовой культуры.

В настоящее время молодежь является основным институциональным субъектом. Родительская семья сохраняет свое влияние на формирование репродуктивной и супружеской культуры, однако нивелируется относительно сексуальной культуры. Институты социального управления (институты политики и церкви) оказались социально-дисфункциональны. Следовательно, говорить об их активной роли в процессе формирования гендерно-сексуальной и репродуктивно-супружеской культуры безосновательно. Институты социальной реализации личности проявляют или социальную аморфность, или социальную агрессивность, с которой они навязывают этико-культурные образцы современного гендерно-сексуального и репродуктивно-супружеского поведения. Такой подход скорее отторгается в молодежной среде, нежели воспринимается как образец для подражания.

Девушки более активно встраиваются в институциональную трансформацию общественной жизни. Юноши чаще всего маневрируют в рамках старой и новой традиционной парадигмы. Следовательно, девушки оказываются более динамичным социальным субъектом, а юноши в данном случае выполняют роль социального стабилизатора.

Исторический срез в 100 лет (XX в.) не является социальным временем, в течение которого прошлые традиции могли быть полностью заменены новыми. Старые традиции сохраняются как в социальной практике, так и в латентном состоянии. Сексуальная, гендерная, семейно-брачная революция — это бесконечный социальный процесс.

Мужчины и женщины на протяжении всего этого времени искали/ищут оптимальный вариант сексуальной, репродуктивной, супружеской культуры. Точками социального риска данного процесса выступают исторические моменты, когда общественная культура переживает состояние «суррогатной культуры». Именно в это время происходит перманентная ломка старых устоев, традиций, социальных норм и правил. Однако по прошествии определенного времени культурные сдвиги в массовом сознании приходят в состояние социального покоя. Это состояние характеризуется доминирующей в данный момент времени общественной культурной парадигмой в сексуальной, репродуктивной и супружеской сфере. На личностном уровне в это время формируется многообразие культурных стереотипов этой области жизни.

Литература/References

Антонов А.И. (2018) Социологический анализ репродуктивных установок на число детей и сроки их рождения. *Социальная динамика населения и устойчивое развитие*: 344–347.

Antonov A.I. (2018) Sociologicheskij analiz reproduktivnyh ustanovok na chislo detej i sroki ih rozhdeniya [Sociological analysis of reproductive attitudes on the number of children and the timing of their birth]. *Social'naya dinamika nasele-niya i ustojchivoe razvitie* [Social dynamics of population and sustainable development]: 344–347 (in Russian).

Ахметова А.Т., Макарова Д.А. (2022) Совершенствование мер государственной поддержки семьи, материнства и детства. *E-SCIO*, 1(64): 147–154.

Akhmetova A.T., Makarova D.A. (2022) Sovershenstvovanie mer gosudarstvennoj podderzhki sem'i, materinstva i detstva [Improving measures of state support for family, motherhood and childhood]. *E-SCIO* [E-SCIO], 1(64): 147–154 (in Russian).

Беляева М.А. (2015) Роль семьи и церкви в формировании репродуктивной культуры. *Интернет-журнал «Мир науки»*, 1 [<http://mir-nauki.com/PDF/19KMN115.pdf>] (дата обращения 18.02.2023).

Belyaeva M.A. (2015) Rol' sem'i i cerkvi v formirovanii reproduktivnoj kul'tury [The role of family and church in the formation of reproductive culture]. *Internet-zhurnal «Mir nauki»*, 1 [Online magazine “World of Science”] [<http://mir-nauki.com/PDF/19KMN115.pdf>] (accessed: 18.02.2023) (in Russian).

Богомягкова Е.С., Ломоносова М.В. (2017) Вспомогательные репродуктивные технологии: к вопросу о новых формах социального неравенства. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 20(3): 180–198.

Bogomyagkova E.S., Lomonosova M.V. (2017) Vspomogatel'nye reproduktivnye tekhnologii: k voprosu o novykh formah social'nogo neravenstva [Assisted reproductive technologies: on the issue of new forms of social inequality]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 20(3): 180–198 (in Russian).

Бодрийяр Ж. (2006) *Общество потребления. Его мифы и структуры*. М.: Культурная революция, Республика.

Baudrillard J. (2006) *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury* [Consumer Society. Its myths and structures] Moscow: Kul'turnaya revolyuciya, Respublika (in Russian).

Болдырева Н.Г. (2015) Семейные традиции как средство духовно-нравственного воспитания дошкольников. *Молодой ученый*, 22: 753–755.

Boldyreva N.G. (2015) Semejnye tradicii kak sredstvo duhovno-nravstvennogo vospitaniya doshkol'nikov [Family traditions as a means of spiritual and moral education of preschool children]. *Molodoj uchenyj* [Young Scientist], 22: 753–755 (in Russian).

- Веблен Т. (1984) *Теория праздного класса*. М.: Прогресс.
- Veblen T. (1984) *Teoriya prazdnogo klassa* [The Theory of the Leisure Class]. Moscow: Progress (in Russian).
- Вишневский А.Г. (2008) Эволюция российской семьи. *Экология и жизнь*, 7. [https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/430650/Evolutsiya_rossiyskoy_semi] (дата обращения: 01.02.2023)
- Vishnevskiy A.G. (2008) Evolyuciya rossijskoj sem'i [The evolution of the Russian family]. *Ekologiya i zhizn'* [Ecology and life], 7. [https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/430650/Evolutsiya_rossiyskoy_semi] (accessed: 01.02.2023) (in Russian).
- Гидденс Э. (2004) *Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах*. СПб.: Питер.
- Giddens E. (2004) *Transformaciya intimnosti. Seksual'nost', lyubov' i erotizm v sovremennyh obshchestvah* [Transforming Intimacy. Sexuality, love and eroticism in modern societies]. St Petersburg: Piter (in Russian).
- Егорова Н.Ю. (2020) *Супружество в современной России: особенности функционирования*: дис. д-ра социол. наук. Н. Новгород.
- Egorova N.Y. (2020) *Supruzhestvo v sovremennoj Rossii: osobennosti funkcionirovaniya* [Marriage in modern Russia: features of functioning]. Dissertation of doctor of sociological sciences. Nizhnij Novgorod (in Russian).
- Захаров С.В. (2007) Трансформация брачно-партнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату? Малева Т.М., Синявская О.В. (ред.) *Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования*. М.: НИСП: 75–126.
- Zakharov S.V. (2007) Transformaciya brachno-partnerskih otnoshenij v Rossii: «zolotoj vek» tradicionnogo braka blizitsya k zakatu? [Transformation of marriage and partnership relations in Russia: is the “golden age” of traditional marriage coming to an end?]. In: Maleva T.M., Sinyavskaya O.V. (eds.) *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v seme i obshchestve* [Parents and children, men and women in the family and society]. Moscow: NISP: 75–126 (in Russian).
- Ильичева Е.С. (2019) Виртуализация семьи в культуре потребления. *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*, 3(23): 12–14.
- Ilyicheva E.S. (2019) Virtualizaciya sem'i v kul'ture potrebleniya [Virtualization of the family in consumer culture]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* [Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanities Research], 3(23): 12–14 (in Russian).
- Киселева Л.Г., Васильева С.Н., Михайлова И.В., Песьякова Н.В., Тишкова Ю.С. (2022) Семейные традиции в современном обществе. *Международный научно-исследовательский журнал*, 4, Часть 3: 209–212.
- Kiseleva L.G., Vasilyeva S.N., Mikhaylova I.V., Pesyakova N.V., Tishkova Y.S. (2022) *Semejnye tradicii v sovremennom obshchestve* [Family traditions in modern

society]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal* [International Scientific Research Journal], 4, part 3: 209–212 (in Russian).

Климантова Г.И. (2018) Семья в системе социокультурных ценностей современной России. *Отечественный журнал социальной работы*, 3(74): 126–130.

Klimantova G.I. (2018) Semya v sisteme sociokul'turnyh cennostej sovremennoj Rossii [Family in the system of sociocultural values of modern Russia]. *Otechestvennyj zhurnal social'noj raboty* [Domestic Journal of Social Work], 3(74): 126–130 (in Russian).

Коллонтай А.М. (2008) *Большая любовь*. СПб.: Азбука-классика.

Kollontay A.M. (2008) *Bol'shaya lyubov'* [Big love]. St. Petersburg: Azbuka-klassika (in Russian).

Кон И.С. (2011) Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 14(1): 51–65.

Kon I.S. (2011) Tri v odnom: seksual'naya, gendernaya i semejnaya revolyucii [Three in one: sexual, gender and family revolutions]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 14(1): 51–65 (in Russian).

Костина А.В. (2009) Традиционная культура: к проблеме определения понятия. *Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение»*, 4 – Культурология [https://zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Kostina/] (дата обращения: 02.05.2023).

Kostina A.V. (2009) Traditsionnaya kultura: k probleme opredeleniya ponyatiya [Traditional Culture: On the Problem of Defining the Concept] *Informatsionnyy gumanitarnyy portal «Znaniye. Ponimaniye. Umeniye»* [The informational humanitarian portal “Knowledge. Understanding. Skill”], 4 – *Kulturologiya* [Culturology] [https://zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Kostina/] (accessed: 02.05.2023) (in Russian).

Курбатова Л.Н. (2004) *Образование как социальное качество общества*. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та.

Kurbatova L.N. (2004) *Obrazovanie kak social'noe kachestvo obshchestva* [Education as a social quality of society]. Perm: Perm. gos. tekhn. un-t (in Russian).

Курбатова Л.Н. (2012a) Отношение студентов к семье и браку. *Дискуссия*, 4: 113–121.

Kurbatova L.N. (2012a) Otnoshenie studentov k sem'e i braku [Students' attitudes towards family and marriage]. *Diskussiya* [Discussion], 4: 113–121 (in Russian).

Курбатова Л.Н. (2012b) Студенты о любви как жизненной ценности. *Дискуссия*, 5: 95–104.

Kurbatova L.N. (2012b) Studenty o lyubvi kak zhiznennoj cennosti [Students about love as a life value]. *Diskussiya* [Discussion], 5(23): 95–104 (in Russian).

Лаврентьева И.В., Илышев А.М. (2006) О степени научной обоснованности демографической политики России и неотложных мерах по ее повы-

шению. Сулакшин С.С. (отв. ред.). *Проблемы формирования государственных политик в России*. М.: Научный эксперт: 736–746.

Lavrentyeva I.V., Ilyshev A.M. (2006) O stepeni nauchnoj obosnovannosti demograficheskoy politiki Rossii i neotlozhnyh merah po ee povysheniyu [On the degree of scientific validity of Russia's demographic policy and urgent measures to improve it]. In: *Problemy formirovaniya gosudarstvennykh politik v Rossii* [Problems of forming public policies in Russia]. Moscow: Nauchnyj ekspert: 736–746 (in Russian).

Мацковский М.С., Батыгин Г.С. (отв. ред.) (1989) *Социология семьи: проблемные теории, методология и методика*. М.: Наука.

Matskovskiy M.S., Batygin G.S. (1989) *Sociologiya sem'i: problemnye teorii, metodologiya i metodika* [Sociology of the family: problematic theories, methodology and techniques]. Moscow: Nauka (in Russian).

Медков В.М. (2008) Демографические прогнозы ООН для мира и России. *Вестник московского университета. Серия 18. Социология и политология*, 1: 135–151.

Medkov V.M. (2008) Demograficheskie prognozy OON dlya mira i Rossii [UN demographic forecasts for the world and Russia]. *Vestnik moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science], 1: 135–151 (in Russian).

Нагевичене В.Я. (2012) Гендерные ролевые девиации как фактор риска семьи. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*, 10: 189–192.

Nagevichene V.Y. (2012) Gendernye rolevye deviacii kak faktor riska sem'I [Gender role deviations as a family risk factor]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the South Ural State University. Series Social Sciences and Humanities], 10: 189–192 (in Russian).

Радаев В.В. (2019) *Миллениалы. Как меняется российское общество*. М.: Издат. дом Высшей школы экономики.

Radaev V.V. (2019) *Millenialy. Kak menyaetsya rossijskoe obshchestvo* [Millennials. How Russian society is changing]. Moscow: Izdat. dom Vyshej shkoly ekonomiki (in Russian).

Ростовская В.Н., Архангельский В.Н., Иванова А.Н., Кучмаева О.В., Семенова В.Г. (2021) *Семья и демографические процессы в современной России*. М.: Экон-Информ.

Rostovskaya V.N., Arhangelskiy V.N., Ivanova A.N., Kuchmaeva O.V., Semenova V.G. (2021) *Sem'ya i demograficheskie processy v sovremennoj Rossii* [Family and demographic processes in modern Russia]. Moscow: Ekon-Inform (in Russian).

Русанова Н.Е. (2018) Вспомогательные репродуктивные технологии в России: история, проблемы, демографические перспективы. *Журнал исследований социальной политики*, 11(1): 69–86.

Rusanova N.E. (2018) Vspomogatel'nye reproduktivnye tekhnologii v Rossii: istoriya, problemy, demograficheskie perspektivy [Assisted reproductive technologies in Russia: history, problems, demographic prospects]. *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki* [Journal of Social Policy Research], 11(1): 69–86 (in Russian).

Сивков А.В. (2011) *Место и роль межкультурной коммуникации в развитии социума: автор. дис. канд. филос. наук. М.*

Sivkov A.V. (2011) *Mesto i rol' mezhkul'turnoj kommunikacii v razvitii sociuma* [The place and role of intercultural communication in the development of society]. Dissertation of candidate of philosophical sciences. Moscow (in Russian).

Синельников А.Б. (2018) Семья и брак: кризис или модернизация. *Социологический журнал*, 24(1): 95–113.

Sinelnikov A.B. (2018) Sem'ya i brak: krizis ili modernizaciya [Family and marriage: crisis or modernization]. *Sociologicheskij zhurnal* [Journal of Sociology], 24(1): 95–113 (in Russian).

Соболев Ю.В. (2015) Эстетическая природа фетишизма. *Вестник Томского государственного университета*, 393: 83–91.

Sobolev Yu.V. (2015) Esteticheskaya priroda fetishizma [The aesthetic nature of fetishism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 393: 83–91 (in Russian).

Стегний В.Н. (2013) *Осознание личностью своего социального будущего: монография*. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политех. ун-та.

Stegniy V.N. (2013) *Osoznanie lichnost'yu svoego social'nogo budushchego: monografiya* [A person's awareness of his social future: monograph]. Perm: Izd-vo Perm. nac. issled. politekh. un-ta (in Russian).

Стегний В.Н., Курбатова Л.Н. (2018) *Социальный портрет студенчества в условиях трансформации российского общества*. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политех. ун-т.

Stegniy V.N., Kurbatova L.N. (2018) *Social'nyj portret studenchestva v usloviyah transformacii rossijskogo obshchestva* [Social portrait of students in the conditions of transformation of Russian society]. Perm: Izd-vo Perm. nac. issled. politekh. un-ta (in Russian).

Тарасова Е.О. (2016) Семейные ценности в мировых религиозных конфессиях и их влияние на российскую семью. *Вестник РУДН. Серия: Социология*, 16(2): 312–322.

Tarasova E.O. (2016) Semejnye cennosti v mirovyh religioznyh konfessiyah i ih vliyanie na rossijskuyu sem'yu [Family values in world religious confessions and their impact on the Russian family]. *Vestnik RUDN* [Bulletin of RUDN. Series: Sociology], 16(2): 312–322 (in Russian).

Тарасова Е.О. (2017) Профессия бортпроводник: преимущества и ограничения. *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Соц.-экон. науки*, 2: 77–91.

Tarasova E.O. (2017) *Professiya bortprovodnik: preimushchestva i ogranicheniya* [The profession of flight attendant: advantages and limitations]. *Vestnik Permskogo Nacional'nogo Issledovatel'skogo Politekhnicheskogo Universiteta* [Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Socio-Economic Sciences], 2: 77–91 (in Russian).

Харчев А.Г. (2003) *Социология семьи: проблемы становления науки*. М.: Центр социал. прогнозирования.

Kharchev A.G. (2003) *Sociologiya sem'i: problemy stanovleniya nauki* [Sociology of the family: problems of the formation of science]. Moscow: Centr social. prognozirovaniya (in Russian).

Файнбург З.И. (1979) К вопросу о понятии культуры и периодизации ее исторического развития (некоторые проблемы методологии). *Изв. Северо-Кавказ. науч. центра высш. шк. Общественные науки*, 3: 25–30.

Faynburg Z.I. (1979) K voprosu o ponyatii kul'tury i periodizacii ee istoricheskogo razvitiya (nekotorye problemy metodologii) [On the issue of the concept of culture and the periodization of its historical development (some problems of methodology)]. *Izvestiya Severo-Kavkazskogo nauchnogo centra vysshey shkoly. Obshchestvennye nauki* [News of the North Caucasus Scientific Center of Higher Education. Social Sciences], 3: 25–30 (in Russian).

Фахрисламова Р.Т. (2014) Феномен женской бездетности в России: исторические и социальные предпосылки. *Социологический журнал*, 3: 39–54.

Fakhrislamova R.T. (2014) Fenomen zhenskoj bezdetnosti v Rossii: istoricheskie i social'nye predposylki [The phenomenon of female childlessness in Russia: historical and social background]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], 3: 39–54 (in Russian).

Шутова О.Г. (2015) Материнская карьера: дети и трудовые стратегии. *Социологические исследования*, 10: 185–194.

Shutova O.G. (2015) Materinskaya kar'era: deti i trudovye strategii [Mother's career: children and work strategies]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 10: 185–194 (in Russian).

Ярская-Смирнова Е.Р. (2001) Гендер, власть и кинематограф: основные направления феминистской кинокритики. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 4(2): 100–118.

Yarskaya-Smirnova E.R. (2001) Gender, vlast' i kinematograf: osnovnye napravleniya feministskoj kinokritiki [Gender, Power and Cinema: Mainstreams of Feminist Film Criticism]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 4(2): 100–118 (in Russian).

Tabatabaie A. (2015) Childhood and adolescent sexuality, Islam, and problematics of sex education: a call for re-examination. *Sex Education*, 15(3): 276–288. <https://doi.org/10.1080/14681811.2015.1005836>.

Cutas D. (2009) Sex is over-rated: On the right to reproduce. *Human Fertility*, 12(1): 45–52.

Omelchenko E. (1999) New dimensions of the sexual universe: Sexual discourses in Russian youth magazines. *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, 15(1): 99–133. <https://doi.org/10.1080/13523279908415399>.

Ingham R. (2005) 'We didn't cover that at school': education against pleasure or education for pleasure? *Sex Education*, 5(4): 375–388. <https://doi.org/10.1080/14681810500278451>.

Bay-Cheng L.Y. (2003) The Trouble of Teen Sex: The construction of adolescent sexuality through school-based sexuality education. *Sex Education*, 3(1): 61–74. <https://doi.org/10.1080/1468181032000052162>.

Sleeboom-Faulkner M. (2010) Reproductive technologies and the quality of offspring in Asia: reproductive pioneering and moral pragmatism? *Culture, Health & Sexuality*, 12(2): 139–152. <https://doi.org/10.1080/13691050902912767>.

Zhuravleva O., Helmer J. (2024) Teachers' perceptions and attitudes around the possible implementation of sex education in schools: views from teachers in Kazakhstan's Karaganda Region. *Sex Education*, 24(2): 154–171. <https://doi.org/10.1080/14681811.2022.2164760>.

Qin Q., Zhang J. (2023) Sex Education in China: Actors and dynamics of China's policies and practices. *Cogent Education*, 10(2). <https://doi.org/10.1080/2331186X.2023.2270289>.

Schuilin G.A. (2005) On sexual behavior and sex-role reversal. *Journal of Psychosomatic Obstetrics and Gynecology*, 26(3): 217–223. ID: 36757363600.

Taylor T.F. (2007) The Origins of Human Sexual Culture. *Journal of Psychology & Human Sexuality*, 18(2–3): 69–105. https://doi.org/10.1300/J056v18n02_03.

Источники

Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». [<http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>] (дата обращения: 9.08.2022).

Распоряжение правительства РФ 25 августа 2014 г. № 1618-Р «об утверждении концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г. [<http://base.garant.ru/70727660>] (дата обращения: 13.08.2022).

Основы социальной концепции российской православной церкви. X.6. [<http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>] (дата обращения: 28.02.2024).

INSTITUTIONALIZATION OF GENDER-SEXUAL AND REPRODUCTIVE-MARITAL CULTURE AS A REFLECTION OF FAMILY AND MARRIAGE TRANSFORMATION

Lyudmila N. Kurbatova (kurbatova-ln@mail.ru),

Vasily N. Stegnyy (socio@pstu.ru),

Ekaterina O. Tarasova (tarasova_eo@mail.ru)

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia

Citation: Kurbatova L.N., Stegnyy V.N., Tarasova E.O. (2024) Institutsionalizatsiya genderno-seksual'noy i reproduktivno-supruzheskoy kul'tury kak otrazheniye transformatsii sem'i i braka [Institutionalization of gender-sexual and reproductive-marital culture as a reflection of family and marriage transformation]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(3): 65–105 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.3.3>. EDN: HCERTG

Abstract. The change in the social, socio-economic, cultural and ethical paradigm of Russian society in the 1990s had an impact on the institution of family and marriage. As a result of transformational processes in these social institutions, contradictions arose in sexual, reproductive and marital culture. Sociological researches conducted on the basis of Perm university by the authors of this article during the 50 years (1969–2022) made it possible to determine the place of family, marriage, children and love in the system of life values of modern students. These investigations helped to define the nature of traditional, neotraditional and latent gender culture, to identify the socio-cultural preferences of students in the reproductive and matrimonial sphere. First of all, these preferences concern the dynamics of changing student's attitudes to the number of children in marriage, taking into account the prospects for the future. Student's preferences also include the character of the “work-family” choice and their attitudes to auxiliary reproductive methods. Matrimony is considered through functional-gender stereotyping within the framework of sexual, reproductive, professional and labor culture. In the article were highlighted the institutional factors according to the type of social institutions and their institutional and role functions. The main conclusion of the study is that the family remains a popular form of social organization of the modern human's life. A new sexual-gender tradition has been formed. Youth is the main institutional subject, with a certain preservation of the role of parents. Religious and political institutes are “the weak link”. A historical centennial period (20th century) is not sufficient time during which past traditions could be replaced by new ones. Old traditions are preserved both in social practice and in a latent state. The sexual, gender, family and marriage revolution is an endless social process.

Keywords: sexual culture, reproductive culture, marital culture, gender culture, institutional factors, tradition, neotradition, latency, boys and girls, family and marriage.

СОЦИОЛОГИЯ ПОЛИТИКИ

КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹

Андрей Витальевич Коротаев ^{1 2 3} (akorotayev@gmail.com),

Джамиля Маллаевна Мусиева ^{1 4} (musdjam@mail.com),

Андрей Игоревич Жданов ^{1 5} (andreizhdanov998@gmail.com)

¹ Центр изучения стабильности и рисков НИУ ВШЭ Москва, Россия

² РАНХиГС, Москва, Россия

³ Институт Африки РАН, Москва, Россия

⁴ Факультет глобальных процессов, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

⁵ РЭУ им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия

Цитирование: Коротаев А.В., Мусиева Дж.М., Жданов А.И. (2024) Количественный анализ социально-демографических факторов революционной дестабилизации: результаты и перспективы. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(3): 106–145. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.3.4>. EDN: HMHOAS

Аннотация. Классификация теорий революции по поколениям американского социолога Дж. Голдстоуна — один из распространенных способов систематизации исследований в данном направлении. Вдобавок к укоренившимся уже в научном дискурсе четырем поколениям теорий революций в современной науке отмечается формирование нового пятого поколения. В статье приводятся результаты анализа социально-демографических факторов революционной дестабилизации, которые, по мнению авторов, можно относить к работам пятого поколения теорий революции. Проведенные к настоящему времени количественные кросс-национальные исследования социально-демографических факторов революционной дестабилизации показывают, что одни и те же социально-демографические факторы могут оказывать очень разное влияние на вероятность начала вооруженных восстаний, с одной стороны, и невооруженных революционных выступлений — с другой. Эти исследования демонстрируют, что вероятность невооруженных революционных выступлений более высока в экономически среднеразвитых странах с невысокой младенческой смертностью, достаточно высокой долей городского населения, достаточно высокими значениями охвата населения формальным образованием и медианного возраста и не очень высокой долей молодежи. С другой стороны, вооруженные восстания наиболее вероятны в наиболее бедных

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-00535).

странах с очень высокой младенческой смертностью, низкой долей городского населения, низкими значениями охвата населения формальным образованием и медианного возраста и очень высокой долей молодежи в общей численности взрослого населения («молодежным бугром»). Такие важные социально-демографические показатели, как высокие значения численности населения и социально-экономического неравенства, увеличивают риски как вооруженной, так и невооруженной революционной дестабилизации.

Ключевые слова: политическая демография, социально-демографические факторы революций, причины революций, количественный анализ.

Введение

В современной политической науке особую актуальность приобретает исследование революций как сложного феномена, эволюционирующего в своих проявлениях и последствиях на протяжении истории развития человечества. Комплексный характер революций как объекта исследований определяется их непредсказуемостью и многофакторностью (Albrecht, Koehler 2020: 5; Goldstone 2014), требующих задействования множества различных подходов. Так, М. Бейсинджер отмечает, что «государства и народы не могут быть вовлечены в революцию случайным образом, а сложность задействованных взаимодействий делает упрощенные теории пустыми» (Beissinger 2022: xix). Попытки преодоления «упрощенного» подхода в изучении революций предпринимались в том числе в рамках концепции четырех поколений теорий революций, выдвинутой американским социологом Дж. Голдстоуном. В зависимости от подходов как к определению причин революций, так и самого понятия «революция», выделены четыре поколения революций: первое поколение охватывает период работ с 1900-х по 1940-е годы, второе поколение относится к работам с 1950-х годов, третье поколение включает период с 1970-х, в то время как к четвертому поколению относят работы с 1990-х (Goldstone 1980; 2001; Голдстоун 2006).

К первому поколению современных теорий революций принято относить работы таких теоретиков, как П. Сорокин (Sorokin 1925), Н. Бердяев (Бердяев 1928), Д. Петти (Pettie 1938), К. Бринтон (Brinton 1965) и др.¹

¹ Следует также упомянуть так называемое нулевое поколение теорий революции (Goldstone et al. 2022), представленное такими теоретиками, как Т. Бэйли (Bailey 1830), А. де Токвиль (de Tocqueville 1955 [1856]), Г. Йиман (Yeaman 1861) и Дж. Кларк (Clark 1862) заложивших основы теории революции. Еще до первого поколения выкристаллизовался и вполне оригинальный марксистский подход к теории революции (Маркс, Энгельс 1955 [1848]; Каутский 1959 [1909]; Ленин 1969 [1915]; Marx 2000a [1850], 2000b [1852]; Engels 1979 [1851–1852]); Trotsky 1931

В рамках данного поколения были предприняты систематические попытки (зачастую достаточно удачные) выявить типичные фазы революционного процесса, рассматривались социально-психологические аспекты революций. В качестве движущих сил революций также отмечается крайнее недовольство экономическим или идеологическим положением в государстве (Odegard 1939).

Второе поколение теорий революции было ориентировано на поиск причин революций с помощью психологических (когнитивная психология и теория фрустрации), функциональных (рассмотрение революций как дисбаланс или нарушение функционирования общества как системы), а также организационных теорий (политические движения против действующих режимов либо политическая борьба) (Goldstone et al. 2022). Теоретиками данного поколения обычно рассматриваются такие социологи, как Ч. Джонсон (Johnson 1968), Д. Дэвис (Davies 1962), Т. Гэпп (Gurr 1968), Н. Смелзер (Smelser 1963), С. Хантингтон (Huntington 1968), Ч. Тилли (Tilly 1975; 1978) и др. Теория фрустрации позволила выявить роль завышенных ожиданий в рамках революционной дестабилизации в странах «третьего мира», возникающие в процессе модернизации (Feierabend 1972). В качестве одного из значимых достижений данного поколения следует выделить типологизацию моделей дестабилизации в режимы «центрального коллапса» и «наступления с периферии» (Huntington 1968).

Третье поколение теорий революций представлено работами Ш. Эйзенштадта, Дж. Пейдж, Т. Скокпол и К. Э. Тримбергер (Eisenstadt 1978; Paige 1975; Skocpol 1979; Trimberger 1978). Если в предыдущих поколениях роль элит связывалась с негибкостью правящих режимов как фактора революционной дестабилизации или распадом отдельных сегментов элиты, то в третьем поколении впервые систематически обращается внимание на демографические факторы и модель поведения элит (Goldstone et al. 2022).

Демографические процессы начинают рассматриваются как важные причины революционной дестабилизации, в котором единицами анализа являются структуры общества: государство, элиты и народ. Данный подход получил название структурно-демографической концепции и базируется на идеях Т. Мальтуса (Мальтус 1895) и В. Абея (Abel 1935; Шульц 2018) о том, что демографический рост становится дестабилизирующим фактором, при котором возрастает конкуренция за ресурсы между ука-

и др.). Таким образом, к XX в. уже было сформировано поколение теорий революции, предшествовавшее рассматриваемому первому поколению теоретиков К. Бринтона, Дж. Петти и П. Сорокина и пересекавшееся с ним (Шульц 2015).

занными структурами (Goldstone 1980). При этом обращается внимание на проблему «молодежного бугра» — увеличения доли населения молодого трудоспособного возраста, недовольных условиями жизни в стране вследствие экономических кризисов, роста безработицы и пр., они проявляют наибольшую активность в рамках революционных движений по свержению действующего политического режима (Moller 1968: 237; Choucri 1974). Так, Дж. Голдстоун отмечает: «Поскольку большинство молодых людей имеют меньше обязательств в плане семьи и карьеры, они относительно легко мобилизуются для участия в социальных или политических конфликтах. <...> Большинство революций XX века в развивающихся странах произошли там, где наблюдались особо значительные молодежные бугры» (Goldstone 2002: 10–11). Х. Урдал приходит к выводу о том, что рост молодежного бугра связан в основном не с гражданскими войнами, а с более мелкими насильственными конфликтами (Urdal 2001). Более агрессивная протестная активность также чаще наблюдается в переходных режимах, которые не являются ни полностью демократическими, ни полностью авторитарными.

В рамках четвертого поколения обращается особое внимание на противоречия внутри элит как факторе дестабилизации и причины революции (Bearman 1993; Haggard, Kaufman 1995 и др.). Особенность четвертого поколения — пересмотр структурно-демографической концепции, поскольку демографический рост сам по себе не является причиной революций, а лишь в сочетании с другими факторами, как, например, перепроизводство элит (Goldstone 2017; Turchin 2013; Turchin, Nefedov 2009; Коротаев 2014). Последнее подразумевает ситуацию, в которой количество лиц, относящихся к элитам, возрастает, что приводит к повышению конкуренции за ресурсы, количество которых не растет теми же темпами, а, наоборот, сокращается. Демографический рост в такой ситуации способствует социально-политической дестабилизации в складывающихся условиях несоответствия реальности ожиданиям населения. В целом в рамках структурно-демографической концепции выявлено, что ряд демографических изменений обуславливает возрастание риска вооруженных конфликтов:

- рост аграрного населения в условиях ограниченных земельных ресурсов приводит к претензиям на земли крупных землевладельцев;
- несоответствие процессов урбанизации экономическому росту;
- повышение числа молодежи с высшим образованием, испытывающих затруднения в получении элитных политических и экономических позиций;
- наличие «молодежного бугра»;

- миграционные потоки в регионы с большим населением, располагающим ярко выраженной этнической или политической идентичностью (Goldstone 2002: 14).

Помимо этого, обращается внимание на такие демографические факторы, как ожидаемая продолжительность жизни, уровень смертности среди взрослых, а также младенческой смертности, которые признаны предикторами революционных выступлений (Goldstone 2002: 17). В частности, в отношении показателя младенческой смертности в рамках данного поколения делается вывод, что высокие значения этого показателя являются мощным предиктором социально-политического кризиса и могут служить предупреждением о грядущих проблемах с безопасностью.

В современной политической науке присутствует точка зрения, согласно которой в настоящий момент складывается пятое поколение теорий революции (Allinson 2019). Это мнение сразу же было оспорено (Benjamin 2019; Beck, Ritter 2021). Однако нам представляется, что о появлении пятого поколения теорий революции говорить все-таки можно и что работы, результаты которых анализируются в статье, следует отнести именно к этому поколению. Подробное обоснование этому утверждению мы постараемся дать в ближайшее будущее в особой статье, пока же ограничимся утверждением о том, что главными отличительными чертами нового поколения теорий революции является опора на глобальные базы данных революционных событий, широкое использование современных методов количественного анализа, а также принципиальное представление о том, что для вооруженных и невооруженных революционных событий характерны принципиально разные факторы, структура и последствия.

Отметим, что многие представители пятого поколения теорий революции предпочитают называть невооруженные революционные выступления «ненасильственными максималистскими кампаниями». При этом вслед за П. Акерманом и К. Крюглером (Ackerman, Kruegler 1994), Э. Ченовет и М. Стивен определяют «кампанию» как «серию наблюдаемых, непрерывных, целенаправленных массовых тактик в преследовании политической цели» (Chenoweth, Stephan 2011: 14). Более того, в вышеупомянутых исследованиях рассматриваются кампании «с целями, которые воспринимаются как максималистские (фундаментальное изменение политического порядка); ...мы намеренно выбираем только кампании с целями, которые воспринимаются как максималистские по своей природе: смена режима или национальное самоопределение» (Chenoweth, Stephan 2011: 68). Таким образом, в вышеупомянутых работах изучаются «серии наблюдаемых, непрерывных, целенаправленных массовых тактик, пре-

следующих фундаментальные изменения политического порядка: смену режима или национальное самоопределение».

Нетрудно видеть, что данное определение практически не отличается от тех определений революции, на которые опираемся мы: «Революция — это коллективная мобилизация, которая пытается быстро и насильственно свергнуть существующий режим с целью трансформации политических, экономических и символических отношений» (Lawson 2019: 5); «Революция — антиправительственные (очень часто противозаконные) массовые акции (массовая мобилизация) с целью: (1) свержения или замены в течение определенного времени существующего правительства; (2) захвата власти или обеспечения условий для прихода к власти определенных сил; (3) существенного изменения режима, социальных или политических институтов» (Голдстоун и др. 2022: 109) или «попытка преобразовать политические институты и дать новое обоснование политической власти в обществе, сопровождаемая формальной или неформальной мобилизацией масс и такими неинституционализированными действиями, которые подрывают существующую власть» (Голдстоун 2006: 61). Сопоставление этих определений показывает, что «максималистские кампании» — это не что иное, как революции (в том числе национально-освободительные); следовательно, вышеупомянутые работы действительно изучают революции (довольно причудливо обозначенные как «кампании»). В пользу этого говорит и тот факт, что в базе данных Э. Ченовет *NAVCO: Nonviolent and Violent Campaigns and Outcomes* «кампаниями» названы все бесспорные революции с 1900 г., включая российские революции 1905–1907 и 1917 гг., Конституционную революцию в Иране, Синьхайскую революцию в Китае, Мексиканскую революцию 1910–1917 гг. и т.д. (Chenoweth, Shay 2020)¹. Таким образом, результаты исследований факторов начала «максималистских кампаний» оказываются вполне релевантны и для нашего анализа одного из факторов революционной дестабилизации.

Отметим также, что М. Кадивар и Н. Кечли вполне убедительно показали, что участники большинства так называемых ненасильственных максималистских кампаний прибегали к насилию в достаточно серьезных масштабах (здесь можно вспомнить хотя бы Египетскую революцию 2011 г. или Украинскую революцию [«Евромайдан»] 2013–2014 гг., которые Э. Ченовет вполне уверенно квалифицирует именно как «ненасильствен-

¹ Трудно также не отметить, что наиболее известный исследователь «максималистских кампаний» Э. Ченовет вошла в авторский коллектив коллективной монографии «О революциях» (Beck et al. 2022), тем самым фактически признав, что она всю свою жизнь занималась исследованием именно революций.

ные максималистские кампании» (Chenoweth, Shay 2020), в связи с чем они с полными на то основаниями полагают, что называть такие революционные выступления «ненасильственными» неправильно, предлагая обозначать их как «невооруженные» (Kadivar, Ketchley 2018).

Данной статьей мы начинаем обзор результатов пятого поколения исследований революции в области выявления факторов революционной дестабилизации. Начнем его именно с социально-демографических факторов.

Социально-демографическое развитие

Одни из главных последствий экономического развития — социальная модернизация (включающая в себя и демографическую модернизацию ~ демографический переход), изменение конфигурации общественных взаимоотношений, появление новых социальных страт с новыми запросами, ожиданиями и представлениями о должном политическом порядке. В случае если политический режим или бюрократический аппарат не успевает за новыми тенденциями, наблюдается возрастание революционной активности (Goldstone 2001: 149–150; Shaheen 2015: 72–73; Grinin 2022; Розов и др. 2019). Соответственно социально-демографические индикаторы являются важными предикторами начала революционных выступлений, и их влияние анализируется в заметном числе количественных кросс-национальных исследований, которые мы склонны относить к пятому поколению теорий революции.

Для систематизации результатов этих исследований авторы подсчитали совокупное число статистических моделей (в первую очередь это различные типы регрессионного анализа), где рассматриваемый показатель (независимая переменная) принимает одно из четырех значений — положительно значимый (*SP* — *significantly positive*, если коэффициент независимой переменной больше нуля, а *p-value* меньше 0.05), положительно незначимый (*IP* — *insignificantly positive*, если коэффициент показателя больше нуля, а *p-value* больше 0.05), отрицательно незначимый (*IN* — *insignificantly negative*, если коэффициент показателя меньше нуля, а *p-value* больше 0.05), отрицательно значимый (*SN* — *significantly negative*, если коэффициент показателя меньше нуля, а *p-value* меньше 0.05). Отдельно фиксировались значимые криволинейные зависимости.

Рассмотрение проведенных к настоящему времени результатов количественных кросс-национальных исследований социально-демографических факторов революционной дестабилизации начнем с урбанизации, операционализируемой чаще всего как доля городского населения в общей численности населения той или иной страны.

Урбанизация

Наиболее часто рассматриваемым социально-демографическим индикатором в исследованиях, посвященных революциям, является урбанизация.

Урбанизация облегчает координацию усилий для разворачивания политических протестов, поскольку высокая концентрация населения облегчает коммуникацию между лидерами протестов и недовольными социальными группами. Поскольку политические кампании и революции тем успешнее, чем больше индивидов принимает в них участие, подобные события должны чаще возникать там, где выше доля городского населения. В результате перемещение населения из сельских районов в городские центры облегчает коллективные действия (такие как забастовки, акции протеста, выступления и т.п.), позволяя различным социальным группам преодолевать прежние барьеры на пути к эффективной политической координации. Более того, урбанизация — это процесс, свидетельствующий о более широких модернизационных тенденциях, которые подталкивают средний класс к более либеральным предпочтениям, способствуя его участию в акциях революционного протеста против авторитарных и гибридных режимов (Chenoweth, Ulfelder 2017; Dahl et al. 2021; Gleditsch, Rivera 2017). Урбанизация также способствует построению прочных связей между индивидами, накоплению «социального капитала» и формированию структур гражданского общества, что также является необходимым условием разворачивания массовых выступлений и политических действий в целом (Butcher, Svensson 2016; Korotayev et al. 2021; Устюжанин и др. 2022; Коротаев и др. 2020; 2021).

Урбанизация рассматривалась в восьми количественных исследованиях факторов революционной дестабилизации (Beissinger 2022¹; Butcher,

¹ М. Бейсинджер при проведении статистических тестов не пользуется делением революционных выступлений на вооруженные и невооруженные, однако он (как и практически все остальные представители пятого поколения) предпочитает рассматривать факторы революционной дестабилизации не для всех революций в целом, а для их отдельных типов. Особое внимание он уделяет революционным эпизодам, которые он обозначает как «городские гражданские» (*civic urban*). При этом необходимо отметить, что практически все революционные события этого типа были невооруженными. Между тем практически все невооруженные революционные эпизоды XXI в. классифицируются Бейсинджером как «городские гражданские». Таким образом, «городские гражданские революции» М. Бейсинджера вполне можно рассматривать в качестве прокси невооруженных революционных выступлений. И неудивительно, что, как это можно видеть в онлайн-приложении к данной статье, результаты тестов с использованием «городских гражданских революций» в качестве зависимой переменной практически неотличимы от результатов тестов других авторов с использованием в качестве зависимой переменной «невооруженных революционных выступлений/ненасильственных максималистских

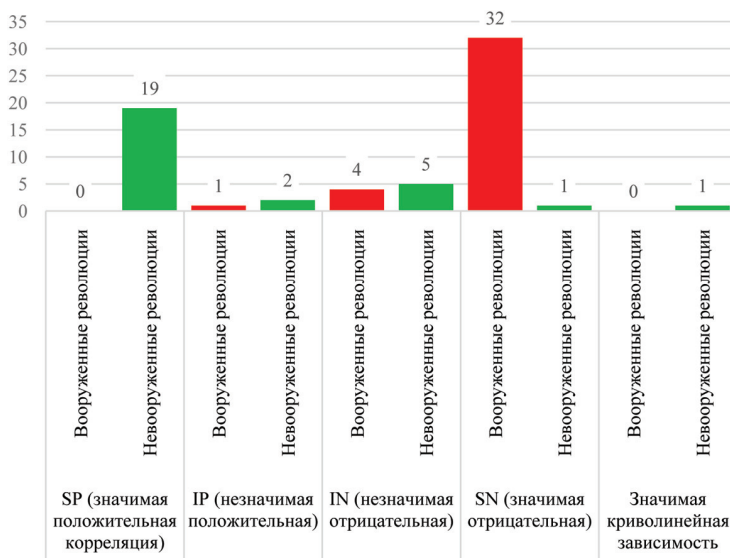

Рис. 1. Количество моделей с рассмотрением фактора урбанизации в зависимости от типа зависимой переменной

Примечание: в одной работе обычно представлено более одной модели с использованием интересующей нас переменной в качестве независимой. Поэтому число моделей, учтенных в соответствующих сравнительных диаграммах, всегда значительно превышает число работ, на базе которых соответствующие диаграммы построены.

Svensson 2016; Chenoweth, Ulfelder 2017; Dahl et al. 2021; Gleditsch, Rivera 2017; Медведев, Коротаев 2021; Медведев и др. 2022; Устюжанин и др. 2022). Сводка результатов этих исследований представлена в онлайн-приложении, а также на рисунке 1.

компаний». Поэтому в сводных графиках результаты и тех и других тестов объединены в столбцах «невооруженные революции». Кроме того, определенное внимание Бейсинджер уделяет революциям, которые он обозначает как «сельские» (*rural*) и «социальные» (*social*). Отметим, что к последним Бейсинджер относит по сути своей коммунистические и паракommунистические/ «социалистические» революции, нацеленные на то или иное перераспределение собственности. Практически все эти революционные выступления были вооруженными, а результаты тестов с использованием «сельских» и «социальных» в качестве зависимой переменной практически неотличимы от результатов тестов других авторов с использованием в качестве зависимой переменной «вооруженных революционных выступлений / насильственных максималистских кампаний».

В целом применительно к урбанизации главным результатом проведенных количественных кросс-национальных исследований социально-демографических факторов революционной дестабилизации можно считать выявление того обстоятельства, что урбанизация оказывает существенно разное влияние на риски вооруженной революционной дестабилизации, с одной стороны, и на вероятность начала невооруженных восстаний — с другой. На вероятность вооруженных революционных восстаний высокий уровень урбанизации оказывает однозначно отрицательное влияние: чем выше уровень урбанизации в данной стране, тем меньше там риски начала вооруженного революционного выступления. А вот применительно к невооруженным восстаниям прослеживается значимая положительная корреляция, т.е. с ростом доли городского населения вероятность невооруженных революционных выступлений значимо растет.

Численность населения

Еще один немаловажный показатель для прогнозирования рисков разворачивания революционной активности — численность населения. В соответствующей научной литературе численность населения рассматривается как важнейшая переменная, определяющая вероятность разного рода внутригосударственной напряженности, выливающейся и в вооруженные, и в мирные протесты, так как более многочисленное население, скорее всего, будет содержать какую-то группу, готовую к вооруженному или невооруженному восстанию (Besançon 2005; Butcher, Svensson 2016; Dahl et al. 2021; Keller 2012; Sawyer et al. 2022; Коротаев и др. 2020). Страны с небольшим населением, наоборот, характеризуются меньшим риском внутригосударственных конфликтов по сравнению с более населенными государствами (Cincotta, Weber 2021).

Количественный анализ влияния численности населения на возникновение разных типов революций полностью подтверждает данные концепции: в подавляющем числе исследований эмпирически подтверждается, что более высокая численность населения увеличивает вероятность начала как вооруженных, так и невооруженных революций, при этом ни одна регрессионная модель не показала отрицательного статистически значимого влияния данной зависимой переменной (Besançon 2005; Beissinger 2022; Butcher, Svensson 2016; Cincotta, Weber 2021; Dahl et al. 2021; Keller 2015; Shaheen 2015; Wimmer et al. 2009; Медведев и др. 2022; Слав, Коротаев 2021; Устюжанин, Жодзишская и др. 2022; Устюжанин, Коротаев 2022) (см. онлайн-приложение и рис. 5).

Отметим, что результаты проведенных количественных кросс-национальных исследований факторов революционной дестабилизации позво-

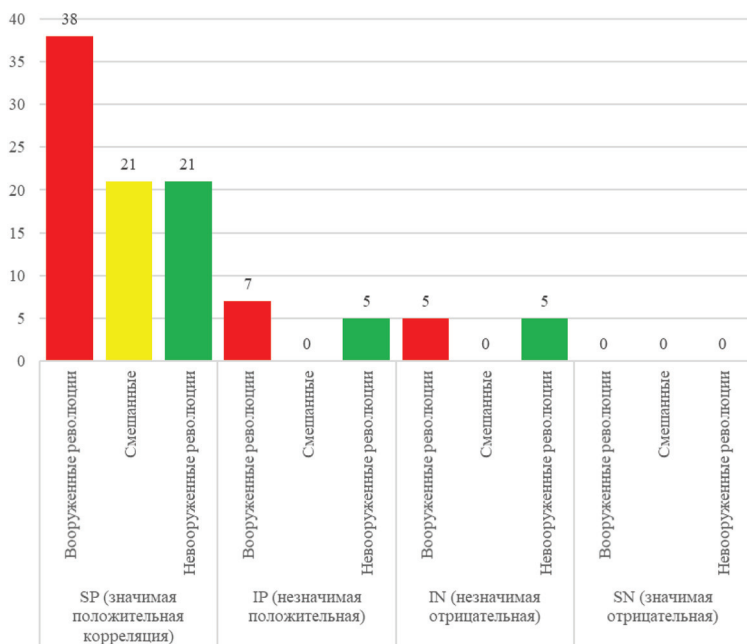

Рис. 2. Количество моделей с рассмотрением фактора численности населения в зависимости от типа зависимой переменной

ляют утверждать, что численность населения относится к достаточно небольшому числу факторов, оказывающих более или менее одинаковое влияние на риски как вооруженной, так и невооруженной революционной дестабилизации. В странах с более высокой численностью населения более высока вероятность начала как вооруженных, так и невооруженных революционных выступлений.

«Молодежный бугор»

В дополнение к численности населения многими исследователями в качестве предиктора революционной дестабилизации рассматривается так называемый «молодежный бугор», то есть повышенная доля молодежи — людей в возрасте от 15 до 24 (или 29) лет — в общей численности взрослого населения (см., например: Goldstone 1991, 2002; Moller 1968; Choucri 1974; Mesquida, Weiner 1999; Urdal 2004, 2006; Korotayev et al. 2011, 2014, 2022; Korotayev, Zinkina 2022; Weber 2013, 2019; Sawyer et al. 2022; Коротаев и др. 2011; 2012). Помимо этого, молодежь может выступать

в качестве инициатора массовых революционных протестов, поскольку многие протестные революционные движения начинались как студенческие волнения (Abd Rabou 2016; Chenoweth, Ulfelder 2017; Dahlum 2019; Ustyuzhanin et al. 2023; Гринин и др. 2017).

Иными словами, сторонники концепции «молодежного бугра» как фактора разворачивания революционных процессов постулируют, что государствам со значительной долей молодежи в общем числе населения (т.е. государства, находящиеся на начальных фазах демографического перехода) свойственен повышенный риск политического насилия и возникновения внутренних революционных конфликтов, независимо от того, какие политические акторы являются их инициаторами. В то же время ожидается, что общества, переживающие устойчивое снижение рождаемости и завершившие демографический переход, менее подвержены возникновению революционных процессов (Cincotta, Weber 2021; Munro, Zeisberger 2011; Устюжанин и др. 2022).

Молодежный бугор / медианный возраст рассматривался в девяти количественных исследованиях факторов революционной дестабилизации (Beissinger 2022; Chenoweth, Ulfelder 2017; Cincotta, Weber 2021; Shaheen 2015; Медведев, Коротаев 2021; Медведев, Коротаев 2022; Слав, Коротаев 2021; Устюжанин, Жодзишская и др. 2022; Устюжанин, Коротаев 2022); сводка результатов этих исследований представлена в онлайн-приложении, а также на рисунке 3. Необходимо иметь в виду, что гипотеза о «молодежном бугре» нередко операционализируется через медианный возраст¹. В целом медианный возраст находится в противофазе с «молодежным бугром»: чем медианный возраст выше, тем старше население страны и тем меньше там доля молодежи в общей численности взрослого населения (т.е. «молодежный бугор»). Соответственно положительной корреляции с «молодежным бугром» будет соответствовать отрицательная корреляция с медианным возрастом, а отрицательной корреляции с первым — положительная со вторым. Соответственно в подсчетах, результаты которых представлены на рисунке 3, положительные корреляции с «молодежным бугром» суммировались с отрицательными корреляциями с медианным возрастом, а отрицательные с первым — с положительными со вторым.

В целом описанные выше результаты подтверждают главный тезис пятого поколения теорий революции — один и тот же фактор может оказывать существенно разное влияние на риски вооруженной револю-

¹ Напомним, что медианный возраст — это показатель, который делит общество каждой страны на две половины, одна из которых младше указанной цифры, а другая половина старше.

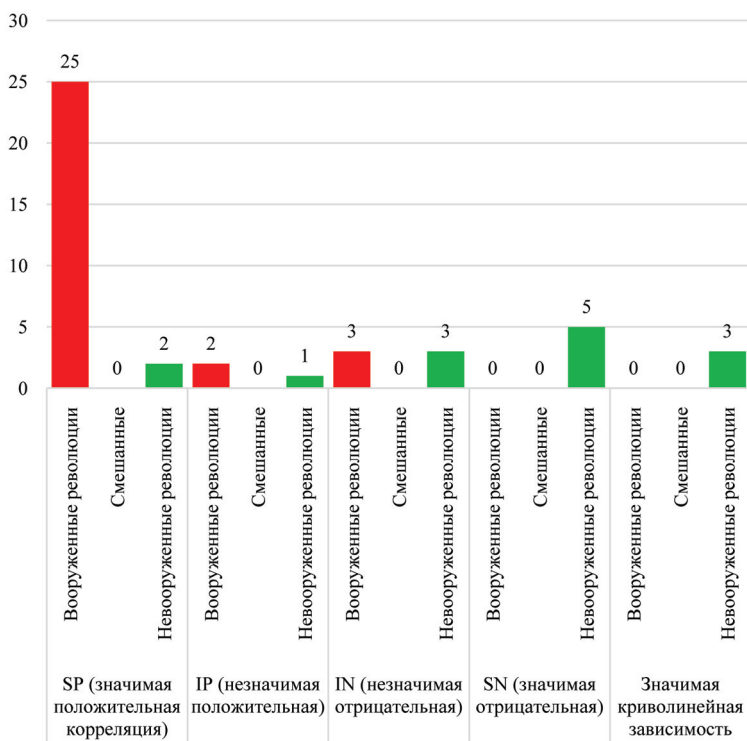

Рис. 3. Количество моделей с рассмотрением фактора доли молодежи / медианного возраста в зависимости от типа зависимой переменной

ционной дестабилизации, с одной стороны, и на вероятность начала невооруженных восстаний — с другой. Действительно, можно видеть, что повышенная доля молодежи в общей численности взрослого населения оказывает совершенно определенное несомненно значимое влияние на увеличение рисков начала вооруженных революционных выступлений. А вот про аналогичное влияние на вероятность невооруженной революционной дестабилизации и здесь сказать никак нельзя. Как видим, результаты исследования влияния повышенной доли молодежи на вероятность невооруженных революционных восстаний не дают ничего похожего на столь определенные результаты, как мы могли это видеть выше применительно к вооруженным революциям. Собственно говоря, наиболее частотным результатом здесь является отрицательная корреляция между «молодежным бугром» и вероятностью невооруженных революционных

выступлений, но в ряде тестов корреляция все-таки оказывалась положительной или криволинейной.

На наш взгляд, имеются основания предполагать, что отмеченная в ряде исследований отрицательная корреляция между «молодежным бугром» и рисками невооруженной революционной дестабилизации может объясняться определенной «недоконтролируемостью». Другими словами, фиксируемая в ряде исследований отрицательная корреляция между долей молодежи и вероятностью невооруженных революций может объясняться тем обстоятельством, что в экономически слабо- и среднеразвитых обществах (а вышеотмеченная отрицательная корреляция наблюдается прежде всего среди них) модернизация закономерно сопровождается, с одной стороны, «сдуванием молодежного бугра» в процессе второй фазы демографического перехода, связанной со снижением рождаемости, а с другой стороны, с одновременными тесно связанным с этим процессами роста охвата населения формальным образованием, урбанизации, демократизации и увеличения подушевого ВВП (Korotayev, Goldstone et al. 2015; Романов и др. 2021).

В результате среди экономически слабо- и среднеразвитых государств общества со значительно меньшей долей молодежи / бóльшим медианным возрастом будут в тенденции иметь заметно более высокий подушевой ВВП, значительно более образованное население, заметно более высокие уровни урбанизации и демократизации. В то же время среди экономически слабо- и среднеразвитых государств более высокий подушевой ВВП, значительно более образованное население, заметно более высокие уровни урбанизации и демократизации являются мощными факторами роста вероятности невооруженной революционной дестабилизации¹. Поэтому среди экономически слабо- и среднеразвитых государств для обществ с более высоким подушевым ВВП, значительно более образованным населением, заметно более высокими уровнями урбанизации и демократизации (а значит, и с заметно меньшими «молодежными буграми», более старым населением, более высоким медианным возрастом) будут харак-

¹ См.: (Albrecht, Koehler 2020; Ang et al. 2014; Beissinger 2022; Butcher, Svensson 2016; Christensen, Groshek 2020; Dahl et al. 2021; Dahlum 2017; Gleditsch, Rivera 2017; Hollyer et al. 2015; Inglehart, Welzel 2005; Jakobsen, Listhaug 2014; Korotayev, Bilyuga et al. 2018; Korotayev, Grinin et al. 2017; Korotayev, Issaev et al. 2015; Korotayev, Sawyer et al. 2021; Korotayev, Vaskin et al. 2018; Nam 2007; Shaheen 2015; Sawyer, Korotayev 2022; Su 2015; Ustyuzhanin et al. 2023; Инглхарт, Вельцель 2011; Коротаев, Билюга и др. 2016, 2017а, 2017б; Коротаев, Васькин и др. 2017; Коротаев, Гринин и др. 2017; 2021а, 2021б; Коротаев, Исаев и др. 2015; Коротаев, Сойер и др. 2020; Устюжанин, Михеева и др. 2023; Устюжанин, Сумерников и др. 2022).

терны и значительно более высокие риски начала невооруженных восстаний. Этим и может объясняться зафиксированная в целом ряде исследований отрицательная корреляция между «молодежным бугром» и вероятностью невооруженной революционной дестабилизации и соответственно положительная корреляция между более высоким медианным возрастом / более старым населением и более высокими рисками начала невооруженных восстаний (особенно с учетом того обстоятельства, что подавляющее большинство в использованных в данных исследованиях выборках составляли именно экономически слабо- и среднеразвитые общества).

Характерно, что одно из количественных кросс-национальных исследований, использовавших в качестве зависимой переменной интенсивность антиправительственных демонстраций¹, показало, что без использования контролей «молодежный бугор» является предиктором низкой интенсивности антиправительственных демонстраций, однако при добавлении контролей на подушевой ВВП, урбанизацию, демократизацию и охват населения формальным образованием корреляция между долей молодежи и интенсивностью антиправительственных демонстраций становится положительной (Романов и др. 2021)². Было также показано, что повышенная доля молодежи в общей численности населения положительно коррелирует с интенсивностью антиправительственных демонстраций во взаимодействии с уровнем проникновения информационных и коммуникационных технологий (Ang et al. 2014), а также урбанизацией (Sawyer, 2022; Коротаев, Соьер и др. 2020). В связи с этим примечательно, что одна из попыток использовать методы машинного обучения для выявления факторов революционной дестабилизации в афразийской макроне нестабильности (Медведев, Коротаев 2021) показала, что если повышенная доля *сельской* молодежи в общей численности взрослого населения в данном макрорегионе является значимым предиктором вооруженных восстаний, то повышенная доля *городской* молодежи является не менее значимым предиктором невооруженных революционных выступлений.

В целом применительно к проблематике «молодежного бугра» главным результатом проведенных количественных кросс-национальных исследо-

¹ Такого рода исследования для нас здесь вполне релевантны, так как антиправительственные демонстрации оказываются важнейшей частью революционного репертуара невооруженных восстаний (Lawson 2019).

² К этому стоит добавить результаты исследований (преимущественно на национальном и региональном уровне), показавших, что и в невооруженных протестах молодежь склонна участвовать в заметно большей степени, чем более пожилые граждане (см., например: Franc et al. 2020; Jakobsen, Listhaug 2014; Lee, Lo 2020; Renström et al. 2021; Telešienė, Balžekienė 2015).

ваний социально-демографических факторов революционной дестабилизации можно считать выявление того обстоятельства, что и повышенная доля молодежи («молодежный бугор») оказывает существенно разное влияние на риски вооруженной революционной дестабилизации, с одной стороны, и на вероятность начала невооруженных восстаний, с другой.

Действительно, можно считать достаточно однозначно установленным, что «молодежный бугор» вполне определенно значимо увеличивает риски вооруженной революционной дестабилизации. А вот применительно к вероятности невооруженных революционных выступлений это сказать никак нельзя. Но при этом утверждать, что повышенная доля молодежи уменьшает вероятность невооруженных революций, представляется чрезмерным упрощением. С одной стороны, вполне можно говорить, что в не очень экономически развитых обществах с относительно низкой долей молодежи одновременно значимо ниже риски вооруженных революционных событий и значимо выше вероятность невооруженных восстаний. Но делать из этого вывод, что снижение доли молодежи здесь ведет к росту вероятности невооруженных революционных выступлений было бы, на наш взгляд, не вполне правильным. Более правдоподобным представляется то объяснение, что более низкая доля молодежи здесь очень сильно (и совершенно закономерно, в связи с действием хорошо известных механизмов демографического перехода [см., например: Романов и др. 2021]) коррелирует с более высоким подушевым ВВП, более высокими уровнями демократизации, урбанизации и охвата населения формальным образованием. А ведь и более высокий подушевой ВВП, и более высокие уровни демократизации, урбанизации и образованности населения в такого рода странах являются мощными факторами, увеличивающими вероятность невооруженной революционной дестабилизации. Это, скорее всего, и объясняет отрицательную корреляцию между «молодежными буграми» и вероятностью невооруженных восстаний, фиксируемую в слабо- и среднеразвитых обществах (без введения жестких контролей на все измерения модернизации [кроме демографического]). С другой стороны, представляется не менее очевидным, что если доля молодежи и оказывает стимулирующее воздействие на вероятность невооруженных революционных выступлений, то эта корреляция несравненно слабее положительной корреляции между «молодежными буграми» и рисками вооруженной революционной дестабилизации¹.

¹ В связи с этим стоит отметить, что последняя попытка выявить значимые факторы революционной дестабилизации методами машинного обучения (Медведев и др. 2022) идентифицировала «молодежные бугры» в качестве значимого

В связи с этим следует ждать, что в слабо- и среднеразвитых обществах совершенно закономерное снижение доли молодежи в процессе модернизации должно способствовать не столько росту вероятности вооруженных восстаний, сколько к увеличению вероятности того, что революционное выступление примет скорее форму относительно мирного вооруженного восстания, а не насильственной кровавой гражданской войны. Отметим, что последние количественные кросс-национальные эмпирические тесты вполне подтверждают обоснованность данного теоретического ожидания (Устюжанин, Зинькина и др. 2023). Также представляется вполне правдоподобным, что в наиболее экономически развитых обществах дальнейшее старение населения, операционализируемое как через дальнейшее увеличение медианного возраста, так и через дальнейшее уменьшение доли молодежи в общей численности взрослого населения (т.е. дальнейшее «сдувание молодежных бугров»), вносит свой вклад в характерное для этих обществ дальнейшее снижение революционной активности (при этом не только кровавой вооруженной, но и относительно мирной вооруженной) (Устюжанин, Зинькина и др. 2022).

Неравенство

Немаловажным структурно-демографическим фактором, оказывающим непосредственное влияние на разворачивание революционных процессов, является социально-экономическое неравенство. Согласно Дж. Голдстоуну, в государствах, где экономический рост настолько неравномерен, что беднейшие слои (и даже средний класс) отстают по уровню благосостояния все дальше от быстро богатеющей элиты или где экономический рост, зависящий от иностранных инвестиций, обеспечивает стабильную ренту только иностранцам (и небольшой группе политических элит, обеспечивающих соответствующий порядок), эксплуатирующим местные ресурсы, подобная система будет восприниматься как несправедливая, вызывая народное недовольство и отчуждая общество и элиты друг от друга, что является предпосылкой для революции (Goldstone 2014: 22). Данная точка зрения находила поддержку у многих других политических социологов, обосновывающих, что существование значительного

предиктора только вооруженных восстаний, но не относительно мирных вооруженных революционных выступлений. К тому же повышенная доля молодежи, похоже, оказывается способной внести свой вклад в увеличение рисков вооруженной революционной дестабилизации не столько напрямую, сколько во взаимодействии с уровнем проникновения информационных и коммуникационных технологий, а также урбанизацией.

неравенства или неравномерного распределения богатств, вызывает чувство общей обиды на богатое меньшинство или правящий класс и подталкивает людей к радикальным формам выражения политического участия (Chenoweth, Ulfelder 2017: 303).

Значительное неравенство делает уязвимым для революций даже настолько защищенные режимы, как консолидированные демократии, внося заметный вклад в их деконсолидацию (Turchin 2012, 2013, 2016; Turchin, Korotayev 2020; Zhdanov, Korotayev 2022). Экономическое неравенство, конвертируемое во влияние политическое, приводит к феномену, который в политической науке называется «аннексией демократии финансовыми рынками», т.е. к эрозии демократических институтов под влиянием лоббистской деятельности больших корпораций, вследствие чего они уже не способны служить амортизатором общественного недовольства, каналом коммуникации между обществом и элитами и инструментом разрешения назревших социально-политических проблем, что приводит к разочарованию широких слоев населения в демократии, поиску альтернативных политических систем и желанию их установления революционным путём (Lawson 2019:228–30; Shaheen 2015:73; Streeck 2014:161). Данному процессу, в частности, оказались подвержены современные Соединенные Штаты Америки (Turchin 2012; 2013; 2016; Zhdanov, Korotayev 2022).

Несмотря на широкое освещение в теоретических исследованиях, посвященных революциям, фактор неравенства слабо отражен в эмпирических кросс-национальных тестированиях. Так, количественный анализ взаимосвязи неравенства и революций был найден нами только в исследовании Марии Безансон «Relative Resources: Inequality in Ethnic Wars, Revolutions, and Genocides» (Besançon 2005), результаты которого представлены в рисунке 4. Как следует из данного исследования, значительная часть эмпирических тестов показывает статистически значимую положительную зависимость между неравенством и возникновением вооруженных революций, в то же время немалая часть тестов показывает незначительный результат или отрицательную зависимость.

Не может не вызвать некоторого удивления полное отсутствие эмпирических проверок гипотезы о социально-экономическом неравенстве как возможном факторе невооруженной революционной дестабилизации. В какой-то степени это можно связать с проблемами с глобальными базами данных по социально-экономическому неравенству, например, с наличием в них колоссального числа пропусков (см., например: Krieger, Meierrieks 2019). Вместе с тем нельзя не отметить, что М. Бейсинджер собрал в базе данных к своей недавней монографии (Beissinger 2022)

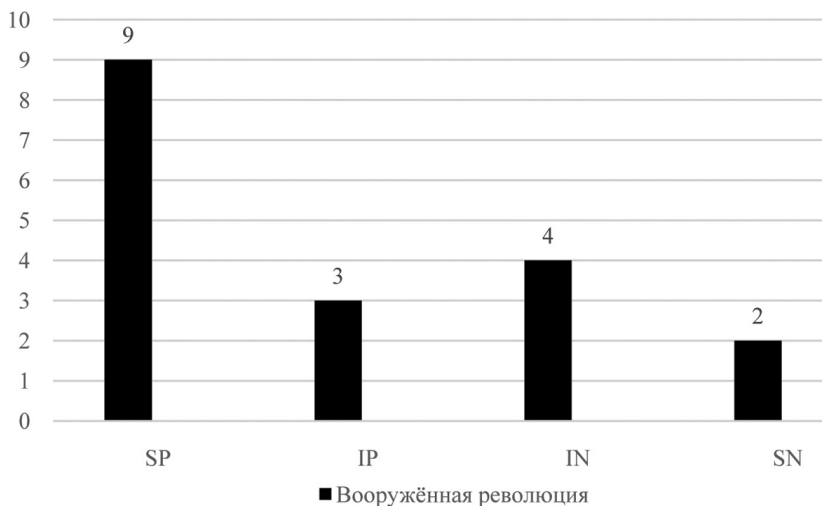

Рис. 4. Количество моделей с рассмотрением фактора неравенства в зависимости от типа зависимой переменной

значительный объем данных по социально-экономическому неравенству, не сообщая вместе с тем ни о каких результатах статистических тестов с использованием каких-либо индикаторов социально-экономического неравенства в качестве независимых переменных. Остается только предполагать, что обнаруженные в ходе таких тестов корреляции оказались статистически незначимыми.

В любом случае достаточно очевидно, что проблема влияния социально-экономического неравенства на риски как вооруженной, так и в особенности невооруженной революционной дестабилизации еще ждет тщательного количественного кросс-национального исследования с использованием глобальных баз данных. На этом фоне достаточно примечательно, что последний опыт использования методов машинного обучения для выявления наиболее сильных факторов революционной дестабилизации все-таки выявил вполне выраженные положительные корреляции между высокими значениями индекса экономического неравенства Джини и вероятностью начала невооруженных революционных выступлений, при этом как по базе данных революционных эпизодов Бейсинджера — РНФ, так и по базе данных революционных кампаний NAVCO, как для мира в целом, так и для афразийской макрорегиона (Медведев и др. 2022: рис. П1и, П2ж, П4г).

Уровень охвата населения формальным образованием

Социальная модернизация и, как следствие, повышение образованности населения, согласно современной политической социологии, с большей вероятностью склоняет индивидов к участию в ненасильственных революционных кампаниях, особенно тех, у кого есть доступ к информации о наиболее эффективных средствах политической борьбы (Butcher, Svensson 2016; Chenoweth, Ulfelder 2017; Устюжанин, Гринин и др. 2022). Так, образование способствует большей частоте использования альтернативных средств массовой информации, что увеличивает скорость распространения новостей и призывов к политическим действиям, необходимых для массового участия в них. Этот фактор приобрел дополнительную актуальность в современную эпоху, характеризующуюся ускорением технического прогресса и связанного с ним массового внедрения в повседневную жизнь социальных сетей, стимулирующих политическое самовыражение индивидов, создание независимых социально-политических инициатив и предоставляющих политическую «трибуну» множеству групп интересов, которые могут доносить свою точку зрения напрямую, минуя цензуры и барьеры традиционных СМИ (Akaev et al. 2017).

Кроме того, образование повышает коммуникативные навыки и умение работать в команде, а также облегчает понимание происходящих политических процессов, снижая когнитивные затраты на принятие решений и помогая обходить различные барьеры на пути к гражданскому участию. Иными словами, знания и навыки, получаемые в процессе образования, помогают лучше распознавать изъяны государственной политики и более эффективно продвигать альтернативную точку зрения, что создаёт необходимую индивидуальную и ресурсную базу для участия в социально-политических выступлениях (Устюжанин, Степанищева и др., 2023).

Уровень охвата населения формальным образованием рассматривался в девяти количественных исследованиях факторов революционной дестабилизации (Beissinger 2022; Besançon 2005; Butcher, Svensson 2016; Chenoweth, Ulfelder 2017; Cincotta, Weber 2021; Медведев, Коротаев 2021; Медведев и др. 2022; Устюжанин, Коротаев 2022; Устюжанин, Степанищева и др. 2023); сводка результатов этих исследований представлена в онлайн-приложении, а также на рисунке 5.

В целом и применительно к уровню охвата населения современным формальным образованием главным результатом проведенных количественных кросс-национальных исследований социально-демографических

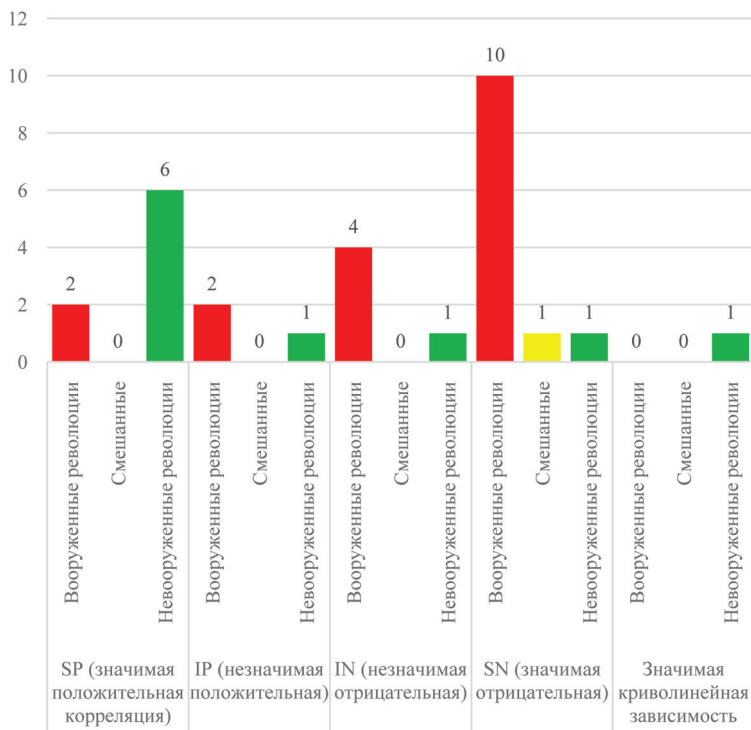

Рис. 5. Количество моделей с рассмотрением фактора образованности в зависимости от типа зависимой переменной

факторов революционной дестабилизации можно считать выявление того обстоятельства, что распространение современного образования оказывает существенно разное влияние на риски вооруженной революционной дестабилизации, с одной стороны, и на вероятность начала невооруженных восстаний — с другой. На вероятность вооруженных революционных восстаний высокий уровень образованности населения оказывает одно-значно отрицательное влияние: чем выше уровень охвата населения современным формальным образованием в данной стране, тем меньше там риски начала вооруженного революционного выступления. А вот применительно к невооруженным восстаниям прослеживается значимая положительная корреляция, т.е. с ростом образованности населения вероятность невооруженных революционных выступлений значимо растет. Это позволяет предполагать, что с ростом образованности населения

будет расти вероятность того, что революционное выступление, начавшись в данной стране, примет форму вооруженного восстания, а не насильственной кровавой гражданской войны. И действительно, эмпирические тесты подтверждают данное теоретическое ожидание (Устюжанин, Гринин и др. 2022).

Младенческая смертность

В качестве еще одного социально-демографического предиктора революционной дестабилизации нередко рассматривается младенческая смертность. Уровень младенческой смертности рассматривался в пяти количественных исследованиях факторов революционной дестабилизации (Butcher, Svensson 2016; Chenoweth, Ulfelder 2017; Fox 2004; Медведев и др. 2022; Устюжанин, Коротаев 2022). Сводка результатов этих исследований представлена в онлайн-приложении, а также на рисунке 6.

В целом и применительно к младенческой смертности главным результатом проведенных количественных кросс-национальных исследований социально-демографических предикторов революционной дестабилизации можно считать выявление того обстоятельства, что высокая младенческая смертность является достаточно определенным предиктором вооруженной революционной дестабилизации¹, но никак не может рассматриваться в качестве предиктора начала вооруженных восстаний.

Важно подчеркнуть, что младенческая смертность должна рассматриваться именно как предиктор вооруженной революционной дестабилизации, а не как ее фактор. Действительно, не видно никаких оснований утверждать, что, скажем, заметное снижение младенческой смертности должно само по себе закономерно вести к заметному уменьшению рисков начала вооруженных революционных выступлений. А вот оснований утверждать, что в странах с низкой младенческой смертностью риски

¹ К тестам, описанным в онлайн-приложении, надо добавить значительное число работ, показавших наличие сильной значимой корреляции между младенческой смертностью и рисками начала гражданских войн (см., например: Abouharb, Kimball 2007; Hegre et al. 2013; Urdal 2005). Требуется отметить, что три регрессионных модели, где младенческая смертность показала отрицательно значимое влияние на революционный конфликт, в качестве зависимой переменной использовали «сепаратистский конфликт», который представляет собой несколько иной тип политического конфликта, чем «чистая» революция, и вследствие этого снижение уровня социально-экономического развития государства может, наоборот, умерять сепаратистские настроения посредством появления «раскола» между богатыми и бедными, которые затрудняет этническую консолидацию, необходимую для сепаратистского конфликта.

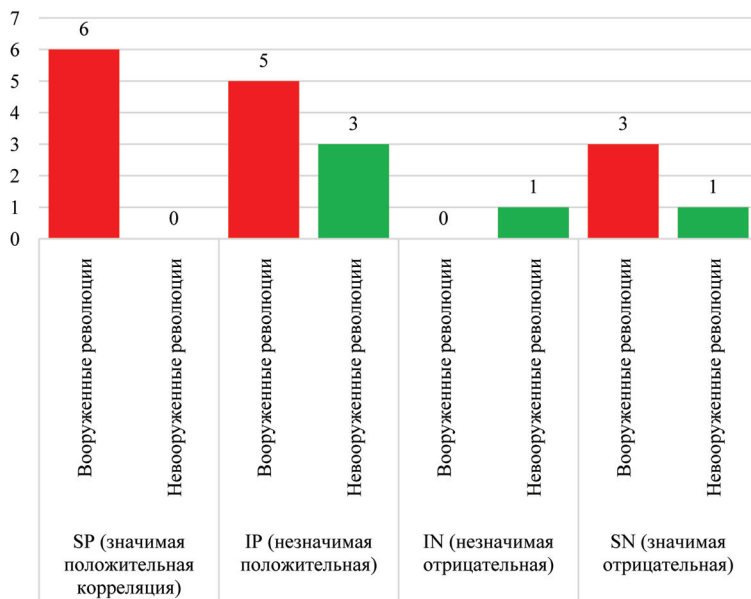

Рис. 6. Количество моделей с рассмотрением фактора младенческой смертности в зависимости от типа зависимой переменной

вооруженной революционной дестабилизации несравненно ниже, чем в странах с высокой младенческой смертностью, очень даже много. Действительно, наблюдается очень сильная отрицательная корреляция между младенческой смертностью, с одной стороны, и подушевым ВВП, образованностью населения и урбанизацией — с другой. Соответственно для практически всех стран с очень высокой младенческой смертностью характерны очень низкие значения ВВП на душу населения, охвата населения формальным образованием и урбанизированности, значительно более низкие, чем практически во всех странах с низкой младенческой смертности. А ведь высокие значения подушевого ВВП¹, урбанизации² и охвата населения формальным образованием³ являются мощными

¹ См., например: (Besançon 2005; Beissinger 2022 ; Cincotta, Weber 2021; Fox, 2004; Dahl et al. 2021; Gleditsch, Rivera 2017; Shaheen 2015; Wimmer, Cederman, Min 2009; Слав, Кортаев 2021; Устюжанин, Кортаев 2022; Устюжанин, Михеева и др. 2023).

² См. выше.

³ См. выше.

факторами, снижающими риски вооруженной революционной дестабилизации. Уже поэтому имеются достаточные основания ожидать, что риски вооруженной революционной дестабилизации в государствах с низкой младенческой смертностью будут значительно ниже, чем в обществах с высокой младенческой смертностью. Но это еще не все. В современных обществах с высокой младенческой смертностью рождаемость значительно выше, чем в государствах с низкой младенческой смертностью, а значит, и доля молодежи общей численности взрослого населения в первых значительно выше, чем во вторых. Это (см. выше) является еще одной причиной более высоких рисков вооруженной революционной дестабилизации в обществах с высокой младенческой смертностью. Но и это не все. В некоторых отношениях высокая младенческая смертность оказывается даже несколько более чувствительным индикатором социально-экономического неблагополучия, чем низкий ВВП на душу населения. Действительно, если страны А и В имеют примерно равно низкий подушевой ВВП, но при этом младенческая смертность в стране А заметно выше, чем в стране В, это, скорее всего, свидетельствует о том, что в стране А проводится значительно более слабая социальная политика, заметно выше неравенство (так что до рядовой массы доходит еще меньшая доля и так уже низкого ВВП), заметно ниже дееспособность государства, т.е. у нас имеется целый букет факторов, увеличивающих риски революционной дестабилизации.

Таким образом, хотя, скажем, низкая младенческая смертность и не является фактором, непосредственно снижающим риски вооруженной революционной дестабилизации, она свидетельствует о наличии целой совокупности факторов (высокие уровни подушевого ВВП, образованности, урбанизации и государственной эффективности, не очень высокий уровень неравенства, относительно малая доля молодежи в общей численности взрослого населения), каждый из которых заметно снижает риски начала вооруженных революционных выступлений. Поэтому представляется оправданным использование младенческой смертности как индикатора риска внутренней вооруженной дестабилизации в прогностических моделях, нацеленных на предсказание возможности начала (или продолжения) гражданских войн (см., например: Negre et al. 2013). Однако совершенно неоправданным представляется использование младенческой смертности в качестве фактора в теоретических моделях, описывающих механизмы возникновения революционной ситуации (рост младенческой смертности может здесь рассматриваться разве в качестве одного из факторов роста общественного недовольства; но вполне очевидно, что и в данном плане роль этого

фактора крайне невелика по сравнению, скажем, с фактором нехватки продовольствия)¹.

Выводы

Таким образом, проведенные к настоящему времени количественные кросс-национальные исследования социально-демографических факторов революционной дестабилизации (которые мы считаем возможным относить к пятому поколению исследований революций) показывают, что одни и те же социально-демографические факторы могут оказывать очень разное влияние на вероятность начала вооруженных восстаний, с одной стороны, и невооруженных революционных выступлений — с другой. Эти исследования показывают, что вероятность невооруженных революционных выступлений наиболее высока в экономически средне-развитых странах с невысокой младенческой смертностью, достаточно высокой долей городского населения, достаточно высокими значениями охвата населения формальным образованием и медианного возраста и не очень высокой долей молодежи. Вместе с тем вооруженные восстания наиболее вероятны в наиболее бедных странах с очень высокой младенческой смертностью, низкой долей городского населения, низкими значениями охвата населения формальным образованием и медианного возраста и очень высокой долей молодежи в общей численности взрослого населения («молодежным бугром»). Кроме того, такие важные со-

¹ Наконец, представляется крайне правдоподобным, что при добавлении в регрессии (с невооруженными революционными событиями в качестве зависимой переменной, а младенческой смерти — в качестве независимой) квадратичного члена обнаружилась бы статистически значимая криволинейная корреляция, а при проведении тестов на выборке из слабо- и среднеразвитых стран эта корреляция оказалась бы отрицательной. Дело в том, что в слаборазвитых странах высокая младенческая смертность закономерно сочетается с низкими уровнями подушевого ВВП, образованности и урбанизации, а в среднеразвитых государствах заметно более низкая младенческая смертность столь же закономерно сочетается с заметно более высокими уровнями подушевого ВВП, образованности и урбанизации. Однако, как уже упоминалось выше, для слабо- и среднеразвитых стран прослеживаются очень выраженные и вполне закономерные положительные корреляции между более высокими уровнями подушевого ВВП, образованности и урбанизации, с одной стороны, и более высокой вероятностью невооруженных революционных выступлений — с другой. Это и дает теоретические основания ожидать для этих стран наличия значимой отрицательной корреляции между младенческой смертностью и рисками невооруженной революционной дестабилизации. Однако проводить формальное тестирование данной гипотезы, на наш взгляд, особого теоретического смысла нет — речь в любом случае может здесь идти о низкой младенческой смертности лишь как о предикторе, а не реальном факторе невооруженной революционной дестабилизации.

циально-демографические показатели, как высокие значения численности населения и социально-экономического неравенства, увеличивают риски как невооруженной, так и невооруженной революционной дестабилизации.

Литература/References

Бердяев Н. (1928) Русская религиозная мысль и революция. *Версты*, 3: 40–62.

Berdyayev N. (1928) Russkaya religioznaya mysl' i revolyutsiya [Russian religious thought and revolution]. *Versty*, 3: 40–62 (in Russian).

Голдстоун Дж. А., Гринин Л.Е., Коротаев А.В. (2022) Волны революций XXI столетия. *Полис. Политические исследования*, 4: 108–119.

Goldstone J.A., Grinin L.Ye., Korotayev A.V. (2022) Volny revolyutsiy XXI stoletiya [Waves of revolutions of the XXI century]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Policy. Political Studies], 4: 108–119 (in Russian).

Голдстоун Дж.А. (2006) К теории революции четвертого поколения. *Логос*, 5(56): 58–103.

Goldstone J.A. (2006) K teorii revolyutsii chetvertogo pokoleniya [Towards the theory of the fourth generation revolution]. *Logos*, 5(56): 58–103 (in Russian).

Гринин Л.Е., Билюга С.Э., Коротаев А.В., Малыженков С.В. (2017) Доля студентов в общей численности населения и социально-политическая дестабилизация (Опыт количественного анализа). *Полития*, 4(87): 35–47.

Grinin L.Ye., Bilyuga S.E., Korotayev A.V., Malyzhenkov S.V. (2017) Dolya studentov v obshchey chislennosti naseleniya i sotsial'no-politicheskaya destabilizatsiya (Opyt kolichestvennogo analiza) [The share of students in the total population and socio-political destabilization (Experience in quantitative analysis)]. *Politiya* [Polity], 4(87): 35–47 (in Russian).

Инглхарт Р., Вельцель К. (2011) *Модернизация, культурные изменения и демократия*. М.: Новое изд-во.

Inglehart R., Welzel C. (2011) *Modernizatsiya, kul'turnyye izmeneniya i demokratiya* [Modernization, cultural change and democracy]. Moscow: Novoye izd-vo (in Russian).

Каутский К. 1959 [1909]. *Путь к власти. (Политические очерки о вращении в революцию)*. М.: Госполитиздат.

Kautskiy K. 1959 [1909] *Put k vlasti. (Politicheskiye ocherki o vrastanii v revolyutsiyu)* [The path to power. (Political essays on growing into the revolution)]. Moscow: Gospolitizdat (in Russian).

Коротаев А.В., Гринин Л.Е., Исаев Л.М., Билюга С.Э., Васькин И.А., Слинько Е.В., Шишкина А.Р., Мещерина К.В. (2017) *Дестабилизация: глобальные, национальные, природные факторы и механизмы*. М.: Учитель.

Korotayev A.V., Grinin L.Ye., Isayev L.M., Bilyuga S.E., Vaskin I.A., Slinko Ye.V., Shishkina A.R., Meshcherina K.V. (2017) *Destabilizatsiya: global'nyye, natsional'nyye*,

prirodnyye faktory i mekhanizmy [Destabilization: global, national, natural factors and mechanisms]. Moscow: Uchitel (in Russian).

Коротаев А.В., Гринин Л.Е., Малков С.Ю., Исаев Л.М., Билюга С.Э., Шишкина А.Р., Иванов Е.А., Мещерина К.В., Васькин И.А., Медведев И.А., Романов Д.М. (2021a) *Катализаторы политических переворотов: от акций протеста к смене власти. Анализ и моделирование процессов дестабилизации на примере модернизирующихся социально-политических систем*. М.: Ленанд; URSS.

Korotayev A.V., Grinin L.Ye., Malkov S.Y., Isayev L.M., Bilyuga S.E., Shishkina A. R., Ivanov Ye.A., Meshcherina K.V., Vaskin I.A., Medvedev I.A., Romanov D.M. (2021a) *Katalizatory politicheskikh perevorotov: ot aktsiy protesta k smene vlasti. Analiz i modelirovaniye protsessov destabilizatsii na primere moderniziruyushchikhsya sotsial'no-politicheskikh system* [Catalysts of political upheavals: from protests to changes in power. Analysis and modeling of destabilization processes using the example of modernizing socio-political systems]. Moscow: Lenand; URSS (in Russian).

Коротаев А. В., Исаев Л. М., Васильев А. М. (2015) Количественный анализ революционной волны 2013–2014 гг. *Социологические исследования*, 8: 119–127.

Korotayev A.V., Isayev L.M., Vasilyev A.M. (2015) *Kolichestvennyy analiz revolyutsionnoy volny 2013–2014 gg* [Quantitative analysis of the revolutionary wave of 2013–2014]. *Sotsiologicheskkiye issledovaniya* [Sociological Research], 8: 119–127 (in Russian).

Коротаев А.В., Соьер П.С., Гринин Л.Е., Шишкина А.Р., Романов Д.М. (2020) Социально-экономическое развитие и антиправительственные протесты в свете новых результатов количественного анализа глобальных баз данных. *Социологический журнал*, 26(4): 61–78. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.4.7642>.

Korotayev A.V., Soyey P.S., Grinin L.Ye., Shishkina A.R., Romanov D.M. (2020) *Sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye i antipravitel'svennyye protesty v svete novykh rezul'tatov kolichestvennogo analiza global'nykh baz dannykh* [Socio-economic development and anti-government protests in the light of new results from quantitative analysis of global databases]. *Sotsiologicheskij zhurnal* [Journal of Sociology], 26(4): 61–78. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.4.7642> (in Russian).

Коротаев А.В. (2014) О возможных экономико-психологических факторах украинской революции 2014 года. *Историческая психология и социология истории*, 1: 56–74.

Korotayev A.V. (2014) *O vozmozhnykh ekonomiko-psikhologicheskikh faktorakh ukrainskoy revolyutsii 2014 goda* [On possible economic and psychological factors of the Ukrainian revolution of 2014]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii* [Historical Psychology and Sociology of History], 1: 56–74 (in Russian).

Коротаев А.В., Билюга С.Э., Шишкина А.Р. (2016) ВВП на душу населения, уровень протестной активности и тип режима: опыт количественного анализа.

Сравнительная политика, 7(4): 72–94. [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-4\(25\)-72-94](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-4(25)-72-94).

Korotayev A.V., Bilyuga S.E., Shishkina A. R. (2016) VVP na dushu naseleniya, uroven' protestnoy aktivnosti i tip rezhima: opyt kolichestvennogo analiza [GDP per capita, level of protest activity and type of regime: experience of quantitative analysis]. *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics], 7(4): 72–94. [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-4\(25\)-72-94](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-4(25)-72-94) (in Russian).

Коротаев А.В., Билюга С.Э., Шишкина А.Р. (2017а) ВВП на душу населения, интенсивность антиправительственных демонстраций и уровень образования. Кросс-национальный анализ. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*, 1(84): 127–143. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2017-84-1-127-143>.

Korotayev A.V., Bilyuga S.E., Shishkina A.R. (2017a) VVP na dushu naseleniya, intensivnost' antipravitel'stvennykh demonstratsiy i uroven' obrazovaniya [GDP per capita, intensity of anti-government demonstrations and educational attainment]. *Kross-natsional'nyy analiz. Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz* [Cross-national analysis. Polity: Analysis. Chronicle. Forecast], 1(84): 127–143. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2017-84-1-127-143> (in Russian).

Коротаев А.В., Билюга С.Э., Шишкина А.Р. (2017б) Экономический рост и социально-политическая дестабилизация: опыт глобального анализа. *Полис. Политические исследования*, 2: 155–169. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.11>

Korotayev A.V., Bilyuga S.E., Shishkina A.R. (2017b) Ekonomicheskiy rost i sotsial'no-politicheskaya destabilizatsiya: opyt global'nogo analiza [Economic growth and socio-political destabilization: experience of global analysis]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Policy. Political Studies], 2: 155–169. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.11> (in Russian).

Коротаев А.В., Божевольнов Ю.В., Гринин Л.Е., Зинькина Ю.В., Малков С.Ю. (2011) Ловушка на выходе из ловушки. Логические и математические модели. Акаев А.А. (ред.) *Проекты и риски будущего*. М.: Красанд; URSS: 138–164.

Korotayev A.V., Bozhevolnov Y.V., Grinin L.Ye., Zinkina Y.V., Malkov S.Y. (2011) Lovushka na vykhode iz lovushki. Logicheskiye i matematicheskiye modeli [A trap at the exit of a trap. Logical and mathematical models]. In: Akayev A.A. (ed.) *Proyekty i riski budushchego* [Projects and risks of the future]. Moscow: Krasand; URSS: 138–164 (in Russian).

Коротаев А.В., Васькин И.А., Билюга С.Э. (2017) Гипотеза Олсона-Хантингтона о криволинейной зависимости между уровнем экономического развития и социально-политической дестабилизацией: опыт количественного анализа. *Социологическое обозрение*, 16(1): 9–49. <https://doi.org/10.17323/1728-192X2017-1-9-49>

Korotayev A.V., Vaskin I.A., Bilyuga S.E. (2017) Gipoteza Olsona — Khantingtona o krivolineynoy zavisimosti mezhdu urovnem ekonomicheskogo razvitiya i sotsial'no-politicheskoy destabilizatsiyey: opyt kolichestvennogo analiza [The

Olson-Huntington hypothesis about the curvilinear relationship between the level of economic development and socio-political destabilization: experience of quantitative analysis]. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Sociological Review], 16(1): 9–49. <https://doi.org/10.17323/1728-192X2017-1-9-49> (in Russian).

Коротаев А.В., Гринин Л.Е., Малков С.Ю., Исаев Л.М., Филин Н.А., Билуга С.Э., Зинькина Ю.В., Слинько Е.В., Шишкина А.Р., Шульгин С.Г., Мещерина К.В., Айсин М.Б., Иванов Е.А., Кокликов В.О., Медведев И.А., Романов Д.М., Слав М., Сойер П.С. (2021б) *Социально-политическая дестабилизация в странах афразийской макрзоны неустойчивости: количественный анализ и прогнозирование рисков*. М.: Ленанд; URSS.

Korotayev A.V., Grinin L.Ye., Malkov S.Y., Isayev L.M., Filin N.A., Bilyuga S.E., Zinkina YU.V., Slinko Ye.V., Shishkina A.R., Shulgin S.G., Meshcherina K.V., Aysin M.B., Ivanov Ye.A., Koklikov V.O., Medvedev I.A., Romanov D.M., Slav M., Soyey P.S. (2021b) *Sotsial'no-politicheskaya destabilizatsiya v stranakh afraziyskoy makrozony nestabil'nosti: kolichestvennyy analiz i prognozirovaniye riskov* [Socio-political destabilization in the countries of the Afro-Asian macrozone of instability: quantitative analysis and risk forecasting]. Moscow: Lenand; URSS (in Russian).

Коротаев А.В., Гринин Л.Е., Медведев И.А., Слав М. (2022) Типы политических режимов и риски революционной дестабилизации в XXI веке. *Социологическое обозрение*, 21 (2): 9–65. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2022-2-9-65>.

Korotayev A.V., Grinin L.Ye., Medvedev I.A., Slav M. (2022) *Tipy politicheskikh rezhimov i riski revolyutsionnoy destabilizatsii v XXI veke* [Types of political regimes and risks of revolutionary destabilization in the 21st century]. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Sociological Review], 21(2): 9–65. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2022-2-9-65> (in Russian).

Коротаев А.В., Малков А.С., Бурова А.Н., Зинькина Ю.В., Ходунов А.С. (2012) *Ловушка на выходе из ловушки. Математическое моделирование социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии и события арабской весны 2011 г.* Акаев А.А. (ред.) *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития*. М.: Либроком; URSS: 210–276.

Korotayev A.V., Malkov A.S., Burova A.N., Zinkina Y.V., Khodunov A.S. (2012) *Lovushka na vykhode iz lovushki. Matematicheskoye modelirovaniye sotsial'no-politicheskoy destabilizatsii v stranakh mir-sistemnoy periferii i sobytiya arabskoy vesny 2011 g* [A trap at the exit of a trap. Mathematical modeling of socio-political destabilization in countries of the world-system periphery and the events of the Arab Spring of 2011]. In: Akayev A.A. (ed.) *Modelirovaniye i prognozirovaniye global'nogo, regional'nogo i natsional'nogo razvitiya* [Modeling and forecasting of global, regional and national development]. Moscow: Librokom; URSS: 210–276 (in Russian).

Мальтус Т.Р. (1895 [1799]) *Опыт закона о народонаселении*. М.: Издание К.Т. Солдатенкова.

Malthus T.R. (1895 [1799]) *Opyt zakona o narodonaselenii* [Experience in the Law of Population]. Moscow: Izdaniye K.T. Soldatenkova (in Russian).

Маркс К., Энгельс Ф. (1955 [1848]) Манифест коммунистической партии. Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 4. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры: 419–459.

Marx K., Engels F. (1955 [1848]) Manifest kommunisticheskoy partii [Manifesto of the Communist Party]. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. V. 4. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury: 419–459 (in Russian).

Медведев И.А., Коротаев А.В. (2021) Структурные факторы мирной и вооруженной революционной смены власти: опыт анализа методами машинного обучения. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*, 12: 145–189.

Medvedev I.A., Korotayev A.V. (2021) Strukturnyye faktory mirnoy i vooruzhennoy revolyutsionnoy smeny vlasti: opyt analiza metodami mashinnogo obucheniya [Structural factors of peaceful and armed revolutionary change of power: experience of analysis using machine learning methods]. *Sistemnyy monitoring global'nykh i regional'nykh riskov* [System Monitoring of Global and Regional Risks], 12: 145–189 (in Russian).

Медведев И.А., Устюжанин В.В., Коротаев А.В. (2022) Применение методов машинного обучения для ранжирования факторов и прогнозирования невооруженной и вооруженной революционной дестабилизации в афразийской макроне нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*, 13: 134–191. https://doi.org/10.30884/978-5-7057-6184-5_06.

Medvedev I.A., Ustyuzhanin V.V., Korotayev A.V. (2022) Primeneniye metodov mashinnogo obucheniya dlya ranzhirovaniya faktorov i prognozirovaniya nevooruzhennoy i vooruzhennoy revolyutsionnoy destabilizatsii v afraziyskoy makrozone nestabil'nosti [Application of machine learning methods to rank factors and predict unarmed and armed revolutionary destabilization in the Afro-Asian macro-zone of instability]. *Sistemnyy monitoring global'nykh i regional'nykh riskov: yezhegodnik* [System monitoring of global and regional risks: Yearbook], 13: 134–191. https://doi.org/10.30884/978-5-7057-6184-5_06 (in Russian).

Розов Н.С., Пустовойт Ю.А., Филиппов С.И., Цыганков В.В. (2019) *Революционные волны в ритмах глобальной модернизации*. М.: Красанд; URSS.

Rozov N.S., Pustovoyt Y.A., Filippov S.I., Tsygankov V.V. (2019) *Revolutsionnyye volny v ritmakh global'noy modernizatsii* [Revolutionary waves in the rhythms of global modernization]. Moscow: Krasand; URSS (in Russian).

Романов Д.М., Мещерина К.В., Коротаев А.В. (2021) Доля молодежи в общей численности взрослого населения как фактор интенсивности ненасильственных протестов: опыт количественного анализа. *Полис. Политические исследования*, 3: 166–181. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.11>.

Romanov D.M., Meshcherina K.V., Korotayev A.V. (2021) Dolya molodezhi v obshchey chislennosti vzroslogo naseleniya kak faktor intensivnosti nenasil'stvennykh protestov: opyt kolichestvennogo analiza [The share of youth in the total adult population as a factor in the intensity of nonviolent protests: experience of quantitative analysis]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Policy. Political Studies], 3: 166–181. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.11> (in Russian).

Слав М., Коротаев А.В. (2021) К регрессионному анализу рисков революционной дестабилизации в африканской макрорегии неустойчивости в XXI веке. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*, 12: 219–241.

Slav M., Korotayev A.V. (2021) K regressionnomu analizu riskov revolyutsionnoy destabilizatsii v afraziyskoy makrozone nestabil'nosti v XXI veke [Toward a regression analysis of the risks of revolutionary destabilization in the Afro-Asian macrozone of instability in the 21st century]. *Sistemnyy monitoring global'nykh i regional'nykh riskov* [System Monitoring of Global and Regional Risks], 12: 219–241 (in Russian).

Сорокин П. (2004) *Социология революций*. М.: РОССПЭН.

Sorokin P. (2004) *Sotsiologiya revolyutsiy* [Sociology of revolutions]. Moscow: ROSSPEN (in Russian)

Устюжанин В.В., Зинькина Ю.В., Коротаев А.В. (2023) Опасная молодежь: почему революции принимают вооруженную или невооруженную форму? *Социологические исследования*, 5: 82–96. <https://doi.org/10.31857/S013216250025805-8>.

Ustyuzhanin V.V., Zinkina Y.V., Korotayev A.V. (2023) Opasnaya molodezh': pochemu revolyutsii primimayut vooruzhennuyu ili nevooruzhennuyu formu? [Dangerous youth: why do revolutions take armed or unarmed form?] *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 5: 82–96. <https://doi.org/10.31857/S013216250025805-8> (in Russian).

Устюжанин В.В., Гринин Л.Е., Медведев И.А., Коротаев А.В. (2022) Образование и революции (Почему революционные выступления принимают вооруженную или невооруженную форму?). *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*, 1(104): 50–71. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-104-1-50-71>.

Ustyuzhanin V.V., Grinin L.Ye., Medvedev I.A., Korotayev A.V. (2022) Obrazovaniye i revolyutsii (Pochemu revolyutsionnyye vystupleniya primimayut vooruzhennuyu ili nevooruzhennuyu formu?) [Sociological Research]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz* [Polity: Analysis. Chronicle. Forecast], 1(104): 50–71. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-104-1-50-71> (in Russian).

Устюжанин В.В., Жодзишская П.А., Коротаев А.В. (2022) Демографические факторы как предикторы революционных ситуаций. Опыт количественного анализа. *Социологический журнал*, 28(4): 34–59. <https://doi.org/10.19181/socjour.2022.28.4.9314>.

Ustyuzhanin V.V., Zhodzishskaya P.A., Korotayev A.V. (2022) Demograficheskiye faktory kak prediktory revolyutsionnykh situatsiy. Opyt kolichestvennogo

analiza [Demographic factors as predictors of revolutionary situations]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Experience in quantitative analysis], 28 (4): 34–59. <https://doi.org/10.19181/socjour.2022.28.4.9314> (in Russian).

Устюжанин В.В., Коротаев А.В. (2022) Регрессионное моделирование вооруженной и невооруженной революционной дестабилизации в афразийской макрорегии неустойчивости. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*, 13: 192–226. https://doi.org/10.30884/978-5-7057-6184-5_07.

Ustyuzhanin V.V., Korotayev A.V. (2022) Regressionnoye modelirovaniye vooruzhennoy i nevooruzhennoy revolyutsionnoy destabilizatsii v afraziyskoy makrozone nestabil'nosti [Regression modeling of armed and unarmed revolutionary destabilization in the Afro-Asian macrozone of instability]. *Sistemnyy monitoring global'nykh i regional'nykh riskov* [System Monitoring of Global and Regional Risks], 13: 192–226. https://doi.org/10.30884/978-5-7057-6184-5_07 (in Russian).

Устюжанин В.В., Степанищева Я.В., Галлямова А.А., Гринин Л.Е., Коротаев А.В. (2023) Образование и риски революционной дестабилизации: опыт количественного анализа. *Социологическое обозрение*, 22(1): 98–128. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2023-1-98-128>.

Ustyuzhanin V.V., Stepanishcheva YA. V., Gallyamova A.A., Grinin L.Ye., Korotayev A.V. (2023) Obrazovaniye i riski revolyutsionnoy destabilizatsii: opyt kolichestvennogo analiza [Education and the risks of revolutionary destabilization: experience of quantitative analysis]. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Sociological Review], 22(1): 98–128. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2023-1-98-128> (in Russian).

Устюжанин В. В., Сумерников И.А., Гринин Л.Е., Коротаев А.В. (2022) Урбанизация и революции: количественный анализ. *Социологические исследования*, 10: 85–95. <https://doi.org/10.31857/S013216250018478-8>.

Ustyuzhanin V.V., Sumernikov I.A., Grinin L.Ye., Korotayev A.V. (2022) Urbanizatsiya i revolyutsii: kolichestvennyy analiz [Urbanization and revolutions: a quantitative analysis]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 10: 85–95. <https://doi.org/10.31857/S013216250018478-8> (in Russian).

Устюжанин В. В., Михеева В.А., Сумерников И.А., Коротаев А.В. (2023) Экономические истоки революций: связь между ВВП и рисками революционных выступлений, *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*, 1(108): 64–87. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2023-108-1-64-87>.

Ustyuzhanin V.V., Mikheyeva V.A., Sumernikov I.A., Korotayev A.V. (2023) Ekonomicheskiye istoki revolyutsiy: svyaz' mezhdu VVP i riskami revolyutsionnykh vystupleniy. [Economic origins of revolutions: the relationship between GDP and the risks of revolutionary uprisings] *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz* [Polity: Analysis. Chronicle. Forecast], 1(108): 64–87. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2023-108-1-64-87> (in Russian).

Шульц Э.Э. (2015) Теория революции: к истории изучения, систематизации и современному состоянию. *Научные ведомости. Серия История. Политология. Экономика. Информатика*, 1(33): 167–172.

Shults E.E. (2015) *Teoriya revolyutsii: k istorii izucheniya, sistematizatsii i sovremennomu sostoyaniyu* [Theory of revolution: to the history of study, systematization and current state]. *Nauchnyye vedomosti. Seriya Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika* [Scientific bulletins. Series History. Political science. Economy. Computer Science], 1(33): 167–172 (in Russian).

Шульц Э.Э. (2018) Теория революции Джека Голдстоуна. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*, 3: 171–182.

Shults E.E. (2018) *Teoriya revolyutsii Dzheka Goldstouna* [Jack Goldstone's Theory of Revolution]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Science], 3: 171–182 (in Russian).

Abd Rabou A. (2016) «Democracy as Student Mobilization. How Student Unions Struggle for Change in Egypt. In: Mohamed E., H.R.Gerber, and S.Aboulkacem (eds.) *Education and the Arab Spring: Resistance, Reform, and Democracy*. Leiden: Brill: 51–67.

Abel W. (1935) *Agrarkrisen und Agrarkonjunktur in Mitteleuropa vom 13. bis zum 19. Jahrhundert*. Berlin.

Abouharb M.R., Kimball A.L. (2007) New Dataset on Infant Mortality Rates, 1816–2002. *Journal of Peace Research*, 44(6): 743–754.

Ackerman P., Kruegler C. (1994) *Strategic nonviolent conflict: The dynamics of people power in the twentieth century*, Westport, CT: Praeger.

Akaev A., Korotayev A., Issaev L., Zinkina J. (2017) Technological development and protest waves: Arab spring as a trigger of the global phase transition? *Technological Forecasting and Social Change*, 116: 316–321. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2016.08.009>

Albrecht H., Koehler K. (2020) Revolutionary mass uprisings in authoritarian regimes. *International Area Studies Review*, 23(2): 135–159. <https://doi.org/10.1177/2233865920909611>

Allinson J. (2019) A Fifth Generation of Revolution Theory? *Journal of Historical Sociology*, 32(1): 142–151.

Ang A.U., Dinar S., Lucas R.E. (2014) Protests by the young and digitally restless: The means, motives, and opportunities of anti-government demonstrations. *Information, Communication & Society*, 17(10): 1228–1249.

Bailey T. (1830) *A Discourse on the Causes of Political Revolutions*. London.

Bearman P.S. (1993) *Relations into rhetorics: Local elite social structure in Norfolk, England 1540–1640*. Rutgers University Press.

Beck C.J., Bukovansky M., Chenoweth E., Lawson G., Nepstad S.E., Ritter D.P. (2022) *On Revolutions: Unruly Politics in the Contemporary World*, Oxford: Oxford University Press.

Beck C., Ritter D. (2021) Thinking Beyond Generations: On the Future of Revolution Theory. *Journal of Historical Sociology*, 34: 134 — 141.

Beissinger M.R. (2022) *The Revolutionary City: Urbanization and the Global Transformation of Rebellion*. Princeton: Princeton University Press.

Benjamin A. (2019) A Fifth Generation of Revolutionary Theory Is Yet to Come. *Journal of Historical Sociology*, 32(1): 142–151.

Bernstein R.B. (2004 [1874]) *Thomas Jefferson: The revolution of ideas*. Oxford University Press.

Besançon M.L. (2005) Relative Resources: Inequality in Ethnic Wars, Revolutions, and Genocides. *Journal of Peace Research*, 42(4): 393–415.

Brinton C. (1965) *The Anatomy of Revolution*. New York: Vintage books.

Butcher C., Svensson I. (2016) Manufacturing Dissent: Modernization and the Onset of Major Nonviolent Resistance Campaigns. *Journal of Conflict Resolution*, 60(2): 311–339.

Chenoweth E., Shay C.W. (2020) List of Campaigns in NAVCO 1.3, Cambridge, MA: *Harvard Dataverse*. URL: <https://dataverse.harvard.edu/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.7910/DVN/ON9XND>.

Chenoweth E., Stephan M.J. (2011) *Why civil resistance works: the strategic logic of nonviolent conflict*. New York: Columbia University Press.

Chenoweth E., Ulfelder J. (2017) Can Structural Conditions Explain the Onset of Nonviolent Uprisings? *Journal of Conflict Resolution*, 61(2): 298–324.

Choucri N. (1974) *Population dynamics and international violence: Propositions, insights, and evidence*. London and New York: Lexington Books.

Christensen B., Groshek J. (2020) Emerging media, political protests, and government repression in autocracies and democracies from 1995 to 2012. *International Communication Gazette*, 82(8): 685–704.

Cincotta R., Weber H. (2021) Youthful Age Structures and the Risks of Revolutionary and Separatist Conflicts. In: A. Goerres, P. Vanhuysse (eds.) *Global Political Demography: The Politics of Population Change, The Age-structural theory of state behavior*. New York: Palgrave Macmillan: 57–92.

Clarendon E.H. (1888 [1641; publ. 1702–1704]) *History of the rebellion and civil wars in England: Begun in the year 1641 by Edward Hyde, 1st Earl of Clarendon*. In 3 vols. Clarendon Press.

Clark J. (1862) *The History and Theory of Revolutions*. From the Princeton Review for April 1862. Philadelphia.

Dahl M., Gates S., Gleditsch K., González B. (2021) Accounting for Numbers: Group Characteristics and the Choice of Violent and Nonviolent Tactics. *The Economics of Peace and Security Journal*, 16(1): 5–25.

Dahlum S. (2019) Students in the Streets: Education and Nonviolent Protest. *Comparative Political Studies*, 52(2): 277–309.

Davies J. C. (1962) Toward a theory of revolution. *American sociological review*, 27(1): 5–19.

de Mably G.B. (1972 [1758/1789]) *Des droits et des devoirs du citoyen*. Éd. crit. par Jean-Louis Lecercle. Didier.

de Tocqueville A. (1955 [1856]) *The old regime and the French revolution*. Doubleday.

Eisenstadt S. (1978) *Revolution and the transformation of societies*. The Free Press.

Engels F. (1979 [1851–1852]) Revolution and counter-revolution in Germany. *Marx-Engels Collected Works*, 10: 3–96 (Progress Publishers).

Feierabend I.K., Feierabend R.L. (1972) Systematic conditions of political aggression: An application of frustration-aggression theory. In: I. K. Feierabend, R. L. Feierabend, T. R. Gurr (Eds.), *Anger, violence, and politics: Theories and research*. Prentice-Hall: 136–183.

Fox J. (2004) The Rise of Religious Nationalism and Conflict: Ethnic Conflict and Revolutionary Wars, 1945–2001. *Journal of Peace Research*, 41(6): 715–731.

Franc R., Maglić M., Sučić, I. (2020) Političko (ne)povjerenje kao odrednica sklonosti glasanju na izborima i sklonosti prosvjednom sudjelovanju. *Revija za sociologiju*, 50(3): 381–406.

Gleditsch K.S., Rivera M. (2017) The Diffusion of Nonviolent Campaigns. *Journal of Conflict Resolution*, 61(5): 1120–1145.

Goldstone J.A. (1980) Theories of Revolution: The Third Generation. *World Politics*, 32(3): 425–453.

Goldstone J.A. (1991) *Revolution and rebellion in the early modern world*. University of California Press.

Goldstone J.A. (2001) Toward a Fourth Generation of Revolutionary Theory. *Annual Review of Political Science*, 4(1): 139–187.

Goldstone J.A. (2002) Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict. *Journal of International Affairs*, 56(1): 3–21.

Goldstone J.A. (2014) *Revolutions: A Very Short Introduction*, Oxford: Oxford University Press.

Goldstone J.A., Grinin L., Korotayev A. (2022) The Phenomenon and Theories of Revolutions. In: Goldstone J.A., Grinin L., Korotayev A. (eds.) *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer: 37–68. https://doi.org/10.1007/978-3-030-86468-2_2.

Goldstone J.A. (2017) Demographic structural theory: 25 years on. *Cliodynamics*, 8(2): 85–112.

Grinin L. (2022) Revolution and modernization traps. In: Goldstone J. A., Grinin L., and Korotayev A. (eds.) *Handbook of Revolutions in the 21st Century, Societies and Political Orders in Transition*. Cham: Springer International Publishing: 219–238.

Guizot M. (1844 [1836]) *Essais sur l'histoire de France*. Paris, Charpentier.

Gurr T.R. (1968) A causal model of civil strife: A comparative analysis using new indices. *American Political Science Review*, 62: 1104–1124.

Gurr T.R. (1970) *Why men rebel*. Princeton University Press.

Haggard S., Kaufman R.R. (1995) *The political economy of democratic transitions*. Princeton University Press.

Hegre H., Karlsen J., Nygård H.M., Strand H., Urdal H. (2013) Predicting armed conflict, 2010–2050. *International Studies Quarterly*, 57(2): 250–270.

Hollyer J.R., Rosendorff B.P., Vreeland J.R. (2015) Transparency, protest, and autocratic instability. *American Political Science Review*, 109(4): 764–784.

Hume D. (1773) *The history of England*. T. Cadell.

Huntington S.P. (1968) *Political order in changing societies*. Yale University Press.

Inglehart R., Welzel C. (2005) *Modernization. Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge: Cambridge University Press.

Jakobsen T G., Listhaug O. (2014) Social change and the politics of protest. In: R. J. Dalton, C. Welzel (eds.) *The civic culture transformed: From allegiant to assertive citizens*. Cambridge: Cambridge University Press: 213–239.

Jefferson T.A. (1998) *The life and selected writings of Thomas Jefferson: Including the autobiography. The Declaration of Independence & His Public and Private Letters*. Modern Library.

Kadivar M.A., Ketchley N. (2018) Sticks, Stones, and Molotov Cocktails: Unarmed Collective Violence and Democratization. *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*, 4: 1–16.

Keller F. (2012) (Why) Do Revolutions Spread? *Paper presented at the 2012 Annual Meeting of the American Political Science Association*. August 30 — September 2, 2012, New Orleans: https://www.researchgate.net/publication/275954363_

Korotayev A., Bilyuga S., Shishkina A. (2018) GDP Per Capita and Protest Activity: A Quantitative Reanalysis. *Cross-Cultural Research* 52(4): 406–440. <https://doi.org/10.1177/1069397117732328>.

Korotayev A., Goldstone J. A., Zinkina J. (2015) Phases of global demographic transition correlate with phases of the Great Divergence and Great Convergence. *Technological Forecasting and Social Change*, 95: 163–169. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2015.01.017>.

Korotayev A., Grinin L., Bilyuga S., Meshcherina K., Shishkina A. (2017) Economic Development, Sociopolitical Destabilization and Inequality. *Russian Sociological Review*, 16(3): 30–57. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2017-3-9-35>.

Korotayev A., Issaev L., Zinkina J. (2015) Center-periphery dissonance as a possible factor of the revolutionary wave of 2013–2014: A cross-national analysis. *Cross-Cultural Research*, 49(5): 461–488. <https://doi.org/10.1177/1069397115595374>.

Korotayev A., Sawyer P., Romanov D. (2021) Socio-Economic Development and Protests. A Quantitative Reanalysis. *Comparative Sociology*, 20(2): 195–222. <https://doi.org/10.1163/15691330-bja10030>.

Korotayev A., Vaskin I., Bilyuga S., Ilyin I. (2018) Economic Development and Sociopolitical Destabilization: A Re-Analysis. *Cliodynamics: The Journal of Quantitative History and Cultural Evolution*, 9(1): 59–118. <https://doi.org/10.21237/c7clio9137314>.

Korotayev A., Zinkina J. (2022) Egypt's 2011 Revolution. A Demographic Structural Analysis. In: Goldstone J. A., Grinin L., Korotayev A. (eds.) *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer: 651–683. https://doi.org/10.1007/978-3-030-86468-2_25.

Korotayev A., Zinkina J., Kobzeva S., Bogevolnov J., Khaltourina D., Malkov A., Malkov S. (2011) A Trap at the Escape from the Trap? Demographic-Structural Factors of Political Instability in Modern Africa and West Asia. *Cliodynamics*, 2(2): 276–303. <https://doi.org/10.21237/C7clio22217>.

Krieger T., Meierrieks D. (2019) Income inequality, redistribution and domestic terrorism. *World Development*, 116: 125–136.

Lawson G. (2019) *Anatomies of Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press.

Lee M.Y.K., Lo Y.L. (2020) Contesting Visions of Hong Kong's Rule of Law and Young People's Political Discontent. *Social & Legal Studies*, 29(6): 858–880.

Marx K. (2000a) [1850] The class struggles in France. In: Marx K. *Selected writings*. Oxford University Press: 313–325.

Marx K. (2000b) [1852] The eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte. In: Marx K. *Selected writings*. Oxford University Press: 329–355.

Mesquida C.G., Wiener N.I. (1999) Male Age Composition and Severity of Conflicts. *Politics and the Life Sciences*, 18(2): 181–189. <https://doi.org/10.1017/S0730938400021158>.

Moller H. (1968) Youth as a Force in the Modern World. *Comparative Studies in Society and History* 10(3): 238–260.

Munro D., Zeisberger C. (2011) Demographics: The Ratio of Revolution. *SSRN Electronic Journal*: 1–24.

Nam T. (2007) Rough Days in Democracies: Comparing Protests in Democracies. *Economic Journal of Political Research*, 46(1): 97–120.

Odegard P.H. (1939) The Process of Revolution. By George Sawyer Pettee. *American Political Science Review*, 33(4): 692–694.

Paige J.M. (1975) *Agrarian revolution: Social movements and export agriculture in the underdeveloped world*. Free Press.

Petee G. (1938) *The Process of Revolution*, New York: Harper and Brothers.

Renström E.A., Aspernäs J., Bäck H. (2021) The young protester: the impact of belongingness needs on political engagement. *Journal of Youth Studies*, 24(6): 781–798.

Ritter D. (2015) *The iron cage of liberalism*. Oxford University Press.

Saint-Simon H. (1975) *Henri Saint-Simon (1760–1825): Selected writings on science, industry, and social organization*. Croom Helm.

Sawyer P.S., Korotayev A.V. (2022) Formal Education and Contentious Politics: The Case of Violent and Non-Violent Protest. *Political Studies Review*, 20(3): 366–389. <https://doi.org/10.1177/1478929921998210>.

Shaheen S. (2015) *Soziale Aufstände. Konzeptualisierung, Bemessung, Ursachen und Folgerungen. Social Uprisings: Conceptualization, Measurement, Causes and Implications*. Thesis. Marburg: Philipps-University of Marburg.

Skocpol T. (1979) *States and social revolutions: A comparative analysis of France, Russia, and China*. Cambridge University Press.

Smelser N. (1963) *Theory of collective behavior*. Free Press.

Sorokin P. (1925) *The Sociology of Revolution*, Philadelphia: Lippincott.

Streeck W. (2014) *Buying Time: The Delayed Crisis of Democratic Capitalism*. Brooklyn, NY: Verso.

Su Y.-P. (2015) Anti-Government Protests in Democracies: A Test of Institutional Explanations. *Comparative Politics*, 47(2): 149–167.

Telešienė A., Balžekienė A. (2015) The influence of biographical situational factors upon environmental activist behaviour: Empirical evidence from CEE countries. *Sociální Studia/Social Studies*, 12(3): 159–178.

Thierry A. (2012 [1827]) *Lettres sur l'histoire de France*. Classiques Garnier.

Tilly C. (1975) Revolutions and collective violence. In: Greenstein F., Polsby N. (eds.), *Handbook of political science*. Addison-Wesley: 483–555.

Tilly C. (1978) *From mobilization to revolution*. Addison-Wesley.

Trimberger K.E. (1978) *Revolution from above: Military Bureaucrats and development in Japan, Turkey, Egypt, and Peru*. Transaction Books.

Trotsky L. (1931) *The permanent revolution*. Pioneer.

Turchin P. (2012) Dynamics of Political Instability in the United States, 1780–2010. *Journal of Peace Research*, 49(4): 577–591.

Turchin P. (2013) Modeling Social Pressures toward Political Instability. *Cliodynamics*, 4(2): 241–280.

Turchin P. (2016) *Ages of Discord: A Structural-Demographic Analysis of American History*. Chaplin, CT: Beresta Books.

Turchin P., Korotayev A. (2020) The 2010 structural-demographic forecast for the 2010–2020 decade: A retrospective assessment. *PLoS ONE*, 15(8): e0237458. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0237458>.

Turchin P., Nefedov S.A. (2009) *Secular cycles*. Princeton University Press.

Urdal H. (2001) *Population Pressure and Domestic Conflict: Assessing the Role of 'Youth Bulges' in the Onset of Conflict 1950–2000*. Paper presented at the Fourth Pan-European International Relations Conference, University of Kent (Canterbury, 8–10 Sept. 2001).

Urdal H. (2004) *The devil in the demographics: the effect of youth bulges on domestic armed conflict, 1950–2000*. Washington, DC: World Bank.

Urdal H. (2006) A clash of generations? Youth bulges and political violence. *International studies quarterly*, 50(3): 607–629.

Ustyuzhanin V., Sawyer P., Korotayev A. (2023) Students and protests: A quantitative cross-national analysis. *International Journal of Comparative Sociology*, 64(4): 375–401. <https://doi.org/10.1177/00207152221136042>.

Weber H. (2013) Demography and democracy: the impact of youth cohort size on democratic stability in the world. *Democratization*, 20(2): 335–357.

Weber H. (2019) Age structure and political violence: a re-assessment of the “youth bulge” hypothesis. *International Interactions*, 45(1): 80–112.

Wimmer A., Cederman L., Min B. (2009) Ethnic Politics and Armed Conflict: A Configurational Analysis of a New Global Data Set. *American Sociological Review*, 74(2): 316–337.

Yeaman G.H. (1861) *Revolutions*. A Lecture. Louisville.

Zhdanov A., Korotayev A. (2022) Factors of Deconsolidation of a Liberal Democratic Regime: The Case of the United States. *Clodynamics*, 13(1): 1–34. <https://doi.org/10.21237/C7clio13054207>.

QUANTITATIVE ANALYSIS OF SOCIO-DEMOGRAPHIC FACTORS OF REVOLUTIONARY DESTABILIZATION: RESULTS AND PROSPECTS¹

Andrey Korotayev^{1 2 3} (akorotayev@gmail.com),

Jamilya Musieva^{1 4} (musdjam@mail.ru),

Andrey Zhdanov^{1 5} (andreizhdanov998@gmail.com)

¹ Centre for Stability and Risk Analysis, HSE University, Moscow, Russia

² Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

³ Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

⁴ Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

⁵ Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Citation: Korotayev A., Musieva J., Zhdanov A. (2024) Kolichestvennyy analiz sotsial'no-demograficheskikh faktorov revolyutsionnoy destabilizatsii: rezul'taty i perspektivy [Quantitative analysis of socio-demographic factors of revolutionary destabilization: results and prospects]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(3): 106–145 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.3.4>. EDN: HMHOAS

Abstract. The classification of theories of revolution by generations, carried out by the American sociologist Jack Goldstone, is one of the most common ways of systematizing research in this direction. In addition to the four generations of revolution theories already rooted in the scientific discourse, a new fifth generation is being formed in

¹ The study was carried out within the framework of the HSE University Fundamental Research Program in 2024 with the support of the Russian Science Foundation (project no. 23-18-00535).

modern social science. This article presents the results of the analysis of socio-demographic factors of revolutionary destabilization, which, according to the authors, can be attributed to the works of the fifth generation of theories of revolution. Quantitative cross-national studies of socio-demographic factors of revolutionary destabilization conducted to date show that the same socio-demographic factors can have very different effects on the likelihood of armed insurgencies, on the one hand, and unarmed revolutionary uprisings, on the other. These studies show that unarmed revolutionary events are more likely in economically moderately developed countries with low infant mortality, relatively high urban populations, relatively high mean years of schooling and median age, and not very high proportion of the youth in the total adult population. On the other hand, armed insurgencies are most likely in the poorest countries with very high infant mortality, low percentages of urban populations, low mean years of schooling and median age, and very high proportions of the youth in adult population ("youth bulges"). On the other hand, such important socio-demographic indicators as high population and high socio-economic inequality increase the risks of both armed and unarmed revolutionary destabilization.

Keywords: political demography, socio-demographic factors of revolutions, causes of revolutions, quantitative analysis.

СОЦИОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИИ

СМОТРЕТЬ НЕЛЬЗЯ ИГНОРИРОВАТЬ: КАКОМУ КОНТЕНТУ (НЕ)ГОТОВЫ УДЕЛЯТЬ ВНИМАНИЕ ЛЮДИ, ИЗБЕГАЮЩИЕ НОВОСТЕЙ?¹

Анастасия Дмитриевна Казун (adkazun@hse.ru)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Россия

Цитирование: Казун А.Д. (2024) Смотреть нельзя игнорировать: какому контенту (не)готовы уделять внимание люди, избегающие новостей? *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(3): 146–167.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.3.5>. EDN: HOCDCТ

Аннотация. Многочисленные исследования избегания новостей проблематизируют данный феномен, связывая его с риском утраты информированности. Другие работы показывают, что избегание новостей редко бывает полным и может сочетаться с достаточным вниманием к информации по повестке дня. Эти два вывода необязательно противоречат друг другу, поскольку значение имеет не только объем потребления новостей, но и характер потребляемой информации. В статье проанализировано, какие новости готовы просматривать люди, избегающие новостей. Исследование основано на 44 полуструктурированных интервью с людьми, избегающими новостей, а также 23 интервью с «маятниковыми» потребителями новостей, для которых характерны регулярные переключения между интенсивным просмотром информационного контента и его избеганием. Делается вывод, что избегание новостей позиционируется как самосохранительное поведение, соответственно в первую очередь информанты отказываются от сообщений по наиболее эмоционально травмирующим темам — насилие, вооруженные конфликты, политические вопросы. Также подчеркивается нежелание потреблять новости, которые воспринимаются как предвзятые. Тем не менее информанты указывают, что они вынуждены или готовы просматривать информацию, которая необходима им для работы или обучения, нейтральные сообщения СМИ, к которым относятся новости спорта и культуры, а также легкие и развлекательные новости. Значение имеет также социальный фрейминг сообщений по повестке дня. Если близкие позиционируют новости по какой-то теме как позитивные или веселые, это может подтолкнуть человека, избегающего новостей, ознакомиться с соответствующей информацией. Развлекательный контент, о готовности потреблять который говорят информанты, имеет ограниченную инфор-

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

мационную ценность и едва ли может способствовать политическому обучению граждан, помогать формировать свою позицию и реализовывать гражданское участие. Тем не менее это не означает, что такие новости нефункциональны. Они могут становиться средством совладания с кризисом. Эскапизм в условиях невозможности повлиять на реальную ситуацию позволяет людям «отключаться» от нее и тем самым регулировать собственные эмоциональные реакции.

Ключевые слова: избегание новостей, медиапотребление, СМИ, негативные новости, эмоциональный опыт, самосохранительное поведение.

Введение

Информированность относительно текущих событий и политических процессов часто рассматривается как фундаментальная предпосылка хорошо функционирующей демократии (Carpini, Keeter 1997), поскольку развивает способность оценивать качество аргументации и действовать в собственных интересах, а также способствует вовлеченности в политическую деятельность (Carpini, Keeter 1997; Hochschild, Einstein 2016). Ответственность за поддержание осведомленности граждан по таким вопросам обычно возлагают на СМИ. Многочисленные исследования подтверждают, что медиапотребление повышает политические знания (Castro et al. 2022; Fraile, Iyengar 2014). Вместе с тем избегание новостей (news avoidance), понимаемое как попытки сократить потребление информационного контента или полностью отказаться от него, становится все более распространенным явлением. Так, в среднем в 46 исследуемых Reuters Institute странах за последние пять лет доля людей, избегающих новостей, выросла с 29 до 38 % (Newman et al. 2022).

Опрос, проведенный в октябре 2022 г., показал, что 41 % россиян стараются в той или иной степени избегать новостей, однако только 13,5 % маркируют себя как не-потребителей такого контента, указывая, что они «не смотрят, не читают и не слушают политические и экономические новости» (Радаев 2023). Таким образом, можно утверждать, что полное избегание новостей встречается реже, чем частичное. Стараясь ограничить потребление информационного контента, люди тем не менее не находятся в информационном вакууме, поддерживая уровень осведомленности, который они считают достаточным. Исследователи также отмечают, что эпизодическое избегание новостей в определенных контекстах может быть оправданным и разумным, в том числе поскольку имеет меньшие последствия для информированности, чем постоянное избегание (Toff et al. 2023). Значит ли это, что избегание новостей не несет большой угрозы для политических знаний граждан?

На первый взгляд, такое предположение выглядит разумным. Однако ряд исследований указывают, что просмотр новостей не всегда способствует обучению аудитории. С одной стороны, значение имеет тип используемого информационного ресурса. В частности, отдельные исследования показывают, что потребление новостей в социальных сетях не приводит к приросту политических знаний (Amsalem, Zoizner 2023; Lee, Xenos 2019; van Erkel, Van Aelst 2021). Кроме того, отмечается негативное влияние «перекусывания» новостями (news snacking), т.е. краткого периодического просмотра сообщений по повестке дня в основном в цифровых и мобильных СМИ, на осведомленность людей (Ohme, Mothes 2023). С другой стороны, важно качество потребляемого контента. Люди, избегающие новостей, могут отличаться от регулярных потребителей такой информации не только объемом просматриваемого контента, но и выбором тем и источников информации. При этом более широкий набор доступных достоверных новостей о текущих событиях повышает вероятность того, что граждане получают общественно-значимую информацию (Aalberg, Curran 2011). Соответственно значение имеет не только то, насколько много человек смотрит новостей, но и то, чему именно он уделяет внимание. Представление о том, какой именно информационный контент готовы потреблять люди, избегающие новостей, должно позволить сформулировать гипотезу о том, достаточна ли такая информация для поддержания информированности по основным вопросам повестки дня. Таким образом, ключевой исследовательский вопрос статьи звучит следующим образом: какие новости все же готовы просматривать люди, частично избегающие подобного контента?

Контекст избегания новостей в России

Распространение избегания новостей можно связать с возникновением медиасреды с большим выбором (high-choice media environment) (Van Aelst et al. 2017), предлагающей населению огромное количество разнообразного информационного контента (практически) в любом пространственном и темпоральном контексте. Ограничению потребления новостей могут способствовать перегрузка выбором¹ (choice overload) и избыточное количество негативной информации, которое в целом свойственно новостным выпускам (negative bias) (Andersen et al. 2024). Растущая роль неинституционализированных акторов (Макеев, Вырковский 2021), например

¹ Хотя данный термин изначально использовался для описания потребительских рынков экономистами (Chernev et al. 2015), на наш взгляд, он релевантен и для современной медиасреды.

пародийных блогов (Denisova 2017) или мемов (Порецкова, Савин 2021), производящих общественно-политический контент, делает медиасреду более разнородной, дополнительно затрудняя ориентацию в ней.

В России исследователи также говорят о цифровой трансформации информационного пространства (Vartanova et al. 2021), которая связана с новыми вызовами для общества (Вартанова 2023). Следовательно, проблеме избегания новостей можно рассматривать в контексте нашей страны. Однако этот сюжет до настоящего момента практически оставался за рамками исследовательской повестки. Можно выделить буквально пару публикаций, затрагивающих данный вопрос (Богомяткова, Попова 2021; Казун 2023). Следует отметить, что многие характерные для медиасферы тенденции, в том числе избегание новостей, проявляются наиболее ярко в кризисных ситуациях. Так, именно в контексте пандемии COVID-19 был зафиксирован рост усталости от драматических и сенсационных новостей, который способствовал избеганию соответствующей информации (Богомяткова, Попова 2021). Частота просмотра телевидения и внимание к новостям о катастрофах повышают тревогу по поводу глобальных рисков (Нестик, Задорин 2020). В частности, во время пандемии COVID-19 заметная часть россиян считала, что ситуация представляется в СМИ хуже, чем она есть (Макушева, Нестик 2020). Подобные негативные переживания, связанные с новостями, могли подталкивать россиян ограничивать потребление такого контента как в контексте коронавируса, так и во время последующих кризисов.

Таким образом, массовое избегание новостей в России следует рассматривать в контексте кризисных ситуаций и цифровизации коммуникаций, формирующей медиасреду с большим выбором. Однако действительно ли в нашей стране существует большой выбор источников новостей, учитывая внимание, которое исследователи уделяют зависимости информационных ресурсов от власти (Gehlbach 2010; Fredheim 2017)? Контроль над повесткой дня может осуществляться разнообразными способами: через создание огромного ориентированного на государство информационного потока (Kiriya 2021), самоцензуру (Schimpfoss, Yablokov 2014), блокировку информационных ресурсов и т.д. Тем не менее мы полагаем, что говорить о медиасреде с большим выбором в России все еще уместно. Во-первых, часть заблокированных ресурсов остается доступной населению, хотя получение такого доступа и требует больших усилий. Во-вторых, растущая популярность получения новостей через телеграм-каналы позволяет наращивать потребление разнообразного контента практически безгранично, что может способствовать упомянутой выше усталости от информационного потока.

Методология

Основой исследования стали 44 полуструктурированных интервью с людьми, идентифицирующими себя как избегающие новостей, а также 23 интервью с «маятниковыми» потребителями новостей, для которых характерны колебания между чрезмерным вниманием к информации по повестке дня и ее избеганием. Данные были собраны в период с 20.11.2022 по 30.03.2023, большая часть интервью проведена в Москве. Избегание новостей связано с информационной перегрузкой (Stromback 2017; Tandoc, Kim 2022), поэтому можно предположить, что оно будет более распространено в крупных городах среди активных пользователей сети Интернет. Тогда как сельские жители продолжают в значительной степени ориентироваться на телевизионные передачи (Новикова, Кирия 2013), в том числе в силу привычки (Петрова, Претер 2022).

Отбор информантов производился на основании оценки ими своего медиапотребления. Избегающими новостей мы считаем людей, которые декларируют желание и попытки сократить потребление информационного контента или полностью отказаться от него. Предыдущие исследования показывают, что объем потребления новостей (Edgerly et al. 2018; Toff, Kalogeropoulos 2020), предпочитаемые источники информации (Hormann et al. 2024) и склонность узнавать о событиях повестки дня из юмористических развлекательных передач (Salikhova, Vyugina 2022) связаны с возрастом людей. Поэтому при формировании выборки мы варьируем данный параметр. Самому младшему информанту было 18 лет, самому старшему — 81 год. Интервью были проведены с 45 женщинами, 22 мужчинами и одной небинарной персоной. Большая представленность женщин в выборке связана с тем, что мужчинам менее свойственно избегание новостей (Benesch 2012).

Для интерпретации полученных результатов будут также использованы 46 интервью с думскроллерами — людьми, которым свойственно болезненно-избыточное внимание к негативным новостям. Думскроллеры представляют собой противоположность людям, избегающим новостей, поэтому некоторые тенденции прослеживаются более явно при сравнении данных групп. Следует отметить, что отбор информантов с опорой на их самооценки потребления новостей является ограничением исследования. Так, субъективные представления о внимании к информационному контенту необязательно будут тождественны фактическому объему потребления. В частности, ранее отмечено, что люди, декларирующие избегание новостей, могут тем не менее продолжать потреблять информационный контент почти так же часто, как и те, кто не относит себя к данной груп-

пе (Palmer et al. 2023). С целью проконтролировать подобные смещения в ходе интервью информантам задавалась серия вопросов относительно регулярности и продолжительности потребления информации по повестке дня. Для большинства информантов, относящих себя к избегающим новостей, количественные оценки не противоречат самоидентификации: «Почти никогда [не смотрю новости], один раз за полгода. Это было две недели назад и то случайность» (И62, жен., 23 года) или «Может, раз в две недели [смотрю новости], когда там бабушка при мне начинает их смотреть или папа позвонит и решит рассказать» (И23, жен., 20 лет). Информанты, которые идентифицируют себя как думскроллеров, говорят о несравнимо более высоком уровне потребления информационного контента: «Примерно все время, которое я не нахожусь во сне и могу проверять новостные источники. Часов, может быть, 15» (И20, муж., 20 лет) или «Часа по 2–4 я смотрела какую-то аналитику, читала вещи какие-то. Когда что-то происходит, я прям плотно нахожусь в этом информационном поле. Часа по 2–4 реально» (И1, жен., 20 лет).

Новости, которые нужно избегать

Исследователи выделяют спектр причин избегания новостей, главными из которых являются связанные с таким контентом негативные эмоции (Mannell, Meese 2022; Toff, Nielsen 2022; Villi et al. 2022; Ytre-Arne, Moe 2021) и недоверие медиа (Aharoni et al. 2021). Эти мотивы находят отражение и в нарративах информантов. Избегание новостей в первую очередь направлено на сюжеты, вызывающие тревогу или грусть, и описывается в терминах «мне тяжело такое читать» (И12, жен., 19 лет), «они [новости] меня очень напрягают» (И23, жен., 20 лет), «это не приносит мне комфорт» (И61, жен., 22 года), «психологически давит» (И62, жен., 23 года), «вызывает неуверенность в завтрашнем дне» (И99, жен., 21 год) и т.д. Негативные эмоции приписываются сюжетам о военных действиях и насилии (И2, жен., 42 года; И12, жен., 19 лет; И26, жен., 20 лет; И61, жен., 22 года; И63, жен., 24 года; И81, жен., 81 год), а в некоторых случаях политическим новостям в целом (И37, жен., 20 лет; И43, жен., 44 года; И58, муж., 30 лет; И62, жен., 23 года; И71, жен., 20 лет; И80, муж., 48 лет; И97, жен., 31 год; И99, жен., 21 год; И102, муж., 22 года). Отказ от травмирующего контента в первую очередь позиционируется как самосохранительное поведение, направленное на поддержание эмоционального благополучия через дистанцирование от событий повестки дня.

В большинстве случаев [я избегаю новостей] по политическим темам. По темам, которые меня как-то задевают, триггерят. После

прочтения новостей на определенные темы, я начинаю чувствовать тревогу и страх. Тревожность, которую я испытываю, портит мою жизнь не в будущем, а мою жизнь сейчас, ту жизнь, которую я имею возможность прожить (И37, жен., 20 лет).

Дополнительным основанием для избегания новостей по определенным темам является убежденность в их ангажированности, манипулятивности и необъективности.

Три года назад я избегала новостей о коронавирусе. Когда-то там избегала новостей о кризисе. То, что горит, то, о чем куча споров, то, о чем не найти истины — то ты избегаешь. А люди всегда умирают, и я не буду избегать этой новости. Нельзя сказать, что я избегаю новостей по какой-то конкретной тематике, я избегаю то, чем тебе могут промыть мозг (И21, жен., 20 лет).

Кроме того, многие информанты отмечают, что стараются избегать просмотра новостей в целом (И15, жен., 22 года; И16, жен., 21 год; И40, муж., 20 лет; И50, жен., 20 лет; И52, жен., 21 год; И62, жен., 23 года; И71, жен., 20 лет; И85, муж., 20 лет; И86, муж., 32 года). Отчасти отказ от попытки тематически дифференцировать информационный контент и избегать только определенные сюжеты связан с тем, что разнообразные новости смешиваются на одних и тех же платформах. Хотя негативные эмоции вызывают отдельные темы, избегание новостей в целом проще и надежнее, поскольку позволяет снизить вероятность случайного контакта с нежелательными сюжетами. Ситуация, когда новости сами находят человека, который хотел бы их избежать, может оцениваться негативно — как утрата контроля над своим информационным потоком и невозможность обезопасить себя от травмирующих медиасообщений (Казун 2023).

Сейчас в силу специфической ситуации в мире сложно, читая новости про какую-то одну сферу, избежать новостей про те события военно-политические которые происходят, потому что так или иначе все с этим связано, и все к этому приходит. Поэтому в принципе я все новости избегаю (И50, жен., 20 лет).

Другой причиной сокращения потребления новостей в целом, независимо от темы, является попытка «экономии внимания»¹. Некоторые

¹ В современном мире рынки внимания (marketplace of attention) переполнены (Webster 2014). Именно внимание в условиях избытка информации оказывается

информанты не считают просмотр информационного контента необходимым, поскольку рассчитывают получить наиболее значимую информацию через социальные связи: «Если случится какая-то дичь, то мне об этом напишут» (И40, муж., 20 лет). Новости в этом случае делятся на «важные», которые человек узнает в любом случае, и «лишние», не имеющие особого значения, следовательно и не стоящие внимания.

Новости, которое можно посмотреть

В современном мире, избежать новостей нелегко (Edgerly 2023). Исследователи обращают внимание на случайное потребления новостей (Yadamsuren, Erdelez 2010), которое становится все более распространенным вследствие популяризации социальных сетей (Oeldorf-Hirsch 2018; Valeriani, Vaccari 2016), а также переплетения развлекательного и информационного контента, который нередко размещается на одних платформах (Boczkowski et al. 2018). Зайдя в социальную сеть или на видеохостинг, человек может невольно столкнуться с информацией, которой он хотел бы избежать. Этот эффект получил название «новости-находят-меня» (news-finds-me) (Казун 2023; Toff, Nielsen 2018; Zúñiga, Cheng 2021). Однако здесь мы планируем уделить внимание другой ситуации — добровольному и намеренному потреблению медиаконтента людьми, которые идентифицируют себя как избегающих новостей.

Можно выделить несколько типов новостей, которые информанты воспринимают как приемлемые для просмотра или заслуживающие внимания: новости, которых не избежать, нейтральные новости, «позитивные» новости.

Новости, которых не избежать

Причиной просмотра той или иной информации, даже несмотря на желание дистанцироваться от нее, может быть профессиональная необходимость. Определенные сферы деятельности предполагают, что человек должен быть в курсе событий повестки дня. Такое вынужденное внимание к новостям может быть связано с профессией информанта или образовательной программой, по которой он проходит обучение. Оценивается вынужденное потребление новостей нейтрально (как рутинное действие) или негативно (как давление извне или насилие над самим собой).

ограниченным ресурсов, за который начинают борьбу СМИ, коммерческие компании, политические деятели, и тем самым становится объектом экономики внимания (attention economy) (Pedersen et al. 2021). Соответственно отказ от новостей позволяет перераспределить свое время в пользу другого контента или каких-либо повседневных задач.

Работаю в финансовом секторе банка, и образование у меня ответственное, поэтому мне важно оставаться в экономической повестке. Я не ограничиваюсь только Россией, кредитованием, процентной ставкой. Смотрю более глубокие вещи — аналитика, послушать Зубаревич, погрузиться в экономическую повестку (И97, жен., 31 год).

[Смотрю новости] только в случае крайней необходимости, когда это связано с моей учебой, потому что я учусь на факультете Международных отношений и игнорировать происходящие в мире полностью я не могу, к сожалению (И50, жен., 20 лет).

Я себя заставляла читать новости, когда поступила в университет, потому что мне это нужно было для моей профессии. Я учусь на журналистике. Я считала, что я должна быть в курсе того, что происходит в мире, но меня никогда особо не привлекало это (И52, жен., 21 год).

Нейтральные новости

Информанты также указывают на готовность уделять внимание новостям, просмотр которых не вызывает сильных негативных эмоций, — информационные сообщения о культуре, спорте, компьютерных играх и т.д. Подобный контент воспринимается как нейтральный, соответственно его просмотр не угрожает благополучию человека. Кроме того, потребление новостей культуры и спорта может не повышать вероятность случайного столкновения с негативными новостями, которых люди стараются избегать, поскольку они часто размещаются на отдельных информационных ресурсах. Это отличает новости такого типа, например, от сообщений об экономике, которые часто соседствуют с политическими вопросами или даже обсуждаются одновременно в одних и тех же материалах.

Телевизор я включаю только в двух режимах: я либо смотрю спортивные каналы, либо телеканал «Культура», больше я ничего не смотрю, мне этого вполне достаточно (И8, муж., 67 лет).

[Могу посмотреть] какие-то новости, не касающиеся политики. Может, что-то из мира спорта, игровые новости я просматриваю, допустим, очень часто, потому что я люблю поиграть в игры (И102, муж., 22 года).

«Позитивные» новости: легкий развлекательный контент

Люди, избегающие новостей, подчеркивают, что могли бы уделить внимание позитивному информационному контенту. Однако их представления о том, какие новости являются «хорошими», отличается от предложенного исследователями ранее. В литературе к позитивным новостям относят сообщения СМИ, отражающие социальную сплоченность и кооперацию как на уровне взаимодействия между нациями, так и в отношении других социальных групп (Gieber 1955). Согласно другим исследованиям, «хорошим» будет являться сообщение СМИ о событии, которому большая часть аудитории будет рада (Hartung, Stone 1980), например о спасении или героизме (Harcup, O'Neill 2017). Информанты же, говоря о позитивных новостях, скорее подразумевают либо легкий развлекательный контент, часто не имеющий социальной значимости, либо новости, которые были фреймированы их социальным окружением как позитивные.

Привлекающие внимание информантов легкие новости разнообразны:

1. Сообщения о знаменитостях — «про Илона Маска, который купил Твиттер, я не буду себя от них [таких новостей] отгораживать, потому что они плохо на меня не повлияют — и почему бы про это не почитать?» (И26, жен., 20 лет).
2. Желтая пресса — «когда совсем тоскливо, покупаю себе “7 дней” сплетни читаю, я же с бабками на лавке не сижу. Поэтому там тоже кое-что можно почитать» (И76, жен., 61 год).
3. Новости о стиле жизни (lifestyle), например, о том, что «в Москве происходят такие веселья» (И61, жен., 22 года).
4. Забавные или позитивные происшествия — «разные новости из разряда: в зоопарке, родился новый баран или еще что-нибудь вроде этого я смотрю, это прикольно» (И62, жен., 23 года); «развлекательные новости по типу там, что кто-то где-то на пешеходном переходе отжимается, вот чтоб просто посмеяться и как-то расслабиться» (И52, жен., 21 год).

Просмотр подобных новостей сложно считать функциональным с точки зрения информирования населения для последующего гражданского участия. Развлекательные сообщения СМИ не укладываются в нормативную рамку, рассматривающую информационный контент как условие поддержания демократии. Однако они тоже могут быть полезны, если взглянуть на них с других позиций. Так, поддержание солидарности и сплоченности отчасти должно быть возможно и за счет развлекательных новостей. Люди, читающие позитивные новости о своей стране или

регионе, образуют сообщества потребления тех или иных развлекательных ресурсов, ощущая свою причастность к ним. Кроме того, подобный контент может способствовать эскапизму, позволяя людям переключить внимание с «серьезной» информации, как правило имеющей негативный уклон, и помогая поддерживать свое эмоциональное благополучие (Reinecke, Oliver 2016). Например, во время пандемии COVID-19 такой уход от реальности помогал людям в преодолении стресса (Eden et al. 2020; Wulf et al. 2022).

Следует отметить, что фокусирование внимания на легких и часто имеющих невысокое качество информационных сообщениях отличает людей, избегающих новостей, от думскроллеров, которые, напротив, предпочитают серьезный контент о наиболее острых вопросах повестки дня и иронически задаются вопросом «Не из-за Джонни Деппа же переживать, правильно?» (И67, муж., 19 лет).

Социальный фрейминг новости

Привлечение внимания людей, избегающих новостей, к событиям повестки дня часто происходит за счет их социального окружения. Даже отказываясь от просмотра медиаконтента, люди продолжают невольно сталкиваться с соответствующей информацией, когда общаются со своими близкими. Более того, межличностная коммуникация не только способствует случайному потреблению новостей, но и может создавать мотивацию — желание или осознание необходимости — самостоятельно посмотреть информацию о тех или иных событиях. В частности, решение о просмотре новостей может быть принято, «когда я не понимаю, о чем говорят люди. То есть если я рядом нахожусь на работе, они о чем-то разговаривают, а я не в курсе этих событий, то я посмотрю» (И48, жен., 26 лет). Таким образом, стремясь соответствовать социальному окружению, информанты вовлекаются в потребление информационного контента.

Другим значимым моментом является большее доверие информации, которую пересылают или озвучивают человеку, избегающему новостей, его члены семьи и друзья. Желание отказаться от новостей или сократить их просмотры в значительной степени связано с их восприятием как недостоверных и предвзятых. В социальных взаимодействиях низкое институциональное доверие СМИ может замещаться более высоким межличностным доверием. Сомневаясь в объективности информационных ресурсов, человек тем не менее может доверять своим близким. Поэтому новости, получаемые в межличностной коммуникации, будут восприниматься как более полезные.

Я доверяю. Абсолютно доверяю тому, что, ну, говорят мои родители, какие у них источники в отношении политики. <...> Не то чтобы я все слова своих родителей воспринимаю как какую-то истину, но в отношении политики я знаю, что я могу полагаться на то, что они мне говорят, могу этому доверять. А вот друзьям, например, я не настолько доверяю, я могу перепроверить, но все равно высокая степень доверия (И77, жен., 20 лет).

Однако роль социального окружения в поддержании информированности людей, избегающих новостей, не исчерпывается привлечением внимания и повышением доверия к такому контенту. В ходе межличностной коммуникации также происходит фреймирование тех или иных событий. Избегание новостей, как правило, связывают с вызываемыми ими негативными эмоциями. В этой связи логично, что частичное избегание предполагает отказ от негативного контента, но оставляет возможности для просмотра позитивного. Именно социальное окружение может задавать рамку интерпретации различных новостей, посылая сигналы, что какие-то новости являются «хорошими», а значит безопасны для настроения избегающего. Наглядно иллюстрирует роль социального фреймирования новостей рассказ двух информантов о том, как они ознакомились с новостью о прилете Н. Пелоси в Тайвань. Оба информанта указывают, что на момент интервью это одно из последних событий, о котором они потребляли информацию добровольно и сознательно, а не вынужденно или случайно. Одна из информантов — Ксения — воспринимала описываемые события позитивно.

Инт.: А у тебя когда-нибудь возникал искренний интерес к политике или экономике?

Ксения: Ну вообще да, наверное. Например, когда какая-то женщина, как ее звали, приземлялась в Тайване. Мне было очень интересно, что произойдет. Тогда я чекала новости. <...> Мне подружка написала, что такая смешная ситуация [происходит — автор]. Она ее преподнесла с позитивным настроем, не просто, что сейчас начнется страшная ситуация. Просто женщина приземляется на самолете, и это имеет политическое значение.

Инт.: У тебя в итоге это вызвало какую реакцию?

Ксения: Скорее интерес. Мне было интересно, что произойдет. Ничего, по сути, не произошло, кроме обострения ситуации.

Инт.: А если бы подружка написала это в другом тоне, негативном? Ты бы стала смотреть?

Ксения: Нет-нет. Если бы она написала, что, если она приземлится и начнется еще одна какая-то заварушка, я бы не смотрела (И32, жен., 21 год).

Тогда как другой информант — Андрей — испытывал беспокойство относительно происходящего:

И еще в августе, по-моему, в начальных там числах, там помнишь прилетала из Америки в Китай какая-то особа важная, которая... А! В Тайвань. Вот. И там китайские власти что-то ее пропускать не хотели, угрожали <...> [Меня] друг в курс ввел. Я просто заинтересовался, что там у них происходит. И звучало тревожно это все, поэтому, поэтому я тоже сам смотрел тогда (И85, муж., 20 лет).

Подобное описание опыта обращения к сообщениям по одной и той же теме позволяет сделать несколько выводов об особенностях медиапотребления людей, избегающих новостей. Прежде всего, рассказы информантов подтверждают роль социального окружения в привлечении внимания к событиям повестки дня. Классическая работа П. Лазарсфельда и Э. Катца о двухступенчатой модели коммуникации сохраняет актуальность (Katz, Lazarsfeld 1966) и в современном мире. Люди, избегающие новостей, не заинтересованы в потреблении такого контента, однако лидеры мнений из их окружения могут подтолкнуть их проявить внимание к отдельным сюжетам повестки. Мы видим, что оба информанта заинтересовались визитом Пелоси в Тайвань после рекомендации друзей.

Второй важный вывод, который может быть сделан на основании данного кейса, состоит в том, что фреймирование событий социальным окружением имеет значение для привлечения внимания к новостям. Информанты испытывали разные эмоции, просматривая новости на данную тему. При этом эмоции не были связаны ни с объективными характеристиками ситуации, ни с ее медиафреймированием. Существует множество исследований влияния расстановки акцентов и тона освещения событий в СМИ на их восприятие и поведение аудитории (Gallagher, Updegraff 2012; Valentino et al. 2001). Однако в данном случае информанты скорее связывают свои оценки с тем, как новости были поданы в межличностной коммуникации. Ксения даже указывает, что не стала бы уделять внимание данной теме, если бы ее подруга осветила ее с негативной точки зрения.

Наконец, следует отметить, что хотя указанный кейс описывается информантами как заинтересовавший их, глубина погружения в новостной контекст невелика. Информанты не помнят имена и должности действующих лиц и причины события (зачем Пелоси летела в Тайвань? В чем

была причина конфликта?). Таким образом, внимание к новости оставалось поверхностным, детальный разбор ситуации не предпринимается.

Заключение

Избегание новостей необязательно означает полный отказ от такого рода контента. Важным оказывается ограничение потребления травмирующей информации — сообщений, которые провоцируют тревогу, состояние неопределенности и другие негативные эмоции. К данной категории информанты в первую очередь относят новости о насилии или же политическую информацию в целом. Вместе с тем люди, избегающие новостей, готовы потреблять нейтральную информацию о спортивных и культурных событиях, а также «позитивный» информационный контент, к которому относят развлекательные или даже «желтые» сообщения СМИ. Кроме того, они могут быть вынуждены просматривать некоторое количество информационного контента в силу своей профессии или программы обучения. При этом необходимость потребления сообщений СМИ может восприниматься как привычное рутинное действие или же вызывать негативные эмоции.

Интервью также демонстрируют роль социального окружения в медиапотреблении информантов. Так, новости могут оцениваться как «хорошие» в случае соответствующего фреймирования близкими. Под позитивными новостями здесь понимаются не объективно радостные сообщения (например, о достижениях, успешных переговорах, исцелении), не материалы, акцентирующие положительные стороны ситуации, а то, что было подано таким образом другими людьми. Кроме того, социальное окружение может провоцировать людей просматривать основные новости, конструируя своего рода нормы медиапотребления, а также формировать доверие к тем или иным источникам информации.

Приемлемые или желательные для людей, избегающих новостей, типы информационного контента едва ли будут способствовать политическому обучению граждан. Однако это необязательно указывает на дисфункциональность избегания новостей и внимания к легкому и развлекательному контенту. Прежде всего избегание новостей является способом поддержания эмоционального благополучия (Mannell, Meese 2022) и позволяет людям оградиться от негативных эффектов современной медиасреды, например информационной перегрузки (information overload) (Eppler, Mengis 2004) и неспособности действовать и принимать решения в условиях избытка информации (analysis paralysis) (Tandoc, Kim 2022). В условиях кризиса потребление легких и развлекательных новостей может интерпретироваться как копинговая стратегия (Anderson et al. 1996).

Сталкиваясь с негативной ситуацией, на которую они не могут повлиять, люди вынуждены справляться с ней через регулирование собственных эмоциональных реакций, в том числе через эскапизм посредством медиапотребления, который может состоять в просмотре легких и развлекательных новостей или новостного контента (например, сериалов) (Zillmann 1988; Perks 2019).

В статье не рассматриваются реальные и потенциальные последствия распространения избегания новостей. Поэтому мы не можем говорить о необходимости «исправлять» ситуацию, вовлекая людей, избегающих новостей, в информационный поток. Такой подход представляется чрезмерно нормативным и непродуктивным для использования. В литературе избегание новостей преимущественно рассматривается как угроза демократии. Однако данный вопрос не изучался в недемократических государствах, где информированность населения, вероятно, играет меньшую роль. Возможно, избегание новостей не следует проблематизировать, по крайней мере в некоторых контекстах.

Впрочем, исходя из рассуждений информантов о том, какие новости они (не)готовы просматривать, можно сделать вывод о некотором потенциале вовлечения людей, избегающих новостей, в повестку дня через легкие новости (*soft news*) или юмористический контент. Роль подобных источников информации ранее была продемонстрирована для молодых россиян (Salikhova, Vyugina 2022). Однако другие работы указывают, что этого может быть недостаточно (Toff et al. 2023), так как иная подача новостей необязательно подтолкнет людей к изменению сформовавшихся убеждений и привычек. Особенно если соответствующие практики достаточно комфортны для пользователей (Coleman 2013). Отчасти в пользу данного предположения говорит тот факт, что, просмотрев под влиянием социального окружения новости о визите Н. Пелоси в Тайвань, люди, избегающие новостей, тем не менее не сформировали глубокого и детального представления о данном событии и не увеличили потребление новостей в дальнейшем.

Литература/References

Богомягкова Е.С., Попова Е.Е. (2021) «Усталость сострадать» в практиках медиапотребления (на примере отношения к проблематизации распространения COVID-19). *Социологические исследования*, 6: 46–56. <https://doi.org/10.31857/S013216250012269-8>.

Bogomyagkova E.S., Popova E.E. (2021) «Ustalost' sostradat'» v praktikakh mediapotrebleniya (na primere otnosheniya k problematizatsii rasprostraneniya COVID-19) [“Fatigue of compassion” in media consumption practices (based on

attitudes towards the problematization of the spread of COVID–19)]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological studies], 6: 46–56. <https://doi.org/10.31857/S013216250012269-8> (in Russian).

Вартанова Е.Л. (2023) «Пересборка» медиа: актуальные процессы трансформации в условиях цифровизации. *Меди@льманах*, 3: 8–17.

Vartanova Ye.L. (2023) «Peresborka» media: aktual'nyye protsessy transformatsii v usloviyakh tsifrovizatsii [“Reassembling” media: current transformation processes in the context of digitalization]. *Medi@lmanakh*, 3: 8–17 (in Russian).

Казун А.Д. (2023) «Они все равно меня находят»: медиапотребление людей, избегающих новостей. *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*, 3: 3–25.

Kazun A.D. (2023) «Oni vse ravno menya nakhodyat»: mediapotrebleniye lyudey, izbegayushchikh novostey [“They still find me”: media consumption of people who avoid the news]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika* [Moscow University Bulletin. Series 10: Journalism], 3: 3–25 (in Russian).

Макеенко М.И., Вырковский А.В. (2021) Возможности влияния неинституционализированных производителей развлекательного и познавательного контента на аудиторию. *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*, 5: 74–99. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.5.2021.7499>.

Makeenko M.I., Vyrkovskiy A.V. (2021) Vozmozhnosti vliyaniya neinstitutsionalizirovannykh proizvoditeley razvlekatel'nogo i poznatel'nogo kontenta na auditoriyu [The Possibilities of Influence of Non-Institutionalized Producers of Entertainment and Educational Content on the Audience]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika* [Moscow University Bulletin. Series 10: Journalism], 5: 74–99. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.5.2021.7499> (in Russian).

Макушева М.О., Нестик Т.А. (2020) Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 6: 427–447. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1770>.

Makusheva M.O., Nestik T.A. (2020) Sotsial'no-psikhologicheskiye predposylki i efekty doveriya sotsial'nyim institutam v usloviyakh pandemii [Socio-Psychological Prerequisites and Effects of Trust in Social Institutions during a Pandemic]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 6: 427–447. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1770> (in Russian).

Нестик Т.А., Задорин И.В. (2020) Отношение россиян к глобальным рискам: социально-демографические и психологические факторы восприятия угроз. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 5: 4–28. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1700>.

Nestik T.A., Zadorin I.V. (2020) Otnosheniye rossiyan k global'nyim riskam: sotsial'no-demograficheskiye i psikhologicheskiye faktory vospriyatiya ugroz [Russians' Attitudes to Global Risks: Socio-Demographic and Psychological Factors of

Threat Perception]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 5: 4–28. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1700> (in Russian).

Новикова А.А., Кирия И.В. (2013) Депрессивное медиапотребление (исследование телевизионных предпочтений сельских жителей). Часть 2. *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*, 6: 154–167.

Novikova A.A., Kiriya I.V. (2013) Depressivnoye mediapotrebleniye (issledovaniye televizionnykh predpochteniy sel'skikh zhiteley) [Depressive Media Consumption (a Study of Television Preferences of Rural Residents)]. Chast' 2. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika* [Moscow University Bulletin. Series 10: Journalism], 6: 154–167 (in Russian).

Петрова Е.В., Претер В.П. (2022) Советский телезритель в постсоветское время: портрет в сельской среде. *Антропологический форум*, 54: 11–36.

Petrova E.V., Preter V.P. (2022) Sovetskiy telezritel' v postsovetsoye vremya: portret v sel'skoy srede [Soviet TV Viewer in the Post-Soviet Period: A Portrait in the Rural Environment]. *Antropologicheskiy forum* [Anthropological Forum], 54: 11–36 (in Russian).

Порецкова А.А., Савин Н.Ю. (2021) Мемы как инструмент консолидации протестного движения (на примере коротких видео социальной сети TikTok). *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 6: 76–96.

Poretskova A.A., Savin N.Y. (2021) Memy kak instrument konsolidatsii protestnogo dvizheniya (na primere korotkikh video sotsial'noy seti TikTok) [Memes as a Tool for Consolidating the Protest Movement (Based on Short Videos from the TikTok Social Network)]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 6: 76–96 (in Russian).

Радаев В.В. (ред.) (2023) *Как россияне справляются с новым кризисом: Социально-экономические практики населения*. Научные доклады факультета социальных наук НИУ ВШЭ, 1(1).

Radaev V.V. (ed.) (2023) *Kak rossiyanе справlyayutsya s novym krizisom: Sotsial'no-ekonomicheskiye praktiki naseleniya* [How Russians cope with the new crisis: Socio-economic practices of the population]. *Nauchnyye doklady fakul'teta sotsial'nykh nauk NIU VSHE* [Scientific reports of the Faculty of Social Sciences of the National Research University Higher School of Economics], 1(1) (in Russian).

Aalberg T., Curran J. (eds.) (2011) *How Media Inform Democracy: A Comparative Approach*. L.: Routledge.

Aharoni T., Kligler-Vilenchik N., Tenenboim-Weinblatt K. (2021) “Be Less of a Slave to the News”: A Texto-Material Perspective on News Avoidance among Young Adults. *Journalism Studies*, 22(1): 42–59. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2020.1852885>.

Amsalem E., Zoizner A. (2023) Do people learn about politics on social media? A meta-analysis of 76 studies. *Journal of Communication*, 73(1): 3–13. <https://doi.org/10.1093/joc/jqac034>.

Andersen K., Djerf-Pierre M., Shehata A. (2024) The Scary World Syndrome: News Orientations, Negativity Bias, and the Cultivation of Anxiety. *Mass Communication and Society*. <https://doi.org/10.1080/15205436.2023.2297829>.

Anderson D.R., Collins P.A., Schmitt K.L., Jacobvitz R.S. (1996) Stressful Life Events and Television Viewing. *Communication Research*, 23(3): 243–260. <https://doi.org/10.1177/009365096023003001>.

Benesch C. (2012) An Empirical Analysis of the Gender Gap in News Consumption. *Journal of Media Economics*, 25(3): 147–167. <https://doi.org/10.1080/08997764.2012.700976>.

Boczkowski P.J., Mitchelstein E., Matassi M. (2018) “News comes across when I’m in a moment of leisure”: Understanding the practices of incidental news consumption on social media. *New Media & Society*, 20(10): 3523–3539. <https://doi.org/10.1177/1461444817750396>.

Carpini M.X.D., Keeter S. (1997) *What Americans Know about Politics and Why It Matters*. New Haven: Yale University Press.

Castro L., Strömbäck J., Esser F., Van Aelst P., de Vreese C., Aalberg T., Cardenal A.S., Corbu N., Hopmann D.N., Koc-Michalska K., Matthes J., Schemer C., Sheaffer T., Splendore S., Stanyer J., Stępińska A., Štětka V., Theocharis Y. (2022) Navigating High-Choice European Political Information Environments: A Comparative Analysis of News User Profiles and Political Knowledge. *The International Journal of Press/Politics*, 27(4): 827–859. <https://doi.org/10.1177/19401612211012572>.

Chernev A., Böckenholt U., Goodman J. (2015) Choice overload: A conceptual review and meta-analysis. *Journal of Consumer Psychology*, 25(2): 333–358. <https://doi.org/10.1016/j.jcps.2014.08.002>.

Coleman S. (2013) *How Voters Feel*. Cambridge: Cambridge University Press.

Denisova A. (2017) Parody Microbloggers as Chroniclers and Commentators on Russian Political Reality. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, 25(1): 23–41.

Eden A.L., Johnson B.K., Reinecke L., Grady S.M. (2020) Media for Coping During COVID-19 Social Distancing: Stress, Anxiety, and Psychological Well-Being. *Frontiers in Psychology*, 11. <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2020.577639>.

Edgerly S. (2023) Avoiding News is Hard Work, or is it? A Closer Look at the Work of News Avoidance among Frequent and Infrequent Consumers of News. *Journalism Studies*. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2023.2293834>.

Edgerly S., Vraga E. K., Bode L., Thorson K., Thorson E. (2018) New Media, New Relationship to Participation? A Closer Look at Youth News Repertoires and Political Participation. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 95(1): 192–212. <https://doi.org/10.1177/1077699017706928>.

Eppler M.J., Mengis J. (2004) The Concept of Information Overload: A Review of Literature from Organization Science, Accounting, Marketing, MIS, and Related Disciplines. *The Information Society*, 20(5): 325–344. <https://doi.org/10.1080/01972240490507974>.

Fraile M., Iyengar S. (2014) Not All News Sources Are Equally Informative: A Cross-National Analysis of Political Knowledge in Europe. *The International Journal of Press/Politics*, 19(3): 275–294. <https://doi.org/10.1177/1940161214528993>.

Fredheim R. (2017) The Loyal Editor Effect: Russian Online Journalism after Independence. *Post-Soviet Affairs*, 33(1): 34–48.

Gallagher K.M., Updegraff J.A. (2012) Health Message Framing Effects on Attitudes, Intentions, and Behavior: A Meta-analytic Review. *Annals of Behavioral Medicine*, 43(1): 101–116. <https://doi.org/10.1007/s12160-011-9308-7>.

Gehlbach S. (2010) Reflections on Putin and the Media. *Post-Soviet Affairs*, 26(1): 77–87.

Gieber W. (1955) Do Newspapers Overplay ‘Negative’ News? *Journalism Quarterly*, 32(3): 311–318. <https://doi.org/10.1177/107769905503200305>.

Harcup T., O’Neill D. (2017) What is News? *Journalism Studies*, 18(12): 1470–1488. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2016.1150193>.

Hartung B.W., Stone G. (1980) Time to Stop Singing the “Bad News” Blues. *Newspaper Research Journal*, 1(2): 19–26. <https://doi.org/10.1177/073953298000100204>.

Hochschild J.L., Einstein K.L. (2016) *Do Facts Matter? Information and Misinformation in American Politics*. University of Oklahoma Press.

Hopmann D. N., Stępińska A., Stanyer J., Halagiera D., Terren L., Gehle L., Meltzer C.E., Buturoiu R., Corbu N., Cardenal A.S., Schemer C. (2024) A Qualitative Examination of (Political) Media Diets Across Age Cohorts in Five Countries. *Communications*. <https://doi.org/10.1515/commun-2023-0014>.

Katz E., Lazarsfeld P.F. (1966) *Personal Influence, the Part Played by People in the Flow of Mass Communications*. Piscataway, NJ: Transaction Publishers.

Kiriya I. (2021) From “Troll Factories” to “Littering the Information Space”: Control Strategies Over the Russian Internet. *Media and Communication*, 9(4): 16–26.

Lee S., Xenos M. (2019) Social distraction? Social media use and political knowledge in two U.S. Presidential elections. *Computers in Human Behavior*, 90: 18–25. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2018.08.006>.

Mannell K., Meese J. (2022) From Doom-Scrolling to News Avoidance: Limiting News as a Wellbeing Strategy During COVID Lockdown. *Journalism Studies*, 23(3): 302–319. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2021.2021105>.

Newman N., Fletcher R., Robertson C.T., Eddy K., Nielsen R.K. (2022) *Reuters Institute Digital News Report 2022*.

Oeldorf-Hirsch A. (2018) The Role of Engagement in Learning from Active and Incidental News Exposure on Social Media. *Mass Communication and Society*, 21(2): 225–247. <https://doi.org/10.1080/15205436.2017.1384022>.

Ohme J., Mothes C. (2023) News snacking and political learning: Changing opportunity structures of digital platform news use and political knowledge. *Journal of Information Technology & Politics*. <https://doi.org/10.1080/19331681.2023.2193579>.

Palmer R., Toff B., Nielsen R.K. (2023) Examining Assumptions Around How News Avoidance Gets Defined. The Importance of Overall News Consumption, Intention, and Structural Inequalities. *Journalism Studies*, 24(6): 697–714.

Pedersen M.A., Albris K., Seaver N. (2021) The Political Economy of Attention. *Annual Review of Anthropology*, 50(1): 309–325. <https://doi.org/10.1146/annurev-anthro-101819-110356>.

Perks L.G. (2019) Media Marathonning and Health Coping. *Communication Studies*, 70(1): 19–35. <https://doi.org/10.1080/10510974.2018.1519837>.

Reinecke L., Oliver M.B. (Eds). (2016) *The Routledge Handbook of Media Use and Well-Being: International Perspectives on Theory and Research on Positive Media Effects*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315714752>.

Salikhova E.A., Vyugina D.M. (2022) Emotions as Key to Russian GenZs' Consumption of Political News. *Psychology in Russia: State of the Art*, 15(2): 32–52. <https://doi.org/10.11621/pir.2022.0203>.

Schimpfoss E., Yablokov I. (2014) Coercion or conformism? Censorship and self-censorship among Russian media personalities and reporters in the 2010s. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, 22(2): 295–312.

Stromback J. (2017) News Seekers, News Avoiders, and the Mobilizing Effects of Election Campaigns: Comparing Election Campaigns for the National and the European Parliaments. *International Journal of Communication*, 11: 237–258.

Tandoc E.C., Jr., Kim H.K. (2022) Avoiding real news, believing in fake news? Investigating pathways from information overload to misbelief. *Journalism*. <https://doi.org/10.1177/14648849221090744>.

Toff B., Kalogeropoulos A. (2020) All the News That's Fit to Ignore: How the Information Environment Does and Does Not Shape News Avoidance. *Public Opinion Quarterly*, 84(S1): 366–390. <https://doi.org/10.1093/poq/nfaa016>.

Toff B., Nielsen R. K. (2018) “I Just Google It”: Folk Theories of Distributed Discovery. *Journal of Communication*, 68(3): 636–657. <https://doi.org/10.1093/joc/jqy009>.

Toff B., Nielsen R.K. (2022) How News Feels: Anticipated Anxiety as a Factor in News Avoidance and a Barrier to Political Engagement. *Political Communication*, 39(6): 697–714. <https://doi.org/10.1080/10584609.2022.2123073>.

Toff B., Palmer R., Nielsen R.K. (2023) *Avoiding the News: Reluctant Audiences for Journalism*. New York: Columbia University Press.

Valentino N.A., Buhr T.A., Beckmann M.N. (2001) When the Frame is the Game: Revisiting the Impact of “Strategic” Campaign Coverage on Citizens' Information Retention. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 78(1): 93–112. <https://doi.org/10.1177/107769900107800107>.

Valeriani A., Vaccari C. (2016) Accidental exposure to politics on social media as online participation equalizer in Germany, Italy, and the United Kingdom. *New Media & Society*, 18(9): 1857–1874. <https://doi.org/10.1177/1461444815616223>.

van Erkel P.F.A., Van Aelst P. (2021) Why Don't We Learn from Social Media? Studying Effects of and Mechanisms behind Social Media News Use on General Surveillance Political Knowledge. *Political Communication*, 38(4): 407–425. <https://doi.org/10.1080/10584609.2020.1784328>.

Vartanova E., Vyrkovsky A., Vyugina D. (2021) Online Strategies of the Largest Broadcasters in the Times of Uncertainty. The Case of Russia. *JMM. International Journal on Media Management*, 23(3–4): 289–313. <https://doi.org/10.1080/14241277.2021.2002868>.

Villi M., Aharoni T., Tenenboim-Weinblatt K., Boczkowski P.J., Hayashi K., Mitchelstein E., Tanaka A., Kligler-Vilenchik N. (2022) Taking a Break from News: A Five-nation Study of News Avoidance in the Digital Era. *Digital Journalism*, 10(1): 148–164. <https://doi.org/10.1080/21670811.2021.1904266>.

Webster J.G. (2014) *The Marketplace of Attention: How Audiences Take Shape in a Digital Age*. Massachusetts: MIT Press.

Wulf T., Breuer J.S., Schmitt J.B. (2022) Escaping the pandemic present: The relationship between nostalgic media use, escapism, and well-being during the COVID-19 pandemic. *Psychology of Popular Media*, 11: 258–265. <https://doi.org/10.1037/ppm0000357>.

Yadamsuren B., Erdelez S. (2010) Incidental Exposure to Online News. *Proceedings of the American Society for Information Science and Technology*, 47: 1–8. <https://doi.org/10.1002/meet.14504701237>.

Ytre-Arne B., Moe H. (2021) Doomscrolling, Monitoring and Avoiding: News Use in COVID-19 Pandemic Lockdown. *Journalism Studies*, 22(13): 1739–1755. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2021.1952475>.

Zúñiga H.G. de, Cheng Z. (2021) Origin and evolution of the News Finds Me perception: Review of theory and effects. *Profesional de La Información*, 30(3): Article 3. <https://doi.org/10.3145/epi.2021.may.21>.

Zillmann D. (1988) Mood management through communication choices. *American Behavioral Scientist*, 31(3): 327–341. <https://doi.org/10.1177/000276488031003005>.

TO WATCH OR TO IGNORE: WHAT KIND OF CONTENT ARE NEWS AVOIDERS (UN)READY TO CONSUME?¹

Anastasia Kazun (adkazun@hse.ru)

HSE University, Moscow, Russia

Citation: Kazun A. (2024) Smotret' nel'zya ignorirovat': kakomu kontentu (ne)gotovy udelyat' vnimaniye lyudi, izbegayushchiye novostey? [To Watch or to Ignore: What kind of content are news avoiders (un)ready to consume?]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(3): 146–167 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.3.5>. EDN: HOCDC

Abstract. This study is based on 44 semi-structured interviews with news avoiders, as well as 23 interviews with “news oscillators” — news consumers characterized by regular switches between intensive news consumption and avoidance. The findings indicate that news avoidance is positioned as a self-preservation behavior, primarily manifested through the refusal to engage with emotionally distressing topics such as violence, armed conflicts, and general political issues. Additionally, there is a reluctance to consume news perceived as biased. However, participants mentioned their willingness or obligation to consume information necessary for work or education, including neutral media coverage, sports and cultural news, as well as light and entertaining news. The social framing of agenda-setting messages also plays a significant role. If close acquaintances portray news on a particular topic as positive or enjoyable, it can encourage news avoiders to familiarize themselves with the relevant information. Nevertheless, the limited informational value of the entertainment content, which participants express readiness to consume, is unlikely to contribute to political education, shaping personal opinions, or fostering civic engagement. However, this does not imply that such news lacks functionality. It can serve as a coping mechanism during crises, allowing individuals to “disconnect” from situations beyond their influence and thereby regulate their emotional reactions.

Keywords: news avoidance, media consumption, mass media, negative news, emotional experience, self-preservation behavior.

¹ The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ФРЕЙМЫ: АНАЛИЗ ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКОГО ОПЫТА¹

Елена Сергеевна Богомякова (e.bogomyagkova@spbu.ru),
Элина Юрьевна Харманская

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Богомякова Е.С., Харманская Э.Ю. (2024) Социальные сети как фреймы: анализ пользовательского опыта. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(3): 168–195. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.3.6>. EDN: HWJTVS

Аннотация. Статья содержит результаты эмпирического исследования, реализованного в 2023 г. методом полуструктурированного интервью (N=11) и направленного на выявление особенностей использования социальных сетей современными молодыми людьми. В то время как основные дискуссии ведутся вокруг различий между онлайн- и офлайн-коммуникацией, вариативность пользовательского опыта на разных интернет-ресурсах гораздо реже попадает в фокус внимания исследователей. В настоящей статье с опорой на результаты эмпирического исследования и концепцию фреймов И. Гофмана социальные сети рассматриваются как специфические контексты, создающие границы возможного, допустимого, желательного поведения пользователей в них. В результате анализа эмпирического материала описаны различия в обращении пользователей к трем социальным сетям — «ВКонтакте», Telegram и Instagram². Сформулированы аналитические категории — основные критерии, которые лежат в основании воспринимаемых пользователями различий, — коммуникация, аудитория, контент и основные цели использования социальной сети. Дана трактовка растущей популярности сети Telegram в контексте концепций социальных изменений. Фрейм Telegram делает коммуникацию в этой сети похожей на межличностное взаимодействие лицом к лицу, что отражает растущий запрос на приватность в Интернете и соответствует тренду поствиртуализации. Таким образом, социальные сети выступают разными ситуациями взаимодействия — фреймами, смысл происходящего в которых распознается пользователями, а дальнейшая активность организуется в соответствии с этим смыслом.

Ключевые слова: социальные сети, коммуникация, онлайн-взаимодействие, фреймы, концепция фреймов, И. Гофман, интервью.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 21-18-00125.

² Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

Введение

Сегодня обращение к Интернету превращается в рутину современного человека. Использование «цифры» настолько прочно вплетено в повседневность, что далеко не всегда осознается самими пользователями. Согласно данным ВЦИОМ, по состоянию на май 2023 г., 74 % россиян пользуются Интернетом ежедневно, и треть из них проводит в виртуальной реальности более четырех часов в день (Пользование Интернетом 2023). Несмотря на то что перечень возможных активностей в Сети неуклонно расширяется, основными остаются развлечения и общение (Жизнь онлайн 2020). Для этих целей привлекаются многочисленные онлайн-площадки (например, мессенджеры, форумы и др.), однако наиболее популярными являются социальные сети. Так, среднесуточная аудитория «ВКонтакте» составляет 44 % всего населения России, Telegram охватывает 41 % (Аудитория Telegram 2023). В то время как популярность одних онлайн-ресурсов угасает, привлекательность других только растет, и сегодня пользователи имеют аккаунты сразу в нескольких социальных сетях, активно потребляя и размещая контент, нередко присутствуя на разных площадках одновременно и свободно перемещаясь между ними. Интуитивно понятно, что коммуникативный опыт, приобретаемый на различных интернет-ресурсах, неодинаков, однако остается неясным, каким образом осуществляется выбор в пользу одного или другого и как принимается решение о том или ином формате взаимодействия. Где, например, уместно обсуждать романтические отношения, а где это вызовет удивление у других пользователей. Несмотря на то что сегодня интернет-исследования представляют собой наиболее обширное поле приложения социологического воображения, нередко основные дискуссии разворачиваются вокруг дихотомии «офлайн — онлайн» и обоснования специфики последней. Вариативность онлайн-коммуникации в социальных сетях нечасто попадает в фокус внимания исследователей. Однако сегодня вопрос может быть сформулирован следующим образом: являются ли социальные сети разными ситуациями взаимодействия, смысл происходящего в которых распознается пользователями, а дальнейшая активность организуется в соответствии с этим смыслом? Если различия существуют, то в чем они выражаются? Цель статьи заключается в описании на основе результатов эмпирического исследования разницы в коммуникации пользователей в различных социальных сетях. Обратившись к концепции фреймов И. Гофмана, мы предложим социологическое объяснение сложившейся ситуации.

Теоретическая рамка

В рамках исследования мы стремились рассмотреть социальную сеть как фрейм, т.е. специфическую ситуацию взаимодействия, особенности которой дают возможность пользователям распознавать смысл происходящего и действовать в соответствии с ним. Концепт фрейма был предложен И. Гофманом для описания устойчивых, регулярных, повторяющихся повседневных ситуаций взаимодействия — порядков взаимодействия (Goffman 1974; Гофман 2003). По мнению ученого, социальная реальность не конструируется непрерывно и спонтанно значениями, которые участники коммуникации приписывают происходящему и другим акторам. Напротив, она структурирована фреймами — рамками интерпретации, смысл которых принадлежит не столько взаимодействующим, сколько самой ситуации или контексту, складывающемуся в конкретном месте и в конкретное время. Несмотря на то что акторы первоначально активно участвуют в упорядочении социальной реальности, однажды установив порядок, они продолжают воспроизводить и поддерживать его механически и нерелексивно (Goffman 1974). Таким образом, индивиды не конструируют смысл ситуации каждый раз, а ориентируются на существующие значения. Чтобы быть понятым, следует верно распознать этот смысл и действовать соответствующим образом. Ложная трактовка может привести к непониманию и разрыву в коммуникации. Теорема Гофмана в противовес теореме Томаса могла бы гласить: «Попробуйте определить ситуацию неверно, и она определит вас» (Батыгин 2002: 5). В итоге понятие фрейма отсылает нас к описанию социальных структур, организующих повседневное взаимодействие и «форматирующих» активность индивидов. Маркерами ситуации могут выступать материальные атрибуты человеческой деятельности. Реальность «реквизита» (equipment) и его независимость от участников взаимодействия придает «ситуации объективный смысл, а вернее возможность такого смысла, независимого от действий индивидов» (Вахштайн 2011: 86). Таким образом, интерес представляет не то, как конструируется смысл ситуации, а то, как он считается и воспроизводится.

Однако применение концепции фреймов, понятийный аппарат которой был разработан И. Гофманом для изучения взаимодействия лицом к лицу (Goffman 1974; Гофман 2003), выглядит проблематичным для описания и объяснения коммуникации в Интернете. Один из ключевых вопросов заключается в том, возможно ли говорить о «ситуации» в Интернете.

Коммуникация в Сети принципиально отличается от таковой лицом к лицу. Во-первых, она асинхронна (Колозарики, Макушева 2018: 7). Час-

тично данное ограничение преодолевается возможностью общения онлайн — в режиме реального времени, когда все участники подключаются одновременно (Трегубова 2020: 412). Во-вторых, спектр вариантов взаимодействия в Интернете существенно расширяется. Такая коммуникация может происходить в формате обмена сообщениями (как текстовыми, так и аудиовизуальными), беседы в ситуации соприсутствия, размещения различного контента, предполагающего реакцию других в виде лайков, репостов и др. Например, интернет-платформы нередко бывают наполнены негативными комментариями и могут содержать оскорбительные выражения и даже угрозы. Обратную связь подобного рода сложно себе представить в повседневном взаимодействии офлайн. В-третьих, роль «реквизита», материальной среды, обеспечивающей адекватное понимание ситуации взаимодействия и создающей рамки для потенциально возможных действий, в Интернете выполняют аффордансы цифровых платформ. Согласно концепции полимедиа, под аффордансами понимается пользовательская интерпретация различных свойств одних медиа как преимущественных на фоне других (Madianou, Miller 2012: 180). Таким образом, использование интернет-ресурсов обусловлено не только целью коммуникации, но и аффордансами. В-четвертых, общение в Интернете предполагает иное понимание открытости и прозрачности (Floridi 2014: 42). В то время как социальные сети переполнены фотографиями сенситивного содержания, доступными взгляду любого пользователя, встреча знакомого в реальной жизни в тех образах, в которых мы можем наблюдать его в сети Instagram, оказалась бы по меньшей мере странной. В-пятых, отдельного обсуждения заслуживает и спорная интерпретация Интернета как пространства. Одним из возможных решений в данном случае оказывается следующее: «Хотя компьютерно-опосредованные социальные пространства не имеют буквальной физической сущности, они могут восприниматься как имеющие измерение, как значимые, структурированные места, где происходят события, имеющие реальные последствия. В таком понимании Интернет — это не столько протез для органов чувств, сколько отдельная среда, в которой “я” может взаимодействовать, двигаться, путешествовать и существовать. Концептуализированный как пространство, Интернет развивает архитектуру, границы и многочисленные точки входа и выхода» (Markham 2003: 8). В результате границы взаимодействия могут интерпретироваться как границы между сообществами и группами общающихся, границы между различными интернет-площадками.

Несмотря на то что понятие «ситуации» в первоначальной задумке И. Гофмана можно применять в рамках интернет-взаимодействия с определенной долей условности, полагаем, что оно может быть эффективным

инструментом, позволяющим обнаруживать различия в коммуникации на разных цифровых платформах. Вовлекаясь в интернет-коммуникацию, пользователь так же, как при офлайн-коммуникации, сталкивается с необходимостью ответа на вопрос «что здесь происходит», распознает смысл происходящего и действует в соответствии с ним, желая быть понятым и принятым. А потому вопрос о том, фреймируется ли онлайн-взаимодействие и если да, то каким образом, оказывается отнюдь не праздным.

Попытки применения концепции фреймов к анализу онлайн-взаимодействия не новы (Rheingold 1993; Chayko 1993). В целом можно выделить две основные трактовки рассматриваемой проблематики. Во-первых, исследователи стремятся провести различия между онлайн и офлайн, понимая их как принципиально разные ситуации взаимодействия, т.е. разные фреймы, способные оказывать друг на друга влияние (Архипова, Радченко и др. 2018). Во-вторых, в фокусе внимания оказывается Интернет как метаконтекст, который, в свою очередь, не однороден, а содержит разные жанры контента, в рамках разных платформ, сайтов, социальных сетей и т.д. (Фролова 2013; Глухов и др. 2017; Markham 2003). Имеющиеся исследования демонстрируют, что в восприятии пользователей одни средства интернет-коммуникации больше подходят для определенного характера общения, чем другие (см., например: Gershon 2010). Медиа, при помощи которого передается информация, само по себе является сообщением (McLuhan 1994) и влияет на восприятие информации получателем, т.е. фреймирует его. Таким образом, действия пользователей в Сети интерпретируются другими пользователями с учетом контекста, в котором происходят.

Полагаем, что разные цифровые платформы и разные социальные сети могут быть рассмотрены как разные фреймы, создающие границы возможного, допустимого, желательного поведения. В то же время эти границы являются не только и не столько технологическими (или социотехническими), сколько социальными. В результате: 1) онлайн и офлайн могут быть рассмотрены как разные ситуации взаимодействия; 2) Интернет неоднороден, внутри него выделяются разные контексты, а соответственно он может быть проанализирован как система фреймов, метафрейм, объединяющий в себе другие системы фреймов и другие фреймы одного логического типа (в том числе социальные сети); 3) разные социальные сети могут быть проанализированы как разные фреймы — ситуации взаимодействия, которые задают правила допустимого и желательного поведения в них, при этом они не существуют изолированно друг от друга, а находятся в определенных отношениях.

Таким образом, оптика фрейм-анализа может быть полезной при рассмотрении различий в интерпретации социальных сетей как специфических контекстов и объяснения поведения пользователей в них. В фокусе нашего внимания оказываются социальные сети, а точнее то, каким образом пользователи распознают ситуацию взаимодействия как уникальную, присущую только этой сети и отличающую ее от других. На примере опыта российских пользователей мы опишем социальные сети «ВКонтакте», Telegram и Instagram как разные ситуации взаимодействия — фреймы, а также специфику коммуникации в каждой из них.

Прежде чем обратиться к изложению эмпирического материала, сделаем два уточнения. Во-первых, следуя логике И. Гофмана, категории «контекст», «ситуация взаимодействия» и «фрейм» используются в тексте как синонимы. Во-вторых, для избегания текстовых повторов понятия «взаимодействие», «коммуникация», «общение» применяются как тождественные, несмотря на существующие в социологии различия в их понимании и использовании. Эти различия не являются релевантными в контексте настоящего исследования.

Дизайн эмпирического исследования

Для обнаружения различий в использовании разных социальных сетей в 2023 г. было проведено эмпирическое исследование методом полуструктурированного интервью. Целевой аудиторией выступила молодежь как группа, наиболее вовлеченная в интернет-коммуникацию в социальных сетях (Социальные сети и мессенджеры 2023). Выборка составила 11 человек и формировалась методом доступных случаев и критериальным методом. Мы понимаем, что говорить о достижении полного теоретического насыщения в ситуации данного количества интервью затруднительно, однако в ходе анализа полученных нарративов удалось выявить наиболее характерные для пользователей паттерны обращения к социальным сетям. В выборку попали молодые люди в возрасте от 19 до 28 лет, являющиеся активными пользователями сразу трех социальных сетей — Telegram, «ВКонтакте», Instagram — и имеющие аккаунты в них. Для нас являлось принципиальным, чтобы информанты не просто использовали Telegram как мессенджер для обмена сообщениями в индивидуальной переписке, но и вели собственный Telegram-канал, в котором они размещают контент и делятся публикациями с аудиторией. Таким образом, аккаунт в каждой социальной сети должен был быть личным, а не рабочим/совместным или посвященным специфической тематике. Выбор именно этих социальных сетей для изучения обусловлен их популярностью среди русскоязычной аудитории, даже несмотря на то что после

блокировки Instagram на территории России в 2022 г. его аудитория сократилась вдвое (Российская аудитория социальных сетей и мессенджеров 2022). От всех участников исследования было получено информированное согласие. Интервью проводились в онлайн- и офлайн-форматах, средняя длительность беседы составила 1 час. Анализ данных реализован с помощью программы Atlas.ti методом тематического кодирования и кодирования по списку.

Цель исследования заключалась в выявлении различий в интерпретации пользователями трех социальных сетей Telegram, «ВКонтакте», Instagram как специфических ситуаций взаимодействия, определяющих возможные и «правильные» способы поведения в них.

Результаты

Каждая социальная сеть существует в метаконтексте других сетей, при этом можно говорить об иерархии интернет-ресурсов в восприятии пользователей по степени их привлекательности и удобства. Более того, популярность той или иной сети может меняться, а в каждый момент времени выделяется одна приоритетная сеть, обращение к которой происходит чаще и регулярнее, чем к другим. Как правило, ее отличает наличие наибольшего числа актуальных для пользователя коммуникационных узлов. Все рассмотренные социальные сети в разные периоды выступали для информантов основными онлайн-площадками. Сначала это был «ВКонтакте», затем Instagram, а в настоящее время такой платформой становится Telegram. В ходе исследования обнаружены различия в интерпретации пользователями разных социальных сетей как специфических ситуаций взаимодействия и соответствующем поведении в них. Опишем основные особенности каждой.

«ВКонтакте»

По привлекательности, частоте и интенсивности использования «ВКонтакте» (далее — «ВК») сегодня занимает последнее место среди трех рассматриваемых социальных сетей. Обращение к этому ресурсу наименее типизировано и варьирует между разными пользователями. Нередко информанты испытывали сложности в детальном описании особенностей «ВК»:

«ВКонтакте», я думаю, что это социальная сеть, где каждый сам выбирает, как он хочет вести... То есть здесь нет каких-то таких, условно шаблонов, которые, мне кажется, есть в двух других социальных сетях (инф. 8).

Однако, несмотря на размытость образа, несколько лет назад именно «ВК» служил для информантов главной площадкой общения «всех со всеми». Поскольку для многих участников исследования начало использования «ВК» пришлось на период детства и юности, в ходе интервью обсуждался ее образ как «детской» социальной сети:

«ВКонтакте» — это вообще соцсеть моего детства... Я бы так назвала типа детская соцсеть. Вот так я бы сказала, как соцсеть-садик, из которой мы все выросли (инф. 4).

Изначально поводы обращения к «ВК» отличались разнообразием: от общения с друзьями и родственниками до решения рабочих вопросов. Размещение контента, содержащего информацию о мыслях и переживаниях пользователя, считалось уместным и вносило вклад в конструирование его идентичности. Сегодня «ВК» не рассматривается как подходящая сеть для подобных публикаций: «То есть ты же не покажешь в “ВКонтакте”, как ты ревел всю ночь?» (инф. 5). Для этих целей используются иные интернет-площадки, например Telegram. Ключевой функцией «ВК» является обмен сообщениями, сеть выступает прежде всего как мессенджер. Одним из важных поводов коммуникации является учебный процесс. Именно в «ВК» создаются группы однокурсников и обсуждаются учебные проекты, происходит взаимодействие с преподавателями, распространяются новости об университетской жизни. Универсальность и доступность этой сети делают ее своеобразным центром связи — удобной площадкой для коммуникации и объединения значительного количества пользователей.

И это такая универсальная нейтральная площадка, в которой все 100 % зарегистрированы. То есть нет человека нашего поколения, нашего возраста, которого бы не было в «ВК», потому что мы там все с 10 лет... И мне кажется, что из-за этого всем было удобней завести группу студентов именно в «ВК» (инф. 3).

В сравнении с другими социальными сетями аудитория конкретного пользователя в «ВК» включает самый широкий круг контактов разной степени близости и из разных сфер жизни. Несмотря на то что преобладают слабые связи, их поддержанию способствует аффорданс уведомлений о днях рождения.

Там самый большой, наверное, пласт вообще всех, кого я знаю, которых, может быть, я там видела один раз в жизни, но мы там

в рекомендациях друг другу попались и добавили. То есть условно, если я хочу кому-то написать, я, скорее всего, буду искать «ВК», если это не близкий человек, потому что, вероятнее всего, он там есть, в то время как его нет ни в Телеге, ни в Инстаграме (инф. 7).

Изначально размер сети пользователя расценивался как показатель его популярности и социального признания, а потому добавление кого-то в «друзья» могло становиться самоцелью: «Модно просто, чтобы у тебя было много “друзей”» (инф. 4). Однако, по мнению информантов, сегодня такая практика перестает быть актуальной. При знакомстве уже не принято оставлять свой профиль в «ВК». В зависимости от целей общения визитной карточкой пользователя служат профили в Instagram, Telegram или других социальных сетях.

Новые знакомые все реже появляются в «друзьях», а потому особенностью этой сети является наличие «знакомых из прошлого».

Мои «друзья», которые видят мою страницу, которые добавлены у меня в «друзья», они меня знают как человека, с которым мы вместе учились в школе, возможно. Они знают, что я поступила, например, в РХТУ. И больше про то, чем я занимаюсь, какая у меня еще есть деятельность, где я еще учусь, практически не знают. Поэтому это такой контент для, ну, условно, старых каких-то друзей, возможно родителей моих, одноклассников (инф. 8).

Значительную часть таких контактов составляют родственники, учителя, родители одноклассников, т.е. условные «взрослые», что является отличительной чертой «ВК»: «Там и какие-то родственники есть взрослые, которые могут просто не понять. Поэтому в Телеграме проще» (инф. 7). Таким образом, контент в «ВК» ориентирован не просто на аудиторию, представленную слабыми связями, а в первую очередь на аудиторию «взрослых» и «людей из прошлого» — тех, с кем общение сегодня нерегулярно, а нередко сводится лишь к поздравлению с Днем рождения.

Поскольку термин «фрейм» изначально задуман И. Гофманом по методологическому и риторическому принципу «матрешки», в ходе анализа полученных нарративов оказалось возможным выделить три фрейма размещения контента внутри фрейма в «ВК»: фрейм публикаций «о себе», фрейм тематических публикаций, фрейм инструментально-деловых публикаций. Особенностью первого фрейма является социально-одобряемый контекст «приличности». Важно, чтобы размещаемая пользователем информация воспринималась как допустимая для просмотра дальними

знакомыми, родственниками и знакомыми знакомых. В этом случае не принято рассказывать о своих проблемах и переживаниях.

Моя мама очень любит перепостить мои фотки со страницы в «ВК». И каждый раз, когда я думаю, не будет ли это пошло смотреться на ее стене, чтобы все думали, что у нее там какая-то странная дочь сумасшедшая. Поэтому я стараюсь как-то фильтровать немножко, потому что она почти все мои фотки репостит к себе на стену, и я понимаю, что это видят и с ее стороны, ее коллеги (инф. 5).

За содержание публикаций не только не должно быть стыдно, они должны вызывать чувство гордости как у автора, так и у потенциальных реципиентов. В качестве примера информанты указывали размещение сведений о жизненных достижениях, таких как поступление в вуз или окончание учебы в школе. Подобный контент в других рассматриваемых социальных сетях оценивается как неуместный, поскольку формат «жизненных достижений» является слишком официальным для них. Несмотря на то что Instagram служит основной площадкой для демонстрации успеха, в нем эта демонстрация реализуется посредством потребления, а не производства.

В отличие от других социальных сетей личная страница пользователя в «ВК» чаще всего содержит его реальные данные, что накладывает обязательство публикации «парадного» контента, возможно, даже сделанного профессионально (например, семейных портретов с постановочной фотосессии). Такого рода информация размещается нерегулярно, преимущественно с целью актуализации сведений о пользователе.

Когда меня начинает раздражать моя прошлая аватарка и мне кажется, что она не репрезентует нынешнюю меня. Например, это какая-нибудь там фотка с первого курса, с другой стрижкой, в другом месте (инф. 2).

Подчеркнем, что несоответствие активности контексту выбранной платформы может вызвать непонимание или даже раздражение у других пользователей:

У меня есть несколько знакомых, которые до сих пор активно ведут «ВК». Если честно, я не знаю, может быть, так просто совпало, что активно ведут «ВК» те люди, которые мне просто не очень

нравятся. Либо я действительно считаю это поведение странным, но как бы мое близкое окружение, люди, с которыми мы на одной волне, они так не делают (инф. 2).

Второй фрейм — это фрейм тематических публикаций. В этом случае размещаемый контент не является авторским. Как правило, это репост созданных другими (отдельными пользователями или тематическими сообществами) сообщений. К такого рода публикациям относятся, например, мотивационные посты, отражающие настроение и интересы пользователя при помощи ассоциаций, музыки, цитат и картинок.

Репосту себе какие-нибудь красивые картинки, которые меня очень сильно радуют или на которые мне очень приятно смотреть, я их ассоциирую с собой. Мне хочется, чтобы люди заходили на мою страничку и видели, например, какие-нибудь, там, не знаю, пейзажи или цветы, или каких-нибудь милых животных. И это просто моя эстетика, которой мне хочется окружать себя и своих близких (инф. 3).

Третий фрейм содержит инструментально-деловой контент. Поскольку аудитория «ВК» характеризуется значительным количеством и разнообразием подписчиков, эта сеть интерпретируется как пригодная для публикации официальной информации, размещения объявлений, получения новостей.

Иногда очень-очень редко я могу репостнуть что-либо по делу. Например, когда мы делали учебный проект и нужно было распространять анкету через «ВК», я это, естественно, перепостила тоже на свою страницу (инф. 2).

Instagram

Instagram представляет собой наиболее однозначную ситуацию взаимодействия среди трех рассматриваемых сетей. Как и в случае с «ВК», начало использования Instagram пришлось на период обучения информантов в школе. Несмотря на многочисленные обновления платформы и расширение ее функциональных возможностей, размещение визуальных материалов остается основной формой коммуникации в этой сети. Instagram изначально был задуман как сеть с возможностью фотографировать и сразу публиковать в ленту получившийся результат. Эта идея заложена в самом названии Instagram (от instant — «мгновенный»), и сегодня возможность наблюдать и делиться «картинками» остается наиболее значимой ее особенностью.

Избыток текстовых сообщений на странице пользователя может быть проигнорирован или вызвать недоумение у подписчиков.

Если кто-то опубликует кучу текста, например, меня это раздражает, когда у меня в Сторис, то есть как не раздражает, я просто их пролистываю, я не буду читать кучу текста в чужих Сторис. Я понимаю, что как бы мои друзья, мое окружение, скорее всего, поступит так же. Потому что в Инстаграм люди заходят для того, чтобы посмотреть Рилсы, посмотреть красивые картинки. То есть это как будто бы стало местом для другого» (инф. 2).

Публикуемый в Instagram текст должен быть лаконичен. Кроме того, значение имеет сочетание нового поста с предыдущими — публикации должны быть встроены в контекст других постов и образовывать матрицу публикаций — ленту. Именно лента создает «визуал» всего профиля и является одним из аффордансов этой сети.

В Инстаграме я могу поставить ленту: там красивые фотографии. И эта картинка, она сохранится, она не уйдет куда-то дальше вверх, как в «Телеграме» (инф. 9).

Негласные правила размещения контента объясняются информантами стремлением к «эстетике» — ключевой логике Instagram.

Еще на этапе становления Instagram основным ее аффордансом была возможность редактировать фотографии при помощи наложения на них фильтров.

И там еще эти были смайлы-коты... И у меня были первые две фотки точно с этими котами и с обработкой черно-белой, вот этой вот ужасной (инф. 5).

Несмотря на то что с развитием сети ее контекст изменился, идея использования фильтров актуальна и сейчас, но приобрела дополнительные значения. Отфильтрованное изображение — это результат не только технических вмешательств, но и определенного смыслового отбора.

В «Инстаграме» ты супер подфильтрационный. Я не знаю, ты такой весь заблюренный, хорошего цвета кожи такого загорелого, у тебя идеальный волосы, идеальный купальник — все идеально (инф. 5).

Напротив, контент, создающий невыгодный образ автора, считается неуместным.

Таким образом, важной характеристикой Instagram является идеализация «реальной» жизни с помощью публикации исключительно положительных ее аспектов — событий, впечатлений.

Там лучшая сторона моей жизни, там я демонстрирую самое лучшее, все самое вкусное, красивое. Типа я живу свою лучшую жизнь. Конечно же, это все не так. И вообще фотки там у меня все старые (инф. 3).

В результате Instagram ассоциируется с неискренностью, обманом, иллюзией, а одной из ее метафор является «ярмарка тщеславия».

Постинг фоток — это какая-то слежка за собой, а ты показываешь самые хорошие моменты. Это неполноценная слежка. Поэтому это немножко ярмарка тщеславия (инф. 1).

В Instagram принято не только размещать лучшие материалы, но и публиковать контент в тех случаях, когда происходит что-то выдающееся, интересное в жизни пользователя. Публикации становятся хроникой ярких, парадных событий, создающих у подписчиков впечатление насыщенной жизни их автора.

Я пошла сюда, я вот здесь была. Такое событие, какое-то очень точечное, понятное, необычное. То есть это не про обыденность. В Инстаграм ты хочешь что-то событийное (инф. 10).

Одним из ключевых аффордансов в таком случае выступает возможность оставлять отметки, документирующие происходящее: геолокацию места, активную ссылку на другого пользователя. Этот аффорданс также позволяет автору демонстрировать свою социальность и включенность в насыщенные коммуникации.

Профиль в Instagram становится своеобразным «личным брендом», визитной карточкой пользователя. Контент, размещаемый в сети, создает его образ, например, как участника брачного рынка или эффективного работника. При этом такой образ может быть монетизирован, хотя подобные возможности не всегда осознаются информантами. В целом профиль в Instagram нужен пользователям, чтобы создать самое выгодное впечатление о себе, и соответственно каждый новый пост должен «работать» на улучшение имиджа его автора.

«Инстаграм» — это «визитная карточка» абсолютно. И, конечно, я хочу в этой визитной карточке запечатлеть моменты, когда я выгляжу красиво... Сейчас я чаще воспринимаю свой Инстаграм с этой точки зрения, что это моя визитная карточка, на которую может посмотреть будущий работодатель (инф. 2).

Аффордансом для формирования «визитной карточки» являются закрепленные в профиле посты, содержащие наиболее важную информацию о пользователе и доступные в любое время. Напротив, Stories рассматривается как формат, уместный для публикации информации о рутинных действиях пользователя.

Таким образом, основные аффордансы Instagram формируют его контекст, в то время как новые платформенные функции могут изменять и даже разрушать его. Именно поэтому новации нередко негативно воспринимаются постоянными пользователями этой сети. Такими онлайн-сервисами, ломающими привычную ситуацию взаимодействия в Instagram, для информантов являются Direct, IGTV, Reels и «Маски». Например, Direct, превращающая Instagram в мессенджер, расценивается как лишняя функция: «Я не воспринимаю “Инстаграм” как место для чатинга» (инф. 4). Изменение привычного контекста вызывает раздражение и сопротивление пользователей, которые выражаются в отказе от использования новых функций или попытках вписать их в сложившийся контекст сети. Тот же Direct, как правило, применяется для обсуждения размещаемого пользователями контента в формате small talk — беседы, цель которой состоит в обмене не личностно-значимой информацией, а социальными поглаживаниями. Межличностное общение интерпретируется как возможный, но необязательный элемент в системе публикации и потребления контента в Instagram, что существенным образом отличает эту площадку от двух других рассматриваемых сетей, для которых основной формой взаимодействия является общение с другими в форме чатов и переписок в личных сообщениях.

Поскольку Instagram для информантов — подходящий инструмент для поддержания прежде всего слабых связей, ситуативного обмена сообщениями-комментариями оказывается вполне достаточно. Как правило, эта сеть не используется для коммуникации с близким окружением: друзьями и членами семьи. Аудитория подписчиков в Instagram включает преимущественно старых знакомых, коллег и однокурсников. Распространена практика взаимообмена профилями в результате случайных знакомств, при этом дальнейшие контакты могут сводиться к отслеживанию жизни друг друга в сети.

Люди менее знакомые... Я более внимательно наблюдаю за их публикациями, потому что у нас нет в жизни общения. И через эти публикации я смотрю, во-первых, что в их жизни происходит. Во-вторых, что они вообще из себя представляют, потому что мы не так близко знакомы и через то, как они себя репрезентуют в социальных сетях я лучше понимаю вообще, кто они такие, с чем их едят (инф. 2).

Среди подписчиков могут оказаться и совсем незнакомые люди — «друзья друзей».

То есть постить что-то в «Инстаграм» — это «выходить в люди», это как будто бы сразу вступать в диалог с этой аудиторией из 400 людей (инф. 2).

Таким образом, контент в Instagram имеет публичный статус и подчеркивает социальную дистанцию «сцены» между участниками взаимодействия. В то же время наблюдение «из зрительного зала» за личной жизнью «другого» важно и воспринимается как полноценное поддержание слабой социальной связи (такой формат принципиально невозможен в офлайн).

Допустим, я подпишусь на него в «Инстаграм», и все о'кей. Мы обозначили этим союз. У нас какой-то есть немой, негласный союз (инф. 5).

Специфика поддержания слабых связей в Instagram выражается и в практике «взаимной подписки». Несмотря на то что в этой социальной сети отсутствует такая форма скрепления отношений, как «Друзья» в «ВК», взаимность, реципрокность остаются важным «социальным клеем». Если речь не идет о блогерах, то информанты предпочитают подписываться не на интересующие их профили, а на тех пользователей, которые готовы подписаться на них в ответ. «Я отписываюсь, если от меня отписываются, потому что... Если мы дружим, мы дружим» (инф. 1). Как и в «ВК» большое количество подписчиков символизирует популярность и признание автора, а в конечном счете его социальный статус.

Все за каких-то там подписчиков в основном боролись. Это было каким-то показателем какого-то, может быть, социального статуса (инф. 11).

Telegram

Telegram был создан в 2013 г. как мессенджер. В 2015 г. появилась возможность создания Telegram-каналов. Однако по целям и формату первые каналы в этой сети напоминали скорее сообщества в «ВК». По мнению информантов, особенный контекст Telegram стал формироваться с того момента, когда пользователи начали активно создавать и вести личные Telegram-каналы. Тем не менее эта платформа рассматривается как наиболее удобная прежде всего для межличностного общения, в том числе длительного: «Основная коммуникация она вся в “Телеграме”» (инф. 4).

В отличие от других рассматриваемых сетей, основной характеристикой коммуникации в Telegram является приватность, это ресурс «для своих».

Общение в телеграмме у меня более персональное. То есть если для меня случайный человек на улице подойдет и мне нужно с ним будет сделать контакт, я воспользуюсь «ВК». В «Телеграме» у меня более такое дружественное, приватное общение. Я стараюсь не захламить его... А «ВК» я готов захламить, потому что вижу в нем меньше ценности: как в самой соцсети, как в чаттинге (инф. 1).

Еще на этапе появления Telegram развернулась широкая дискуссия о его беспрецедентной конфиденциальности, связанной с новым уровнем защиты персональных данных. С тех пор эта платформа стала восприниматься как подходящее место, для того чтобы делиться личным контентом, «спрятаться», почувствовать себя в безопасности.

Там какие-то шифры используются, какие-то сложные схемы с тем, что конфиденциальность определенного человека есть... Просто я думала, что за мной следят. И поэтому я думала, что «Telegram» — это выход (инф. 3).

Сегодня лейтмотив безопасности оброс новыми коннотациями, одной из которых является концепт safe space — дружественной и комфортной среды, свободной от осуждения, которая создается в Telegram-каналах.

В свое время мне очень помогал этот канал как неосуждающая среда такая была, я туда все постила (инф. 4).

Новое значение безопасности выражается и в описании аудитории сети. Создатели Telegram-каналов имеют возможность самостоятельно

формировать и корректировать список подписчиков, а главным критерием одобрения «другого» в таком качестве служит идея «комфорта».

И вот в целом люди, с которыми мне комфортно, я их добавляю туда... Я не добавляю левых... Я добавляю только тех, кому я в целом доверяю и чье мнение мне в какой-то мере может быть интересно... Я не даю сидеть там тем, кто мне не нравится (инф. 4).

В отличие от других рассматриваемых сетей аудитория Telegram включает самых близких — тех, с кем пользователи регулярно поддерживают контакт в повседневной жизни офлайн, т.е. эта платформа используется для поддержания прежде всего сильных связей.

«Telegram» — это, наоборот, место для тех, кто знает меня очень хорошо. Ну, или хотя бы близко (инф. 2).

Однако среди таких «близких» редко оказываются члены семьи автора канала, поскольку цель коммуникации состоит в том, чтобы делиться с аудиторией информацией о личных событиях и переживаниях, иногда социально неодобряемых.

*И получается, там у меня самые близкие точно все есть, кроме родителей, конечно же, и брата, потому что я там пошу типа фотки **** иногда или что-то еще такое (инф. 4).*

Telegram не свойственны практики взаимной подписки и добавления в «друзья». Для создателей частного канала в отличие от профессиональных блогеров формирование социального статуса за счет большого количества подписчиков неактуально. В Telegram пользователи подписываются не на тех, кто готов подписаться на них в ответ, а на тех, чей контент действительно интересен.

И как будто бы в «Телеграме» ты более точно выбираешь людей, на которых ты хочешь быть подписан. То есть ты просто так не подписываешься. То есть ты как будто делаешь вызов. То есть для других людей говоришь о том, что типа: «А ты докажи мне, почему я должен у тебя быть подписан?» (инф. 10).

В результате тщательного отбора с обеих сторон (подписчики избирательно подписываются, а авторы контента избирательно предоставляют доступ к своему каналу), аудитория канала, как правило, небольшая.

Такое количество, оно как будто создает уют. То, что не такая гигантская аудитория, хочется больше писать, хочется как-то выкладывать что-то на постоянной основе (инф. 9).

Ключевые особенности коммуникации в Telegram — интерактивность и глубокая вовлеченность всех сторон. Авторы каналов часто сами провоцируют диалог со своими подписчиками. Такое поведение рассматривается в том числе как способ поддержания связи с близкими людьми и стремление узнать их лучше, что оказывается особенно актуальным сегодня, когда значительная часть социального взаимодействия перенесена в онлайн. Размещаемый в Telegram контент содержит информацию, которой уместно поделиться в личной переписке или при встрече с другом. Возможности оставить реакции и комментарии к публикации служат аффордансами обратной связи в Telegram.

Реакции и комментарии — это прямо гениальная тема, потому что можно обсуждать все. В «Инстаграме» все-таки не так все удобно устроено. На самом деле ты не чувствуешь прямо коннект с кем-то, а в «Телеграме» есть такой коннект (инф. 4).

Для описания чувства общности, возникающей в Telegram, информанты использовали образ «групповой терапии».

Я чувствую себя как на групповой терапии в этот момент. То есть что-то какой-то эффект поддержки все равно присутствует. То есть я вижу вот этот просмотр, глазки там типа 20 человек, допустим, реакции. Я понимаю, все супер, все нормально. Я не одна такая (инф. 5).

Общение в канале предполагает взаимодействие внутри конкретной вкладки, напоминающей формат личной переписки, что способствует более глубокой включенности пользователей.

Особая роль в Telegram отводится упорядочению контента. В отличие от артикулируемой информантами функциональной «захламенности» платформ «ВК» и Instagram, в Telegram пользователи могут организовывать свою активность при помощи аффорданса «Папки».

Друзья здесь, работа здесь. Ты можешь просто сидеть тупо в одной папке целый день и не заморачиваться. Например, во время отпуска я так и делала, то есть я просто замянула все рабочие чаты, закрыла нафиг эту папку рабочую, даже не заглядывала. Очень удобно (инф. 5).

Иными словами, в Telegram есть возможность развести коммуникацию в разные разделы в зависимости от темы (личная, рабочая, семейная и др.) и способа «работы» с контентом (общение, потребление, публикация).

Есть отдельно папочка с чатами, отдельно папочка с блогерами, отдельно папочка с Телеграм-каналами друзей и есть папочка под названием Important, где находится все самое важное, там и чатики, и каналы, и все, что я смотрю, наверное, каждый день. Там ничего в неп прочитанном не остается (инф. 9).

В то же время содержание размещаемого контента может быть хаотичным и спонтанным. Публикации в Telegram не предполагают каких-либо усилий, связанных с отбором и оформлением контента, свойственных, например, Instagram. Информанты отмечают, что контент может создаваться и размещаться мгновенно, сразу после появления идеи для публикации.

Там не нужно так сильно стараться. Там нет каких-то запросов. Вот как я говорила, то, что в «Инстаграме» как будто больше запрос на хорошую картинку, где нужно все оформить. В «Телеграме» без разницы. Там можно выложить что угодно (инф. 9).

В отличие от других рассматриваемых сетей, Telegram воспринимается как пространство, подходящее для оценки и анализа собственных мыслей и эмоций. Как правило, коммуникация на этой платформе реализуется в формате текстовых сообщений, хотя есть возможность привлечения аудиовизуальных материалов.

Подчеркнем, что канал публичный, тематический, и частный — это разные внутренние контексты сети, взаимодействие в которых обладает спецификой. В первом случае цель публикаций состоит в привлечении большой аудитории, а соответственно создатели публичных каналов избирательно подходят к содержанию размещаемого контента, что напоминает логику функционирования сообществ в «ВК». Во втором случае канал используется для рассказывания историй о личной жизни автора для избранного круга подписчиков. «В “Телеграме” человек себя показывает таким, какой он есть» (инф. 11). Характеристиками частных каналов выступают открытость, прозрачность и готовность пользователей демонстрировать субъективные переживания.

Вот там же я и не боюсь показывать, что я там могу поплакать, что я там с парнем рассталась, как я проживаю эти этапы (инф. 4).

В Telegram одним из аффордансов для выражения эмоций являются круглые видеосообщения. Для некоторых информантов такая платформенная возможность становилась основной причиной для начала использования сети.

Начали появляться эти кружки. Это прямо было большим подспорьем для выбора медиа, потому что это достаточно удобно... как быстро поделиться эмоциями, которых нет в голосовых, показать обстановку вокруг (инф. 11).

Выводы

В ходе анализа данных выделены аналитические категории — ключевые критерии, которые лежат в основании воспринимаемых пользователями различий между рассматриваемыми социальными сетями, — коммуникация, аудитория, контент и основные цели использования социальной сети. Именно эти критерии задают контекст взаимодействия на конкретной платформе, и по ним проходят магистральные линии различения (табл.).

Таблица

Критерии различия контекстов социальных сетей

	«ВКонтакте»	Instagram	Telegram (личные Telegram-каналы)
Коммуникация	целенаправленная, «коммуникация всех вокруг»	ситуативная, small talk	целенаправленная, приватная, долговременная
Аудитория	слабые связи	слабые связи	сильные связи
Контент	социально-одобряемый, официальный, публикация личных достижений	социально-одобряемый, визуальный, прошедший отбор, идеализированный	спонтанный, естественный, эмоциональный, альтернатива личной переписке
Основные цели	поддержание слабых связей, верификация информации о себе, учебная коммуникация	поддержание слабых связей, конструирование имиджа — «лучшей версии себя», поддержание социального статуса	поддержание сильных связей, рассказ историй из личной жизни
Основная метафора	«в гостях у родственников»	«концертный зал/театр»	«комната» с людьми, которые специально приглашены

Выделенные критерии дают основания говорить о рассматриваемых социальных сетях как о разных фреймах — специфических ситуациях взаимодействия, делающих одни способы коммуникации или тип размещаемого контента уместными и возможными, а другие — нежелательными и порицаемыми. Молодые люди, даже не всегда явно осознавая, ощущают эти различия и ведут себя в соответствии с ними. Кроме того, отметим, что хоть аффордансы и формируют определенные возможности сети, пользователи приспособливают их под свои нужды в соответствии со сложившимся контекстом (см. «Метафоры» в табл.).

Формат *small talk* существенным образом отличает Instagram от двух других рассматриваемых сетей, основная коммуникация в которых — это целенаправленное общение в чатах и частных каналах. Для личных и долговременных контактов наиболее пригоден Telegram, который воспринимается как приватное и безопасное пространство. Аудиторию «ВК» составляют преимущественно «слабые связи», немалая доля которых состоит из условных «взрослых» и людей «из прошлого». Поддержание слабых связей характерно и для Instagram, но в подписчиках могут оказываться люди, даже не знакомые пользователю лично. В обоих случаях связи возникают на основе реципрокности. Telegram представляет собой принципиально иной подход к формированию аудитории личного Telegram-канала. Она небольшая, но очень включенная. Как правило, этой сети свойственно поддержание сильных связей (за исключением связей с родственниками).

Между рассмотренными сетями отмечаются и выраженные различия в содержании публикаций, которое ожидается увидеть и которое воспринимается как приемлемое в рамках определенной платформы. Так, для «ВК» характерен социально-одобряемый и официально-деловой контент, допускающий размещение информации о «жизненных достижениях» пользователя. Демонстрация успеха типична и для Instagram, однако там она, в отличие от «ВК», реализуется посредством потребления, а не производства. В Instagram публикуется эстетизированная хроника увлекательной жизни пользователя. При этом нарратив идеализации, используемый при описании этой сети, нередко связан с негативно-окрашенными образами «ярмарки тщеславия» и «успешного успеха». Telegram, напротив, воспринимается как пространство, подходящее для выражения личных мыслей и переживаний пользователя. От других платформ его отличает спонтанность и неизбирательность размещаемого контента.

Вариативны и цели обращения к рассматриваемым социальным сетям. «ВК» используется прежде всего для деловой коммуникации, одним из проявлений которой является учебная. Instagram необходим для поддер-

жания слабых связей с помощью создания визитной онлайн-карточки и потребления контента, размещаемого другими пользователями. Telegram обеспечивает поддержание интенсивной коммуникации при помощи обмена личной информацией, который напоминает переписку в чате, только теперь это своеобразный «коллективный» чат.

Заключение

В результате исследования продемонстрировано, что концепция фреймов может быть полезной теоретической рамкой для изучения коммуникации в социальных сетях. Интернет не однороден, а представляет собой метаконтекст, организующий внутри себя иные контексты как специфические ситуации взаимодействия, или фреймы, формирующие пользовательский опыт. В качестве фреймов могут быть рассмотрены и социальные сети. Несмотря на то что фреймирование — это процесс и контексты социальных сетей могут меняться, они и не создаются пользователями самостоятельно в процессе каждой новой коммуникации. Скорее действия участников взаимодействия направлены на поддержание сложившегося контекста сети, а не на его постоянное конструирование. Именно поэтому для пользователей важно верно распознать смысл происходящего в сети и организовывать свою активность в соответствии с этим смыслом. Подчеркнем, что в этом случае нас интересует повторяемость и регулярность в коммуникации на различных платформах.

На примере анализа пользовательского опыта молодых людей в трех социальных сетях — «ВКонтакте», Instagram, Telegram — выявлены и описаны основные особенности каждой. Обнаруженные различия позволяют говорить об исследуемых социальных сетях как о разных фреймах, задающих наиболее подходящие форматы коммуникации и типы размещаемого контента. Можно вести речь о о ключевых критериях, лежащих в основании воспринимаемых пользователями смысловых различий между социальными сетями. Среди них коммуникация, аудитория, контент и основные цели использования социальной сети.

Кроме того, в ходе исследования обнаружена интересная тенденция: значительный рост популярности сети Telegram. С одной стороны, одним из стимулов данных изменений служит блокировка Instagram в 2022 г. С другой стороны, среди информантов были и те, кто создал свои личные Telegram-каналы раньше. Это дает основания предполагать, что возросшие интерес и внимание пользователей к Telegram продиктованы не только внешними социально-политическими трансформациями, но и социальными изменениями интернет-реальности, выражающимися в переходе от публичности к приватности, от выверенности к спонтанности,

от искусственности к естественности, от стремления поддерживать слабые связи к укреплению сильных связей, от удержания внимания незнакомых других к поиску единомышленников, от предоставления информации о себе в общий доступ к безопасности, от работы на свой социальный статус и репутацию к стихийному нарративу «житейских историй». Сегодня у пользователей появляется запрос на приватное пространство в социальной сети. Перемещение аудитории в Telegram и активное освоение его возможностей могут быть обусловлены спецификой ее фрейма, напоминающего общение в офлайн. В свою очередь, стремление сделать онлайн-взаимодействие похожим на таковое лицом к лицу отражает более широкий тренд поствиртуализации (Иванов 2020; Орех, Богомягкова 2019). Сегодня в условиях перенасыщения жизни виртуальными образами возрастает запрос на физическое присутствие, тактильность, «аналоговый опыт». При этом «поворот к реальности» «не ослабляет виртуальность, а ведет к социальной жизни в режиме дополненной реальности, в которой происходит взаимопроникновение разных социальных реальностей и интегрируются физические и цифровые, материальные и символические, производственные и потребительские, частные и публичные, модернистские и постмодернистские компоненты человеческого существования» (Иванов 2020: 51). Конечно, говорить об исчезновении границ между двумя коммуникативными ситуациями — онлайн и офлайн — не приходится, однако они становятся более проницаемыми.

Настоящее исследование обладает рядом ограничений. Во-первых, специфика качественной стратегии сбора и анализа эмпирического материала и небольшое количество информантов не позволяют делать обобщающих выводов и однозначно экстраполировать полученные результаты на другие случаи. Тем не менее, вероятно, схожие рамки интерпретаций рассматриваемых социальных сетей и соответствующее поведение в них могут быть свойственны современному поколению русскоязычной городской молодежи, которая активно использует различные интернет-ресурсы. Во-вторых, в качестве метода сбора данных использовались полуструктурированные интервью, что стало не совсем традиционным приемом, в большей степени характерным для конструкционистской перспективы, а не для структуралистского понимания концепции фреймов. Как правило, для изучения фреймов применяется метод наблюдения. Тем не менее полагаем, что рефлексия информантов оказалась полезной для понимания различий между контекстами трех рассматриваемых сетей и выявления схожих паттернов поведения в каждой из них. Подчеркнем, что в отличие от таких культурно-сравнительных масштабных проектов, как Why

We Post (Miller, Costa, Haynes et al. 2016), также использующих метод интервью и стремящихся обнаружить вариативность пользовательского опыта и гибкость использования Интернета, в настоящем исследовании мы делали попытку обнаружить структурную организацию онлайн-пространства, создающую рамки для активности пользователей в Сети. Даже обращаясь к пользовательскому опыту, мы интересовались не уникальным и особенным, а регулярным и повторяющимся, обусловленным контекстом социальных сетей.

В целом результаты исследования вносят вклад в понимание особенностей фреймирования онлайн-коммуникации и могут использоваться в дальнейших исследованиях Интернета. Кроме того, они могут пригодиться при разработке маркетинговых программ и стратегий продвижения в рамках различных социальных сетей.

Литература/References

Архипова А.С., Радченко Д.А., Титков А.С., Козлова И.В., Югай Е.Ф., Белянин С.В., Гаврилова М.В. (2018) «Пересборка митинга»: Интернет в протесте и протест в интернете. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 1: 12–35.

Arkhipova A.S., Radchenko D.A., Titkov A.S., Kozlova I.V., Yugaj E.F., Belyanin S.V., Gavrilova M.V. (2018) «Peresborka mitinga»: Internet v proteste i protest v internete [“Reassembling the Rally”: The Internet in Protest and Protest on the Internet]. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 1: 12–35 (in Russian).

Батыгин Г.С. (2002) Континуум фреймов: драматургический реализм Ирвинга Гофмана. *Вестник РУДН. Серия Социология*, 2: 5–24.

Batygin G.S. (2002) Kontinuum freymov: dramaturgicheskii realizm Irvinga Gofmana. [The Frame Continuum: Erving Goffman's Dramatic Realism]. *Vestnik RUDN. Seriya Sotsiologiya* [Bulletin of RUDN University. Series Sociology], 2: 5–24 (in Russian).

Вахштайн В.С. (2011) *Социология повседневности и теория фреймов*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Vakhshayn V.S. (2011) *Sotsiologiya povsednevnosti i teoriya freymov* [Sociology of everyday life and theory of frames]. St. Petersburg: Izdatelstvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge (in Russian).

Глухов А.П., Кужелева-Саган И.П., Булатова Т.А., Бычкова М.Н., Гужова И.В., Носова С.С., Окушова Г.А., Спичева Д.И. (2017) *Социальные сети как инфраструктура межличностного общения цифрового поколения: трансформация фреймов коммуникации*. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета.

Glukhov A.P., Kuzheleva-Sagan I.P., Bulatova T.A., Bychkova M.N., Guzhova I.V., Nosova S.S., Okushova G.A., Spicheva D.I. (2017) *Socialnye seti kak infrastruktura mezhluchnostnogo obshcheniya cifrovogo pokoleniya: transformacija frejmov kommunikacii* [Social networks as an infrastructure of interpersonal communication of the digital generation: transformation of communication frames]. Tomsk: Izdatelskij Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (in Russian).

Гофман И. (2003) *Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта*. М.: Институт социологии РАН.

Goffman E. (2003) *Analiz freymov: esse ob organizatsii povsednevnogo opyta* [Frame analysis]. Moscow: Institut sociologii RAN (in Russian).

Иванов Д.В. (2020) Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации. *Социологические исследования*, 5: 44–55.

Ivanov D.V. (2020) *Dopolnennaya sovremennost': efekty postglobalizatsii i postvirtualizatsii* [Augmented Modernity: Effects of Post-globalization and Post-virtualization]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 5: 44–55 (in Russian).

Колозариди П.В., Макушева М.О. (2018) Интернет как проблемное поле социальных наук. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 1: 1–11.

Kolozaridi P.V., Makusheva M.O. (2018) Internet kak problemnoe pole socialnykh nauk [The Internet as a problematic field of social sciences]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i socialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 1: 1–11 (in Russian).

Орех Е.А., Богомяжкова Е.С. (2019) К пониманию «мимолетных» селфи: эволюция стратегий самопрезентации в социальных сетях. *Социология науки и технологий*, 10(4): 161–175.

Orekh E.A., Bogomyagkova E.S. (2019) K ponimaniyu «mimoletnykh» selfi: evolyuciya strategij samoprezentatsii v sotsialnykh setyakh [Towards understanding «fleeting» selfies: the evolution of self-presentation strategies in social networks]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii* [Sociology of Science and Technology], 10(4): 161–175 (in Russian).

Трегубова Н.Д. (2020) Транснациональный мигрант в интернете: теоретические основания исследования транснационализма в режиме онлайн. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 2: 405–419.

Tregubova N.D. (2020) Transnacionalnyj migrant v internete: teoreticheskie osnovaniya issledovaniya transnacionalizma v rezhime onlayn [Transnational migrant on the Internet: theoretical foundations for studying transnationalism online]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i socialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2: 405–419 (in Russian).

Филиппов А.Ф. (2008) *Социология пространства*. СПб.: Владимир Даль.

Filippov A. F. (2008) *Sotsiologiya prostranstva* [Sociology of space]. St. Petersburg: Vladimir Dal' (in Russian).

Фролова А.С. (2013) Сетевое общество и теория фреймов: социально-философское осмысление. *Вестник РАН*, 13(3): 61–63.

Frolova A.S. (2013) Setevoe obshchestvo i teoriya frejmov: socialno-filosofskoe osmyslenie [Network society and frame theory: socio-philosophical understanding]. *Vestnik RAEN* [Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences], 13(3): 61–63 (in Russian).

Chayko M. (1993) What is Real in the Age of Virtual Reality? «Retraining» Frame Analysis for a Technological World. *Symbolic Interaction*, 16(2): 171–181.

Floridi L. (2014) *The 4th Revolution: How the Infosphere is Reshaping Human Reality*. New York: The United States of America Oxford University Press Madison Avenue.

Gershon I. (2010) *The Breakup 2.0*. Ithaca, NY: Cornell University Press.

Goffman E. (1974) *Frame analysis: An essay in the organization of experience*. New York: Harper & Row.

Madianou M., Miller D. (2012) Polymedia: Towards a new theory of digital media in interpersonal communication. *International Journal of Cultural Studies*, 16(2): 169–187.

Markham A.N. (2003) Metaphors reflecting and shaping the reality of the Internet: Tool, place, way of being. In: *International Association of Internet Researchers*. Toronto, Canada: 16–19.

McLuhan M. (1994) *Understanding Media: The Extensions of Man*. Cambridge; London: MIT Press.

Miller D., Costa E., Haynes N. et al. (2016) *How the World Changed Social Media*. London: UCL Press.

Rheingold H. (1993) *The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier*. New York: Harper Perennial.

Источники

Аудитория Telegram (2023) *Mediascope* [<https://mediascope.net/news/1601603>] (дата обращения: 24.11.2023).

Жизнь онлайн: потребление, пользование, развлечения (2020) ВЦИОМ [<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhizn-onlain-potreblenie-polzovanie-razvlechenija>] (дата обращения: 10.05.2023).

Пользование Интернетом (2023) ВЦИОМ [<https://wciom.ru/ratings/polzovanie-internetom?ysclid=liozb3hsg6158105877>] (дата обращения: 10.10.2023).

Российская аудитория социальных сетей и мессенджеров: изменения на фоне спецоперации. (2022) ВЦИОМ [<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskaja-auditorija-socialnykh-setei-i-messendzherov-izmeneniya-na-fone-specoperacii>] (дата обращения: 10.05.2023).

Социальные сети и мессенджеры: вовлеченность и предпочтения (2023) ВЦИОМ [<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vovlechennost-i-predpochtenija>] (дата обращения 18.11.2023).

Список информантов

Информант 1 — 22 г., М.
Информант 2 — 21 г., Ж.
Информант 3 — 20 л., Ж.
Информант 4 — 23 г., Ж.
Информант 5 — 26 л., Ж.
Информант 6 — 24 г., М.
Информант 7 — 22 г., Ж.
Информант 8 — 21 г., Ж.
Информант 9 — 19 л., Ж.
Информант 10 — 28 л., Ж.
Информант 11 — 22 г., М.

SOCIAL NETWORKS AS FRAMES: USER EXPERIENCE ANALYSIS

Elena Bogomyagkova (e.bogomyagkova@spbu.ru),

Elina Kharmanskaya

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia

Citation: Bogomyagkova E., Kharmanskaya E. (2024) Sotsial'nyye seti kak freymy: analiz pol'zovatel'skogo opyta [Social networks as frames: user experience analysis]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(3): 168–195 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.3.6>. EDN: HWJTVS

Abstract. The article contains the results of an empirical study conducted in 2023 by the semi-structured interview method (N=11) and aimed at identifying differences in the use of social media platforms by modern young people. While the main discussions are around the differences between online and offline communications, the variability of user experience on various Internet resources often escapes the attention of researchers. In this article, based on the results of empirical study and the concept of frames by E. Goffman social media platforms were considered as specific contexts that create boundaries, as well as possible, acceptable, desirable behavior of users in them. As a result of the data analysis, differences in the users' appeal to three social media — VKontakte, Telegram and Instagram were described. Analytical categories were identified — the main criteria that underlie the differences perceived by users — communication,

audience, content, and the main goals of using the social network. The interpretation of the growing popularity of Telegram in the context of trends of social change is given. The Telegram frame makes communication in this platform similar to face-to-face interpersonal interaction, which reflects the growing demand for privacy on the Internet and corresponds to the trend of post-virtualization. Thus, social media platforms may be considered to be different situations of interaction, the meaning of what is happening in which is recognized by users, and further activity is organized in accordance with this meaning.

Keywords: social media, communication, online interaction, frames, the concept of frames, E. Goffman, interview.

Acknowledgements

This work is based on research supported by the Russian Science Foundation (the grant no. 21-18-00125).

СОЦИОЛОГИЯ ПРОФЕССИЙ

ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОСТИ ПРОФЕССИИ УЧИТЕЛЯ В ПЕРИОД ТРАНСФОРМАЦИЙ НА ФОНЕ ПАНДЕМИИ COVID-19¹

Дмитрий Сергеевич Попов (dmtrppv@gmail.com),
Екатерина Александровна Григорьева (yrewda@gmail.com),
Дарья Андреевна Шестакова (shestakova.darya@mail.ru)

Институт социологии ФНИСЦ РАН

Цитирование: Попов Д.С., Григорьева Е.А., Шестакова Д.А. (2024) Факторы устойчивости профессии учителя в период трансформаций на фоне пандемии COVID-19. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(3): 196–215.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.3.7>. EDN: ICOCWO

Аннотация. Профессия школьного учителя, укорененная в российской действительности, демонстрирует кризисные черты на протяжении постсоветских десятилетий. В отечественной литературе среди прочего отмечены проблемы воспроизводства и старения корпуса учителей, невысокая компетентность, малая экономическая отдача от труда, снижающийся профессиональный престиж. Однако на фоне этого мы наблюдаем относительную устойчивость профессии, что позволяет говорить о существовании факторов, дающих возможность преодолевать кризисные явления как на индивидуальном, так и на институциональном уровне. Эти факторы нуждаются в отдельном изучении и экспликации. Значительным вызовом для школы и профессии учителя стала эпидемия COVID-19. Проведенное исследование сфокусировано на том, как изменяется этос профессии российского школьного учителя на фоне пандемии, в чем состоят параметры и особенности этого изменения и институциональной устойчивости профессии. Авторы статьи обращаются к многолетней серии интервью с учителями, проведенной в период так называемого кризисного обучения, в годы распространения коронавируса. Показано, что старое ценностно-этическое ядро учительской профессии в России, восходящее к идеям Просвещения и обеспечившее устойчивость профессии в годы транзита от советского к постсоветскому обществу, оказалось в состоянии видимой эрозии. Учителя, особенно представители молодых поколений, социализированные в постсоветской реальности, вынуждены искать новые профессиональные ориентиры и новые параметры профессионального этоса. От успешности или неуспешности этого поиска зависит устойчивость современной

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Новые социальные неравенства в эпоху цифровизации» (грант № 21-18-00489).

профессии учителя, в том числе эффективность ее воспроизводства. Ставшие доступными в годы пандемии онлайн-ресурсы «цифровой школы», новые форматы удаленного преподавания и контроля, новые модели взаимодействия с учениками, их родителями и методистами — вот ключевые социальные и технологические изменения, формирующие контуры нового профессионального этоса.

Ключевые слова: профессия учителя, этос учительской профессии, социология жизненного пути, устойчивость профессии, цифровизация, цифровая трансформация школы.

Введение

Пандемия COVID-19 стала вызовом, породившим изменения в традиционно консервативном институте школы на фоне резкой технологической модернизации учебного процесса. В России она вскрыла и актуализировала давнюю проблему трансформации профессии учителя. Процесс цифровизации школы фактически был запущен с начала текущего века, однако в нашей стране он имел крайне медленный, точечный и фрагментарный характер (Попов, Стрельникова, Григорьева 2022: 28). С появлением коронавируса и «удаленки» ситуация кардинально поменялась. Учитель оказался в пограничной, переходной ситуации, которая спровоцировала переоценку его собственной роли и профессиональной идентичности.

Существует множество возможностей и ракурсов для оценки устойчивости профессии, укорененной (embedded) в определенном социально-историческом контексте. Так, речь может идти о ресурсах учительской профессии, экономической отдаче от профессиональной деятельности, об эффективности или неэффективности воспроизводства корпуса учителей, наконец о методиках профессиональной работы и ее конечном результате, измеряемом через показатели компетентности учеников (как это делается, например, в проектах TIMMS, PIRLS, PISA). При наличии всех этих ракурсов и возможностей, отметим, что в своем классическом определении, восходящем к социологии Э. Дюркгейма (Durkheim 1958) и Т. Парсонса (Парсонс 1998), профессия, наряду с комплексом знаний и технологий, обладает особым ядром, имеющим ценностно-нормативный и моральный характер. Наличие этого ядра определяет профессиональную устойчивость, гарантирует воспроизводство профессии, обеспечивает идентичность, позволяющую отличить профессию от других видов деятельности. В статье мы обозначаем это ядро посредством термина «этос профессии».

В статье рассматривается опыт учителей, столкнувшихся с масштабными преобразованиями в профессиональной сфере, вызванными эпи-

демией COVID-19, однако сохранивших себя в профессии. Факторы устойчивости профессии, связанные с ее ценностно-этическим ядром, вплетены в учительскую рутинную повседневность, поэтому мы обращаемся к качественной исследовательской традиции для их поиска и идентификации. Отметим, что взгляды учителей формируются в связи с историческим контекстом и событиями их жизни. Необходимость такого ракурса очевидна для понимания разнообразия, внутренней неоднородности и сложности профессии. Основным источником данных стали результаты длительного многолетнего качественного наблюдения, реализованного группой исследователей в период наиболее острого распространения пандемии COVID-19.

Главной задачей статьи стали понимание и экспликация изменения «этического ядра» учительской профессии, происходившего на фоне пандемии COVID-19. Устойчивость профессии анализируется в традиции социологии жизненного пути (life-course sociology). Поколения учителей, входившие в профессию в разных социально-экономических и технологических условиях, различно воспринимают кризис и реагируют на него. В фокусе исследования — вопросы изменчивости и устойчивости профессии школьного учителя, взглядов учителей на преподавание, этос учительской профессии. Эти вопросы были актуализированы и рефлексивно проявлены в годы пандемии и «кризисного обучения». Поиск межпоколенческого транзита призван обозначить новые профессиональные ориентиры и критерии профессиональной устойчивости.

Профессия школьного учителя. Обзор литературы

Кризисные явления существенным образом влияют на трансформацию профессий и изменение карьерных траекторий людей. Пандемия COVID-19 смоделировала условия глобального социального, политического и экономического эксперимента, который затронул личную и трудовую жизнь, баланс работы и отдыха, мировоззрение и повседневные практики каждого жителя планеты, в том числе учителей (Абрамов Быков 2021: 9). В отечественной литературе выделены и описаны факторы, связанные с переживанием психологического стресса у учителей во время пандемии: нагрузка, личное и рабочее время, поддержка школы и другие (Петракова и др. 2021: 108). Однако изменения школы и профессии учителя в условиях COVID-19 могут быть рассмотрены не только в личностной, психологической, но и в институциональной логике.

На фоне пандемии появились исследования, посвященные профессии учителя, которые демонстрируют различные аспекты влияния пандемии на профессиональные аспекты деятельности. Так, в исследованиях затра-

гиваются вопросы результативности образовательного процесса в кризисных условиях (Оборин 2020: 159), бюрократизации образовательного процесса, вызванного пандемией (Абрамов и др. 2021: 138), рассматриваются цифровые аспекты социального неравенства, обострившиеся в процессе перехода к онлайн-обучению (Бекова, Терентьев, Малошонок 2021: 82). Учителя столкнулись с проблемой «кризисной цифровизации» — технологического обновления учебного процесса (Попов, Стрельникова, Григорьева 2023: 62). Педагоги были вынуждены перейти к онлайн-обучению, адаптировать уроки для онлайн-формата, научиться эффективно управлять учебным процессом, не находясь физически с учениками, поддерживать учеников в период стресса и эффективно коммуницировать с родителями.

Переход на интернет-технологии в образовательном процессе, необходимость осваивать различные онлайн-платформы, расширение функциональных обязанностей за счет программных алгоритмов, фрустрация относительно долгосрочной перспективы развития в профессии на фоне неудовлетворенности оплатой труда создали угрозу для устойчивости профессии учителя в кризисной ситуации пандемии (Akkermans, Richardson, Kraimer 2020: 121). Однако вопреки всему учительская профессия демонстрирует заметную устойчивость и адаптационную способность.

Устойчивость профессии традиционно оценивается в динамической взаимосвязи между индивидуальными и институциональными факторами. Профессия учителя связана с напряженным процессом, требующих значительных эмоциональных и когнитивных усилий (Beltman, Mansfield, Price 2011: 202). Исследования, проведенные в ряде экономически развитых стран, демонстрируют вариативность факторов формирования устойчивости. Так, исследование 160 австралийских учителей начальных и средних школ, проработавших в профессии до десяти лет, продемонстрировало, что в центре карьерной устойчивости педагогов (способствующей и устойчивости профессии) находится удовлетворенность работой и общая жизнестойкость (Arnup, Bowles 2016: 231). Показано, что фактором устойчивости является соответствие работы потребностям, ценностям и ожиданиям человека. Кроме того, на удовлетворенность работой влияют и внешние причины, в том числе материальные. Речь идет об условиях труда, размере заработной платы, удовлетворительном взаимодействии с учениками, позитивных отношениях в образовательном коллективе. Низкая удовлетворенность работой — надежный предиктор намерения и перспективы оставить профессию.

Весьма похожие результаты показывают исследования в Великобритании (Gu, Day 2013: 27). Опрос 300 учителей разного возраста и на разных

этапах их профессиональных карьер, реализованный в лонгитюдном режиме на протяжении трех лет подряд, показал, что карьерная устойчивость связана как с личными обстоятельствами, так и с организационными факторами. Ощущение определенности и устойчивости, надежности своей позиции воспринималось учителями как необходимое условие для поддержания способности преподавать. Позитивно на формирование устойчивости влиял школьный климат и отношения между учителями и учениками.

Оба исследования опираются на давнюю традицию исследований карьерной устойчивости (резильентности), корни которой лежат в психологии развития Ж. Пиаже, А. Бандуры, Л.С. Выготского. В последние годы эта традиция получила дополнительный импульс благодаря появлению культурно-исторической теории деятельности (cultural-historical activity theory, CHAT) (Pettersson 2021: 192). В центре этой традиции лежит идея развития личности, находящейся в определенном социально-культурном контексте, поэтому модель карьеры строится как стратегии личностного развития. В исследованиях, осуществленных в данной традиции, устойчивость индивидуальной профессиональной карьеры (career resilience) весьма косвенно связана с устойчивостью профессии (sustainability of profession) либо не связана с ней вообще. В некотором смысле устойчивость профессии или устойчивость человека в профессии может даже противоречить логике устойчивости карьеры. Однако нас, как социологов, в первую очередь интересует устойчивость профессии как структуры.

Профессия локализована и укоренена в историческом и культурном процессе, а ее морально-этическое ядро оказывается зависимым от этой укорененности. В профессии присутствуют представители разных поколений, в разных условиях воспитанные и вышедшие на рынок труда. В условиях высокой скорости социально-культурной динамики, исторических и культурных перемен, характерных и для российского общества конца XX — начала XXI в., оправданно предположить значительную дифференциацию поколений, пришедших в профессию учителя и социализированных в ней. В том числе это касается основного комплекса морально-этических норм. Поэтому можно говорить о разности типических моделей действия и профессиональной адаптации в кризисных условиях для разных поколений.

Поиск и понимание поколенческих сдвигов в европейской социологической практике связано с традицией социологии жизненного пути (life-course sociology). Один из ее современных представителей Карл Маейр (Mayer 2003: 472) обращает внимание на идею этапности человеческой жизни, предложенную в психологии развития. При этом он предприни-

мает попытку социологизировать эту идею, перенося фокус внимания с человеческой жизни на социальные структуры, динамика которых связана в том числе с поколенческими различиями. Понятие «жизненный путь» получает расширенную интерпретацию за счет перенесения основного внимания на общество и его институциональные элементы. Как институциональный уровень профессии, так и личный уровень учителя и его карьеры оказывается взаимосвязан в описанной логике психологии развития и социологии жизненного пути.

Исследование сосредоточено на изменении «этического ядра» профессии учителя. Мы исходим из того, что изменение этоса профессии связано в том числе с растянувшимся ввиду консервативности школы как института переходом от советской школы к постсоветской, однако серьезный импульс этому процессу придала пандемия COVID-19 и «кризисная цифровизация» школы, происходившая в период пандемии. Вопросы изменчивости и устойчивости профессии школьного учителя, взглядов учителей на преподавание, этос учительской профессии актуализированы и рефлексивно проявлены в годы пандемии и «кризисного обучения». Поиск межпоколенческого транзита призван обозначить новые профессиональные ориентиры и критерии профессиональной устойчивости.

Используемое нами разделение на «советское» и «постсоветское» поколение учителей весьма условно, особенно когда речь идет о качественных, а не о количественных данных. Принадлежность к этим поколениям определяется в том числе социализацией в разных культурных контекстах. Иными словами, поколения учителей, входившие в профессию в разных социально-экономических и технологических условиях, различно воспринимают кризис и реагируют на него. Устойчивость профессии, опирающаяся на ее ценностно-этическое ядро, определяется и проявляется в рутинной повседневности учителей, поэтому мы обращаемся к качественной исследовательской традиции. Основным источником данных стали результаты длительного многолетнего качественного наблюдения, реализованного группой исследователей в период наиболее острого распространения пандемии COVID-19.

Данные и метод

Статья содержит выводы, сформулированные на основе анализа материалов реализованного авторами исследовательского проекта, посвященного изучению особенностей внедрения цифровых практик в отечественное школьное образование глазами школьных учителей. Сбор качественных данных в формате полуструктурированных интервью осуществлялся в течение 2021–2022 гг., а информантами выступили учи-

теля столичных и региональных школ. В рамках исследования было проведено 28 интервью с учителями 5–11 классов, имеющими среднее специальное или высшее образование, в возрасте от 23 до 60 лет. Рекрут информантов проводился методом «снежного кома» с несколькими точками входа. Структурирование выборки качественного исследования отражает гетерогенность объекта и происходило по следующим основаниям:

- 1) регион — 17 учителей из московских школ и 11 — из региональных;
- 2) тип школы — 21 учитель из массовых школ и 7 — из элитных;
- 3) возрастная группа — 13 учителей в возрасте до 30 лет, 7 — в возрасте 31–40 лет, 8 — в возрасте от 41 года и старше;
- 4) пол — 15 учителей — женщины и 13 учителей — мужчины.

Кроме того, в выборку были включены учителя, преподающие разные дисциплины и имеющие различный стаж работы в школе. Гайд полуструктурированного интервью включал в себя блоки вопросов, посвященные опыту преподавания в целом и с использованием цифровых технологий, преимуществам и недостаткам цифровизации различных аспектов школьного образования, опыту преподавания во время пандемии и основным проблемам, с которыми столкнулись в этот период учителя. Также в гайде содержались вопросы об отношении к профессии и трансформации роли учителя в современной России, позволяющие делать выводы относительно устойчивости профессии учитель. Данные были собраны в рамках телефонного интервью, а также с использованием Zoom и Skype, транскрибированы и анонимизированы для последующего тематического анализа.

Результаты

Учительская профессия в России находилась под серьезным давлением в годы транзита от советской к постсоветской экономической модели (Хагуров, Остапенко 2014; Парабучев 2005). Составляющими этого давления стали низкая оплата труда, а также падение престижа профессии, которое, как показали в том числе наши интервью, тяжело переживается учителями из последнего советского поколения, по-прежнему сохраняющего свои профессиональные позиции в современной школе. Тем не менее постсоветская школа показывает неплохие результаты, что подтверждается международными количественными замерами (Кузьминов, Фрумин, Захаров 2011). В этом отношении можно говорить о доступной для наблюдения эмпирически «осязаемой» устойчивости не только индивидуальных карьер учителей (*career resilience*), но и профессии (*sustainability of profession*) в целом.

Мы предполагаем, что важной частью этой устойчивости является этос профессии, комплекс моральных нравственных представлений о профессиональной деятельности. Этот комплекс формировался и существовал в досоветское и с определенными изменениями в советское время, делая возможным преодоление кризисных периодов, наиболее острым из которых оказался постсоветский транзит. Однако в условиях кризисной цифровизации старый профессиональный этос оказывается под серьезным давлением и стоит перед необходимостью обновления. Поэтому основной вопрос, который будет рассмотрен в данном разделе, — в чем состоит этическое ядро профессии, обеспечивающее ее устойчивость, и как оно может изменяться с течением времени в новых исторических условиях.

В серии интервью в первую очередь мы уделяем внимание представителям старшего «советского» поколения учителей и нового молодого поколения, получившего образование и вышедшего на рынок труда в условиях постсоветской России. Такой ракурс позволяет отследить смещение в оценках профессии и собственной профессиональной деятельности и выявить основания для устойчивости как в условиях растянутого перехода от «советской» к «постсоветской» школе, так и на более коротком промежутке — в период кризиса, вызванного пандемией. Эти материалы дополнены несколькими интервью представителей «промежуточного» поколения, заставших советский строй на ученической скамье.

Ситуация пандемии создала отличные условия для социологического наблюдения. В нормальных, внекризисных, условиях можно выстроить эффективную систему преподавания как опосредованную компьютерными системами, так и без их использования. Ранний опыт компьютеризации школьного образования в странах Северной Европы показал скорее отрицательный результат в виде отсутствия прироста знаний на фоне высоких капиталовложений в компьютерное оборудование и переподготовку учителей (Biagi, Loi 2013; Agasisti, Gil-Izquierdo, Won Han 2020), поэтому цифровизация сама по себе не гарантирует повышение отдачи от образования. Таким образом, «доцифровая» школа могла бы существовать и показывать удовлетворительные результаты достаточно долго. Однако в условиях пандемии произошло вынужденное изменение учебного процесса, было введено опосредованное компьютерными системами удаленное обучение, что в конечном итоге привело не только к необходимости изменения профессиональных практик, но и дало основания для рефлексивной самооценки профессии учителя с установкой новых значимых ориентиров профессии.

Советское поколение учителей было носителем устойчивой традиции, восходящей к идеям Просвещения и «интеллигентской религии» (по опре-

делению Н.А. Бердяева) (Бердяев 1909). Уже в постсоветское время в социологической литературе было предложено детальное описание составляющих этой «интеллигентской религии», долгое время определявшей устойчивость российского учительского корпуса (Покровский 1999; Гудков, Дубин 2009). Среди этих ориентиров выделим гипертрофирование духовно-нравственных аспектов жизни (некрасиво иметь больше, чем того требуют профессиональные занятия и духовные интересы), неприятие внешних социальных условий и требование жесткой профессиональной автономии. Последнее связано с идеей особого положения учителя над учеником и его родителями, с требованием жесткой субординации и постоянного контроля, принимающего ритуализированные формы в рамках классной системы и требующего соприсутствия учителя и его ученика. Эта профессиональная форма была инкапсулирована в советской и постсоветской школе и связана с так называемой педагогикой направленного обучения, когда педагог имеет четкое и ясное представление о том, что желательно, а что нежелательно для обучающегося.

А сейчас смотрю на молодых [учителей], такое ощущение, что они как будто уже сюда деньги приходят зарабатывать. Для нас раньше учитель — это все-таки было божество (Инт. 7, жен., 37 лет, регион, стаж преподавания 13 лет).

У нас лет десять пропагандировался метод уровневой дифференциации. Все прекрасно понимали, что он... Ну, это временно всё. Вот кто это придумал, тот уйдет с поста и всё закончится. Сейчас у нас ФГОСы. Ну, ФГОСы, ну, ладно. Переживём и ФГОСы тоже. Но преподаю я ровно так же, как и много лет назад, потому что детям нужны знания (Инт. 18, жен., 56 лет, регион, стаж работы 34 года).

Удовольствие получаешь тогда, когда видишь результат, когда из девианта получается человек (Инт. 3, жен., 60 лет, Москва, стаж преподавания более 30 лет).

Эта морально-этическая парадигма на протяжении последних десятилетий подвергается эрозии, что связано и с общими социально-политическими изменениями в стране, и с попытками сделать учебный процесс более бюрократически контролируемым и технологичным. Материалы интервью позволяют констатировать проблему, связанную с падением престижа профессии учителя. Низкая заработная плата и сложные условия труда демотивируют молодых специалистов выбирать для своей

дальнейшей профессиональной траектории педагогическую деятельность в школе (Воробьева 2014). Восприятие профессии в общественном сознании серьезным образом изменилось с советских времен, равно как и отношение учеников и родителей к труду учителя. О наличии такого изменения заявляет так или иначе большинство опрошенных, однако наиболее остро — учителя региональных школ в возрасте от 41 года:

Профессия учителя последние, скажу сейчас сколько, лет десять... Об учителей стали вытирать ноги. <...> К нам приходят молодые, работают годик, получили зарплату семнадцать-восемнадцать тысяч, посмотрели, повернулись и ушли. А плюс еще и дают на него, плюс еще и орут на него, плюс еще и то, и родители (Инт. 18, жен., 56 лет, регион, стаж работы 34 года).

Вот мы обычно говорим детям: «Если не будешь учиться — будешь работать уборщицей». Вот так она (мама ученика) при мне своему ребенку сказала: «Если ты не будешь учиться, кем ты сможешь стать? Только учителем» (Инт. 18, жен., 56 лет, регион, стаж работы 34 года).

Цифровизация школьного обучения становится одним из весомых факторов этого изменения. Ее «шоковая» реализация в годы COVID лишь усилила, катализировала эффект. Результатом экстренной цифровизации стали социальные изменения. Так, она привела к частичному сбою сложившейся профессиональной иерархии и модели передачи опыта. Опытный учитель старшего поколения в новых условиях не может покровительствовать более молодым, роли представителей старшего и молодого поколений в значительной степени изменились как ввиду неодинаковой компетентности в области IT-технологий, так и ввиду разного отношения к учебному процессу.

У нас учителя уже такие, ну, как бы, возрастные. То они, в основном, просто там видео, например, искали, потом скидывали его, ну, детям на дистанционное обучение. Если смотрели, то потом им задание какое-нибудь отправляли. Ну, то есть в зуме у нас мало кто [из старших учителей] уроки проводил (Инт. 7, жен., 37 лет, регион, стаж преподавания 13 лет).

Мы начинали в семь часов утра, я садилась за компьютер и вставала в час-два ночи. Ну, мы просто мечтали скорее закончить дистанционку, чтобы выйти на очное обучение, потому что это было

невозможно. Хотя по большому счету ну, такое дистанционное обучение должно было как бы облегчить работу нам. Молодым это, конечно, дается проще. У нас много молодых в школе. Но есть еще и люди, которым уже семьдесят, но они работают. Очень хорошие учителя, очень достойные учителя. Они учатся, куда деваться-то? Хотя им это тяжело дается, согласитесь, ну, семидесятилетнему человеку это тяжело дается, но учатся (Инт. 18, жен., 56 лет, регион, стаж работы 34 года).

В период пандемии на фоне столкновения учителей с большим количеством новых профессиональных вызовов, среди которых и вынужденный переход образовательного процесса в дистанционный формат, обострилась проблема падения престижа учителя. Под вопросом оказывается позиция учителя как единственного интерпретатора и источника информации, важная для описанного выше «советского» профессионального этоса. Одно из наиболее заметных и болезненно воспринимаемых ее проявлений заключается во введении дистанционного формата обучения («дистант», «удаленка» на сленге учителей), которое стало причиной стресса для многих учителей (Петракова, Канонир, Куликова 2021). Этот формат значимо изменяет модели контроля учителя за работой ученика, фактически речь идет о частичном уходе от привычной для учеников и учителей классной системы с ее соприсутствием и отработанными техниками контроля. Цифровизация воспринимается как упрощение и серьезная проблема при работе с низкомотивированными/слабыми учениками.

С точки зрения вот психологического я бы не хотела такое повторять. Всё-таки контакт с детьми он должен быть вот более такой плотный, нежели вот визуальный через экран (Инт. 21, жен., 52 года, регион, стаж преподавания 25 лет).

Дистанционка — это, конечно, не обучение. Да, в экстренной ситуации можно, но чтобы заменить, допустим, да, чтобы заменить обучение на дистанционное, это, конечно, не то. Потому что есть мотивированные дети, а их не так много, которые действительно понимают, что это им нужно, они будут заниматься. А остальная масса, она не мотивирована и привлекать (неразборчиво) это будет не обучение, а так, показательные выступления. Я дополнительные занятия провожу в зуме, они с удовольствием всё это (принимают). Я приспособила всё это, и доски и всякие приспособления, то есть мы научились этому, и это, конечно, большой плюс (Инт. 18, жен., 56 лет, регион, стаж работы 34 года).

В условиях цифровой школы меняется представление о том, каковы границы профессиональной автономии учителя. Урок может быть записан и становится «прозрачным» как для родителей учеников, так и для контролирующих учебный процесс методистов и чиновников. Изменение этих границ и формирования нового онлайн-соприсутствия оказываются достаточно болезненным опытом как для представителей «советского» поколения учителей, так и для молодого поколения.

Я знаю, коллегу, у которого возник конфликт с родителем, который тоже был учителем. Коллега — учитель математики. Учитель математики, у него каждый урок превратился в экзамен. [К уроку] подключался родитель, который все там писал какие-то жалобы. В итоге выяснялось, насколько методически обоснованы эти жалобы, насколько не обоснованы. Стал подключаться главный методист по математике от школы и кто-нибудь из администрации. <...> Не дай бог, ты, там, повысишь голос, так, как ты обычно повышаешь на уроках, что уже нормально. Я уже не говорю о том, что каждый из нас допускает какое-то количество, там, минут непрофессионального поведения (Инт. 9, муж., 29 лет, Москва, стаж преподавания около 7 лет).

Проявляются новые ориентиры, оставляющие возможность эффективной работы учителя и школы. На смену просветительской миссии, жесткой автономии и иерархичности приходят профессиональная и технологическая лабильность, адаптивность, становящиеся характеристиками молодого поколения учителей. Эта лабильность обеспечивает устойчивость школы и профессии в эпоху кризисного обучения. Ранее об этом заявлял ряд зарубежных исследователей (Collie, Martin 2016; Parsons et al. 2011; Collie et al. 2020), теперь мы можем зафиксировать данную тенденцию в отечественной школе:

Главное-знания, главное — экспертность. Главное — то, что человек представляет собой, как личность и как эксперт. То есть неважно есть ли у него там двадцать лет опыта, возможно, во-первых. Ну и, в-третьих, наверное, гибкость. Да, гибкость, возможность работать в различных форматах (Инт. 2, жен., 27 лет, Москва, стаж преподавания 3 года).

Слабый учитель, а учитель, который имеет только, видит только одну сторону, видит который одну траекторию, вследствие вот

этих современных изменений, он будет ломаться. И это достаточно неприятное зрелище, потому что я видела таких учителей. Это достаточно сложно. Ну, потому что он не может приспособиться к новой окружающей среде (Инт. 20, жен., 23 года, регион, стаж преподавания 2,5 года).

Новая устойчивость профессии формируется за счет как изменения (порой вынужденного) работы старого поколения, так и притока молодых учителей, социализированных в современной действительности. Новое ценностное и морально-этическое основание профессии позволяет формировать ее в новом ключе с высокой толерантностью к изменениям. Молодое поколение учителей склонно рассматривать пережитый техностресс как полезную «встряску», а перенос учебного процесса в онлайн-формат — как точку своего профессионального роста. Этот взгляд разделяют и некоторые учителя более старшего возраста:

Благодаря пандемии положительные моменты были. Многому научились учителя, во всяком случае я. Я о себе. Но я думаю, что многие тоже, потому что с техникой уже общаешься, ну, на «ты», не так, как раньше. Приходится, пришлось учиться (Инт. 4, жен., 53 года, регион, стаж преподавания 31 год).

Происходит и изменение положения учителя в учебном процессе, а также по отношению к ученикам и родителям учеников. Новый формат со-присутствия вынуждает учителей искать общий язык и менять традиционную иерархичность. Роль молодого учителя смягчена и читается как позиция «старшего товарища», направляющего и структурирующего образовательный процесс.

Мы со старшеклассниками на основе мультиков «Смешарики» как раз-таки изучали там правовые основы. Дистант показал, что дети цифрового поколения и нужно вот эту клиповую память, как бы это страшно не звучало, всё равно принимать к сведению (Инт. 20, жен., 23 года, регион, стаж преподавания 2,5 года).

Сейчас мы можем с детьми на одном языке говорить. Например, я там тоже в «Инстаграме» рилсы если снимаю, дети ко мне прибегают. Я им хоть... хоть с ними могу разговор поддержать. А, конечно же, по себе могу сказать, как ученица была, тяжело говорить с людьми, которое не понимают тебя, фыркают на твоё понимание совре-

менности. Это трудно. Сейчас учителя могут с детьми поговорить о чем-то общем (Инт. 5, жен., 23 года, регион, стаж преподавания 4 года).

Переход плавно от того, что учитель должен говорить не очень много... Да, мы с вами знаем, что всё-таки большую часть на уроке, большую часть времени должны говорить и работать дети, да, а не педагоги. Вот этот вот переход, который, кстати, произошел... в последние лет десять. Когда еще я учился в школе, такого не было. <...> Эти изменения, мне кажется, они на пользу идут, потому что ребята больше вовлечены в процесс и им нравится, что они участвуют, взаимодействуют, и это повышает интерес самого урока и самих детей (Инт. 10, муж., 26 лет, Москва, стаж преподавания 3 года).

Отмечаемая лабильность в условиях вынужденных кризисных изменений в период COVID-19 характерна как для молодых, так и для старших учителей. В этом отношении следует говорить о новых параметрах профессиональной устойчивости, поиск которых происходил в период кризисной адаптации. До конца не очевидно, станут ли «ковидно-кризисные» ориентиры профессии устойчивыми и воспроизводящимися или же произойдет откат к предыдущей модели (как это уже частично произошло с учебным процессом, принявшим традиционную форму). Тем не менее процесс технологического изменения системы образования следует рассматривать не как спорадическое отступление от канона, а как фундаментальную тенденцию в жизни школы. В этом отношении новая профессиональная модель, обеспечившая надежный транзит в кризисный промежуток, вполне может показать черты устойчивости.

Заключение

На протяжении длительного времени в Новой и Новейшей отечественной истории ядром учительской профессии был особый профессиональный этос, ключевые ориентиры которого позволили обеспечить стабильность для профессии в десятилетия постсоветского транзита, когда обновление учительского корпуса происходило весьма скромными темпами. Среди важнейших параметров этого этоса была убежденность в том, что профессия представляет собой особую гуманистическую просветительскую миссию, учителя же выступают подвижниками, отказываясь от материальных благ и требуя взамен жесткую профессиональную автономию (независимость от социально-политической конъюнктуры), строгую иерархичность позиции учителя («уважение») по отношению

к ученикам и родителям, опирающуюся на традиционную классную систему и отработанные ритуализированные системы контроля и оценивания знаний.

Процесс технологического изменения школы, резко ускорившийся в условиях ковидной пандемии, ставит перед учительской профессией задачи по методическому и содержательному обновлению. Этот кризис носит новый характер, резко отличный от проблем и кризисов прошлых десятилетий. По этой причине старая этическая парадигма оказывается в состоянии эрозии, и учителя вынуждены искать новые ориентиры для профессии, которые обеспечат устойчивость морального профессионального ядра в кризисные и посткризисные годы. Ставшие широко доступными во время пандемии онлайн-ресурсы «цифровой школы» (РЭШ, МЭШ и т.п.), новые форматы удаленного преподавания и контроля, новые модели взаимодействия с родителями и методистами — вот ключевые содержательные изменения, формирующие контуры обновленного профессионального этоса.

Эти новые, опирающиеся на технологический сдвиг контуры обозначают устойчивость как лабильность и адаптивность, а не как жесткость и неизменность. Учитель утрачивает возможность быть единственным носителем «авторитетного знания» (Бурдье, Пассрон 2007) и меняет стратегию «педагогического воздействия», покидая утопическую раблезианскую Телемскую обитель. Это, впрочем, не означает модификацию функции школы по воспроизводству социальной структуры и классового неравенства, однако этот вопрос остается за рамками данного исследования.

В рамках старой профессиональной модели большое значение, как практическое, так и символическое, имел наработанный годами индивидуальный опыт. Он, с одной стороны, позволял сохранять высокий уровень автономии, а с другой — помогал выстраивать иерархии учитель-ученик и опытный учитель — молодой учитель. С появлением профессиональных онлайн-ресурсов эта модель меняется на другую, в рамках которой лучшие и эффективные практики (причем проверенные опытом многих) фиксируются онлайн, доступны всем и сразу, а также способны быстро меняться. В рамках такой «сетевой» системы новым критерием профессионализма становится быстрота реакции на изменения, в том числе это касается методик и стратегии преподавания, а также — более локально — наполнения каждого отдельного урока. Позиция учителя *над* (учеником, учебным процессом, родителями) сменяется на позицию *с* или *вместе*, что подразумевает отказ от идеи «особой касты», пользующейся высшим уважением и авторитетом.

Пока рано говорить о том, насколько устойчивыми и живучими окажутся выработанные в годы кризиса профессиональные ориентиры. В значительной степени это будет зависеть от уровня проникновения цифровой реальности в учебный процесс, чему школа в нашей стране традиционно сопротивлялась (отсюда и отказ от ряда цифровых практик, включая удаленное преподавание, после завершения пандемии). В ближайшей и среднесрочной перспективах вероятнее всего ожидать появления «гибридного» профессионального этоса, сочетающего черты старого «ригидного» и нового «лабильного» ценностно-этического ядра.

Литература/References

Абрамов Р.Н., Быков А.В. (2021) Мир профессий в контексте труда и занятости: пандемическое и цифровое вертиго. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3: 4–20. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.2001>.

Abramov R.N., Bykov A.V. (2021) *Mir professij v kontekste truda i zanyatosti: pandemicheskoe i cifrovoe vertigo* [The World of Professions in the Context of Labor and Employment: Pandemic and Digital Vertigo]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 3: 4–20. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.2001> (in Russian).

Абрамов Р.Н., Груздев И.А., Захарова У.С., Терентьев Е.А. (2021) Преподаватели российских вузов в условиях пандемийной цифровизации: между автономией и контролем. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3: 134–154. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1985>.

Abramov R.N., Gruzdev I.A., Zakharova U.S., Terentyev E.A. (2021) *Prepodavateli rossijskikh vuzov v usloviyakh pandemijnoj cifrovizacii: mezhdru avtonomiej i kontrolem* [Teachers of Russian Universities in the Context of Pandemic Digitalization: Between Autonomy and Control]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 3: 134–154. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1985> (in Russian).

Бекова С.К., Терентьев Е.А., Малошенок Н.Г. (2021) Образовательное неравенство в условиях пандемии COVID-19: связь социально-экономического положения семьи и опыта дистанционного обучения студентов. *Вопросы образования*, 1: 74–92. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-1-74-92>.

Bekova S.K., Terentyev E.A., Maloshonok N.G. (2021) *Obrazovatel'noe neravenstvo v usloviyakh pandemii COVID-19: svyaz' social'no-ekonomicheskogo polozheniya sem'i i opyta distancionnogo obucheniya studentov* [Educational inequality in the context of the COVID-19 pandemic: the relationship between the socio-economic status of the family and students' experience of distance learning]. *Voprosy obra-*

zovaniya [Educational issues], 1: 74–92. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-1-74-92> (in Russian).

Бердяев Н.А. (1909) Философская истина и интеллигентская правда. *Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции*. М.: тип. Саблина.

Berdyayev N.A. (1909) *Filosofskaya istina i intelligentskaya pravda* [Philosophical truth and intelligentsia truth]. In: *Vekhi. Sbornik statej o russkoj intelligencii* [Milestones. Collection of essays on the Russian intelligentsia]. Moscow: tipografia Sablina (in Russian).

Бурдье П., Пассрон Ж.-К. (2007) *Воспроизводство: элементы теории системы образования*. М.: Просвещение.

Bourdieu P., Passeron J.-C. (2007) *Vosproizvodstvo: elementy teorii sistemy obrazovaniya* [Reproduction: elements of the theory of the education system]. Moscow: Prosvechsheniye (in Russian).

Воробьева И.В. (2014) Престиж профессии учителя. *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*, 4: 247–254.

Vorobyova I.V. (2014) *Prestizh professii uchitelya* [The prestige of the teaching profession]. *Vestnik RGGU. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedeniye»* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series “Philosophy. Sociology. Art Criticism”], 4: 247–254 (in Russian).

Гудков Л.Д., Дубин Б.В. (2009) *Интеллигенция. Заметки о литературно-политических иллюзиях*. М.: Изд-во Ивана Лимбаха.

Gudkov L.D., Dubin B.V. (2009) *Intelligenciya. Zametki o literaturno-politicheskikh illyuziyah* [Intelligentsia. Notes on Literary and Political Illusions]. Moscow: Ivan Limbakh Publishing House (in Russian).

Кузьминов Я.И., Фрумин И.Д., Захаров А.Б. (2011) Российская школа: альтернатива модернизации сверху. *Вопросы образования*, 3: 5–54.

Kuzminov Ya.I., Froumin I.D., Zakharov A.B. (2011) *Rossijskaya shkola: al'ternativa modernizacii sverhu* [Russian School: An Alternative to Modernization from Above]. *Voprosy obrazovaniya* (Educational Issues), 3: 5–54 (in Russian).

Оборин М.С. (2020) Влияние пандемии COVID-19 на образовательный процесс. *Сервис в России и за рубежом*, 14(5): 153–163.

Oborin M.S. (2020) *Vliyanie pandemii COVID-19 na obrazovatel'nyj process* [The Impact of the COVID-19 Pandemic on the Educational Process]. *Servis v Rossii i za rubezhom* [Service in Russia and Abroad], 14(5): 153–163 (in Russian).

Парабучев А.И. (2005) Учитель в эпоху общественных трансформаций — к автопортрету профессии. *Вопросы образования*, 4: 246–259.

Parabuchev A.I. (2005) *Uchitel' v epohu obshchestvennyh transformacij — k avtoportretu professii* [Teacher in the Era of Social Transformations — Towards a Self-Portrait of the Profession]. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Issues], 4: 246–259 (in Russian).

Парсонс Т. (1998) *Система современных обществ*. М.: Аспект Пресс.

Parsons T. (1998) *Sistema sovremennyh obshchestv* [The System of Modern Societies]. Moscow: Aspect Press (in Russian).

Петракова А.В., Канонир Т.Н., Куликова А.А., Орел Е.А. (2021) Особенности психологического стресса у учителей в условиях дистанционного преподавания во время пандемии COVID-19. *Вопросы образования*, 1: 93–1141.

Petrakova A.V., Kanonir T.N., Kulikova A.A., Orel Ye.A. (2021) Osobennosti psikhologicheskogo stressa u uchiteley v usloviyakh distantsionnogo prepodavaniya vo vremya pandemii COVID-19 [Features of psychological stress in teachers in the context of distance teaching during the COVID-19 pandemic]. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Issues], 1: 93–1141 (in Russian).

Петракова А.В., Канонир Т.Н., Куликова А.А. (2021) Особенности психологического стресса у учителей в условиях дистанционного преподавания во время пандемии COVID-19. *Вопросы образования*, 1: 93–114.

Petrakova A.V., Kanonir T.N., Kulikova A.A. (2021) Osobennosti psikhologicheskogo stressa u uchiteley v usloviyakh distantsionnogo prepodavaniya vo vremya pandemii COVID-19 [Features of psychological stress in teachers in the context of distance teaching during the COVID-19 pandemic]. *Voprosy obrazovaniya* [Educational issues], 1: 93–114 (in Russian).

Покровский Н.Е. (1999) Прощай, интеллигенция. На перепутье (Новые Вехи). М.: Логос.

Pokrovsky N.E. (1999) *Proshchaj, intelligenciya* [Goodbye, intelligentsia]. In: Na pereput'e (Novye Vekhi) [At the crossroads (New Milestones)]. Moscow: Logos (in Russian).

Попов Д.С., Стрельникова А.В., Григорьева Е.А. (2022) Цифровизация российской средней школы: отдача и факторы риска. *Мир России*, 31(2): 26–502.

Popov D.S., Strelnikova A.V., Grigorieva E.A. (2022) *Cifrovizaciya rossijskoj srednej shkoly: otдача i faktory riska* [Digitalization of Russian secondary school: returns and risk factors]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], 31(2): 26–502 (in Russian).

Попов Д.С., Стрельникова А.В., Григорьева Е.А. (2023) Учителя в условиях «кризисной цифровизации»: на пороге «нового луддизма»? *Социологический журнал*, 1: 55–771.

Popov D.S., Strelnikova A.V., Grigorieva E.A. (2023) *Uchitelya v usloviyakh «krizisnoj cifrovizacii»: na poroge «novogo luddizma»? [Teachers in the context of “crisis digitalization”: on the threshold of a “new Luddism”?]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological journal], 1: 55–771 (in Russian).*

Хагуров Т.А., Остапенко А.А. (2014) Реформа образования глазами учителей и преподавателей. *Социологические исследования*, 11: 103–1073.

Khagurov T.A., Ostapenko A.A. (2014) *Reforma obrazovaniyami glazami uchiteley i prepodavateley* [Education reform through the eyes of teachers and lecturers]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* (Sociological research), 11: 103–1073 (in Russian).

Agasisti T., Gil-Izquierdo M., Won Han S. (2020) ICT use at home for school-related tasks: what is the effect on a student's achievement? Empirical evidence from OECD PISA data. *Education Economics*, 28(6): 601–620.

Akkermans J., Richardson J., Kraimer M.L. (2020) The Covid-19 crisis as a career shock: Implications for careers and vocational behavior. *Journal of Vocational Behavior*, 119, Article 103434.

Arnup J., Bowles T. (2016) Should I stay or should I go? Resilience as a protective factor for teachers' intention to leave the teaching profession. *Australian Journal of Education*, 60(3): 229–244.

Beltman S., Mansfield C., Price A. (2011) Thriving not just surviving: A review of research on teacher resilience. *Educational Research Review*, 6(3): 185–207. <https://doi.org/10.1016/j.edurev.2011.09.001>.

Biagi F., Loi M. (2013) Measuring ICT Use and Learning Outcomes: evidence from recent econometric studies. *European Journal of Education*, 48(1): 28–42.

Collie R.J. et al. (2020) Adaptability among science teachers in schools: A multi-nation examination of its role in school outcomes. *Teaching and Teacher Education*, 95, Article 103434.

Collie R.J., Martin A.J. (2016) Adaptability: An important capacity for effective teachers. *Educational Practice and Theory*, 38(1): 27–39.

Durkheim E. (1958) *Professional Ethics and Civic Morals*. Bristol: Burleigh Press.

Gu Q., Day C. (2013) Challenges to teacher resilience: conditions count. *British Educational Research Journal*, 39(1): 22–44.

Mayer K. (2003) The sociology of the life course and lifespan psychology: diverging or converging pathways. In: Staudinger U.M., Lindenberger U. (eds.) *Understanding human development: dialogues with lifespan psychology*. New York: Springer: 463–483.

Parsons S.A. et al. (2011) The case for adaptability as an aspect of reading teacher effectiveness. *Voices from the Middle*, 19(1): 19–23.

Pettersson F. (2021) Understanding digitalization and educational change in school by means of activity theory and the levels of learning concept. *Education and Information Technologies*, 26: 187–204.

SUSTAINABILITY OF THE HIGH SCHOOL TEACHING PROFESSION IN RUSSIA: CASE STUDY AMID THE COVID-19 PANDEMIC

Dmitry Popov (dmtrppv@gmail.com),
Ekaterina Grigoryeva (yreewda@gmail.com),
Daria Shestakova (shestakova.darya@mail.ru)

Institute of Sociology of the FCTAS RAS, Moscow, Russia

Citation: Popov D., Grigoryeva E., Shestakova D. (2024) Faktory ustoychivosti professii uchitelya v period transformatsiy na fone pandemii COVID-19 [Sustainability of the high school teaching profession in Russia: case study amid the COVID-19 pandemic]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(3): 196–215 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.3.7>. EDN: ICOCWO

Abstract. Embedded in Russian social reality school teacher profession has been demonstrating its crisis condition throughout the post-Soviet decades. In Russian research papers the problems of aging of the teacher corps, low competence, low economic returns from labor, and declining professional prestige were described among other things (e.g. the COVID-19 epidemic has become a significant challenge for schools and the teaching profession). However, against this background, we observe relative stability of the teacher profession in the country. This situation requires to hypothesize that there are factors and causes which allow to overcome crisis both at individual and institutional levels. This study is based on a long-term series of interviews with teachers conducted during the so-called “emergency learning”, throughout the years of coronavirus widespread. The article shows that the ethical core of the teaching profession in Russia ensured stability of the profession during the years of transit from Soviet to post-Soviet society. However, in COVID-19 years this professional ethos, which dates back to the ideas of the Enlightenment, has been in a state of visible erosion. Teachers, especially those of younger generations, were forced to look for new professional landmarks and new substance of professional ethos. Sustainability of the modern teaching profession in Russia, including the efficiency of its reproduction, depends on the success or failure of the ethos change and transition. The contours of the new ethos, which is dependent today on technological change, are formed by the ideas of lability rather than rigidity, stability comes from productivity, adaptability and reaction speed.

Keywords: the teaching profession, ethos of the teaching profession, professional sustainability, life-course sociology, digitalization, high school tech transformation.

ВОСПИТАТЕЛЬ-МУЖЧИНА ДЕТСКОГО САДА: КЕЙС-СТАДИ ОБЩЕСТВЕННОГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСОВ 1980-х ГОДОВ В СССР

Елена Михайловна Колесникова¹ (kolesnikova@mail.ru),
Ирина Александровна Куденко² (irkudenko@googlemail.com)

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

² Куденко консалтинг — глобальные услуги по оценке и исследованиям,
Ганновер, Германия

Цитирование: Колесникова Е.М., Куденко И.А. (2024) Воспитатель-мужчина детского сада: кейс-стади общественного и профессионального дискурсов 1980-х годов в СССР. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(3): 216–249.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.3.8>. EDN: IGCJWT

Аннотация. Социальное положение профессии воспитателя детского сада часто проблематизируется в общественном, политическом и научном дискурсе практически по всему миру и в России, но опыт российских воспитателей-мужчин остается без должного внимания. Мы обращаемся к анализу дискурса вокруг одного из первых воспитателей-мужчин, который оказался в центре публичной дискуссии 1980-х годов относительно статуса профессии воспитателя детского сада и места мужчины в ней, а также внутри корпоративного дискурса о «женской» работе и профессионализации. Эмпирическую базу исследования составили тексты статьи об одном из первых воспитателей-мужчин в газете «Известия» в 1986 г. и писем читателей, написанных под впечатлением от статьи, а также материалы интервью с основным действующим лицом. Несмотря на то что общественность и коллеги, по существу, не сомневались в способности мужчины выполнять обязанности воспитателя в детском саду, они по-разному оценивали уникальность мужчины как педагога и необходимость его для детей, профессионального сообщества и общества в целом. Важно, что представления о воспитателях-мужчинах не существуют изолированно, а строятся на мнении о профессии в целом и ее статусных характеристиках в частности.

Ключевые слова: социология профессий, социология образования, воспитатель дошкольного учреждения, воспитатель-мужчина, российское дошкольное образование, гендерные стереотипы, воспитание и обучение детей младшего возраста (ECEC).

Социальное положение профессии воспитателя детского сада обсуждается в общественном, политическом, научном дискурсах в России, так как, с одной стороны, дошкольному этапу развития новых поколений придается все большее значение, а с другой — профессионалам этой сферы по-прежнему не удается достичь высокого социального статуса. При этом такой аспект, как гендерный дисбаланс кадров, практически не анализируется, а профессия традиционно считается «женской». Опыт российских и советских воспитателей-мужчин остается без внимания, в то время как в социологической литературе других стран аналогичные исследования представлены достаточно широко. Сложившаяся ограниченность не позволяют сопоставить процессы профессионализации в дошкольном образовании в российском контексте с мировыми трендами в полной мере и выявить их особенности. Целью статьи является рассмотрение дискурса о воспитателях-мужчинах как части дискурса о статусе профессии в определенном историческом контексте, который сочетал в себе профессионализацию воспитателей детского сада и сферы дошкольного образования и хотя нечастые, но уже не единичные попытки мужчин выстраивать профессиональную биографию воспитателя. В частности, нас интересует, как в дискурсе о воспитателях-мужчинах 1980-х годов находит отражение процесс профессионализации советского дошкольного образования и воспитателей детских садов. Дополнительно проводится сопоставление с актуальным дискурсом о воспитателях-мужчинах.

Теоретико-методологические основания

Теоретической рамкой исследования и статьи выступает неовеберовский подход, в основе которого лежат идеи М. Вебера и понимание профессиональных групп как статусных, как такой формы занятий, которой свойственна связь между высоким уровнем образования и высокими социальными позициями и/или вознаграждениями, а успех зиждется на том, что профессии удастся убедить государство и общество в том, что профессионализация желательна (Сакс 2020). Соответственно рассматривается система аргументов, которая сопровождает профессионализацию воспитателей.

Анализ процессов «профессионализации» (professionalization) как коллективной социальной мобильности профессиональных групп от статуса «занятий» (occupations) к статусу «профессии» (professions) предполагает продвижение к социально-экономическому слою, часто характеризующемуся как образованный средний класс (educated middle class); учет возможности депрофессионализации, т.е. обратного движения; а также того факта, что контекст (де)профессионализации имеет решающее зна-

чение, так как достижение/утрата статуса «профессии» стимулировано разными факторами для разных групп профессий (Abbott 1993; Brante 1988; Brante 2013; Etzioni 1969). Профессионализация — это длительный процесс, не однонаправленный и не выполняющийся по шаблону. Для профессионализации важно усложнение научной базы, внедрение систематического образования и профессиональной подготовки, требований к формальным удостоверениям для ведения практики и стремления к автономии по отношению к государству. Кроме того, необходимо развитие специализации, связанной с дальнейшим образованием, и конкретных путей карьерного роста, основанных на возрастающих квалификационных требованиях. Также важно формирование идеологии, подчеркивающей, что профессия действительно является профессией. Качественные трансформации социального контекста меняют требования к профессиональным практикам и практикующим специалистам как у общества в целом, так и среди профессионалов. Отражением таких перемен становятся изменения в размере и структуре профессиональных групп в целом и его гендерном составе в частности (Brante 2013).

Профессия воспитателя детского сада и сама сфера дошкольного образования относятся к «новым» профессиям, вступившим в активную фазу профессионализации в основном в XX в., и при анализе необходимо учитывать, что контекстом их продвижения к статусу «профессии» было распространение социальных государственных услуг и история развития как «женского» труда, который символически и статистически был прерогативой женщин. Соответственно анализ актуальной литературы выстроен с точки зрения того, в каком контексте в исследованиях о дошкольном образовании появляются воспитатели-мужчины как объект изучения и как в литературе о воспитателях-мужчинах находит отражение процесс профессионализации дошкольного образования и воспитателей.

Обзор литературы

Дискуссию о статусе воспитателя в ECEC¹, особенно в тех странах, где было типично доминирование нерегулируемого и низкооплачиваемого частного сектора, отнесение ухода и воспитания детей к вопросам частной семейной жизни и решение их за счет гендерного разделения труда и час-

¹ ECEC (Early Childhood Education and Care) — официальный термин, используемый в ЕС и Великобритании, который описывает формальное и неформальное обучение детей до возраста начала обязательного начального образования (который колеблется в разных странах от 4 до 7 лет). См.: [<https://education.ec.europa.eu/education-levels/early-childhood-education-and-care/about-early-childhood-education-and-care>].

тичной занятости матери, можно описать вопросом: воспитатель — это все еще занятие (occupation) или это уже профессия (profession)? Исходно такая работа чаще приравнивалась к замещению роли матери, пока она находится на оплачиваемой работе; низкий статус занятия (occupation) был естественным продолжением понимания ЕСЕС как «неполноценной работы», для выполнения которой нет необходимости проходить специальную подготовку, завершающуюся сертификацией и выдачей диплома о квалификации, а сама занятость чаще трактовалась как возможность для трудоустройства женщин из малообеспеченных групп населения (OECD 1998) (Cameron et al. 2002). Постепенно благодаря усилиям профессионального сообщества все большую популярность получала трактовка раннего образования как залога развития человеческого капитала в сочетании с профессионализацией ЕСЕС посредством утверждения высоких стандартов квалификации (степень бакалавра или магистра как допуск к практике), уникального набора знаний и отличительной профессиональной идентичности (Siraj-Blatchford et al. 2008; Cameron 2006), а также через улучшение качества рабочих мест и условий труда в секторе (OECD 1998; OECD 2006). Дискурс сместился от «занятия по присмотру и уходу» к «профессии в сфере образования», хотя источниками статуса профессии часто становились не классические способы повышения компетентности, а наставничество, обучение на рабочем месте, совместное профессиональное развитие (OECD 2019; OECD 2020).

Практически одновременно с распространением трактовки ЕСЕС как сферы образования, активизируется и внимание к кадровой политике с точки зрения опыта сотрудников-мужчин (Cameron 2006). Как результат, в зарубежной литературе значительное количество исследований посвящено анализу проблем, с которыми сталкиваются мужчины на этой работе. Обсуждается тема идентичности педагогов, особенно мужчин, как образцов подражания для детей во все усложняющемся обществе (Martino 2008). И если в теории сами участники образовательного процесса не могут четко определить, каким конкретно должен быть «мужчина в классе» и считают, что присвоение статуса «хороший педагог» не является результатом исключительно принадлежности к какому-то определенному полу (Sevier, Ashcraft 2009; Harris, Barnes 2009; Carrington et al. 2007), то фактически в профессии, связанной с заботой о детях, мужчины оказываются под пристальным вниманием в отношении близких контактов с детьми (Sargent 2000; Sargent 2013; Martin, Luth 2000; Hedlin et al. 2018); сталкиваются с предубеждением со стороны членов своей семьи и друзей (Erden et al. 2011) и гендерными стереотипами родителей воспитанников (Bonnett, Wade 2022; Wood, Brownhill 2018). Такой профессиональный

выбор часто трактуется как неортодоксальный как на индивидуальном, так и на более широком институциональном уровне (Bhana et. al. 2022). При этом часто неэффективность административных мер привлечения мужчин в педагогические профессии связана с непризнанием комплекса вышеописанных проблем (Mills et al. 2004), а сама подготовка будущих педагогов и преподавание в университетах поддерживают представления о работе в ЕСЕС как о «женской работе» (Kreitz-Sandberg 2013).

Актуальный российский дискурс относительно статуса воспитателя дошкольного образования отмечает во многом сходные проблемы профессионализации и «женского труда». Так, статус профессии связывается с постоянным совершенствованием работы педагогов дошкольного образования, повышением их квалификации, работой над стандартами практики, хотя сами педагоги часто проблематизируют условия труда, такие аспекты как соотношение нагрузки и заработной платы, престижа и лояльности на разных этапах карьеры (Кашуркина, Лукишина 2019; Колесникова 2016; Колесникова, Митрохина 2017; Новик, Твардовская 2020). Таким образом, несмотря на различия в развитии самого института и группы, достижения педагогического сообщества и науки, а также социальной политики периода СССР, в России эта профессия также испытывает существенные трудности с возможностью пользоваться привилегиями и престижем, высоким уровнем вознаграждения за труд.

В то же время, активно обсуждая проблемы «женской» профессии, российские исследователи обходят вниманием воспитателей-мужчин, работающих с детьми в дошкольном образовании, поэтому приведем кратко основные результаты авторского обзорного анализа актуальной ситуации, подробно представленной в отдельной публикации (см.: Kolesnikova, Kudenko 2023).

Во-первых, официальная статистика подтверждает, что доля мужчин среди воспитателей в России всегда оставалась крайне низкой, и с 2007 г. она ни разу не превышала 0,5 %. Но мужчины постепенно стали чаще занимать различные педагогические позиции в дошкольном образовании, а Москва оказалась регионом с самым высоким процентом всех педагогов-мужчин в дошкольном образовании (7,1 % в 2021 г., в то время как в среднем по стране данный показатель составил 0,7 %).

Во-вторых, контент-анализ публикаций текстов проекта «Институт групповых пап» (г. Москва) показывает: чтобы быть принятыми, воспитатели-мужчины должны доказать, что они не только столь же квалифицированы и компетентны, как их коллеги-женщины, но и от их присутствия следует ожидать дополнительного результата, который достигается за счет нарративов спорта и ролевых образцов для подражания.

В-третьих, в мнении студентов Института педагогики и психологии образования Московского городского педагогического университета (2022 г.) нарративы «образец для подражания» и «мужественность» явно доминировали, но им составил конкуренцию нарратив, который преуменьшает важность гендера и подчеркивает ценность профессиональной квалификации и навыков. В описании работы воспитателя-мужчины в дошкольном образовании респонденты одновременно подчеркнули его инновационный характер и выразили обеспокоенность по поводу признания мужчин равными в профессии. Напротив, их взгляды на работу в целом без учета пола работника были более практичными, приземленными, и центральное место занимали вопросы оплаты труда.

В-четвертых, директор Института педагогики и психологии образования МГПУ А.И. Савенков обратил внимание на то, что на численность мужского персонала в секторе дошкольного и начального образования влияли более широкие институциональные и экономические реформы, например в последнее время произошел сдвиг в дискурсе политики дошкольного образования с «ухода и присмотра» на «образование» и разработка профильных образовательных программ с более широкими перспективами карьерного роста.

В целом анализ литературы позволяет сделать вывод, что научный дискурс о воспитателях-мужчинах появляется и развивается по мере профессионализации дошкольного образования и воспитателей, продвижения из статуса «занятия» в «профессию», из сферы «присмотра и ухода» в «образование». В отечественной литературе практически не уделяется внимания анализу дискурса среди общественности и внутри профессионального сообщества о воспитателях-мужчинах. Профессионализация сферы дошкольного образования и воспитателей детских садов не рассматривается с точки зрения опыта воспитателей-мужчин.

Исторический контекст

Мы обратились к анализу одного из первых этапов истории воспитателей-мужчин в России — 1980-м годам. Этот период кажется нам важным, так как он ознаменовался не только экономическими реформами и началом перестройки в СССР, но и изменениями в сфере дошкольного образования, которые должны были постепенно менять статус и уровень образования воспитателя.

К этому моменту профессиональная группа педагогов дошкольного образования была уже значительна, и воспитатель стал основной фигурой, осуществлявшей педагогическое сопровождение ребенка в детском саду. С точки зрения общедоступности для детей из всех слоев населения

в большой многонациональной стране советское дошкольное образование не имело себе равных в мире, и за период с 1940 по 1983 г. число дошкольных учреждений увеличилось от 46 до 135,5 тысяч (Женщины в СССР 1985: 25). По количеству занятых рабочих и служащих дошкольное воспитание уступало только дневным общеобразовательным школам (Народное образование и культура в СССР 1989: 20–21). В 1988 г. в 147,4 тыс. дошкольных учреждений трудилось 1625 тыс. педагогических работников, из которых 1334 тыс. были воспитатели (Народное образование и культура в СССР 1989: 29, 42). Но для профессии оставались типичны и некоторые важные проблемы. В народном образовании именно у воспитателей дошкольного образования сохранялись самый низкий уровень заработной платы (Народное образование и культура в СССР 1989: 27) и самая низкая доля специалистов с высшим образованием (15,1 % в 1988 г., для сравнения у учителей — 77,4 %, педагогических работников во внешкольных учреждениях — 53,3 %, профессионально технических учреждениях — 53,9 %) (Народное образование и культура в СССР 1989: 42, 137, 144, 151). А также профессия воспитателя была наиболее феминизированной в народном образовании¹.

На данный период приходится и попытка стимулирования профессионализации воспитателей и всего дошкольного образования с точки зрения содержания труда. Несмотря на прогрессивность для своего времени, государственная программа дошкольного воспитания, да и сам режим дня в детском саду в СССР были чрезмерно регламентированы [Смирнова 2005]. Критика такого положения вещей и позиция ведущих педагогов² нашли свое отражение в решениях государства³, согласно которым детский сад все больше рассматривался как часть непрерывного

¹ Так как в советский период статистический учет воспитателей в дошкольном образовании в гендерном разрезе не велся, то возможно привести только косвенное подтверждение данного утверждения. В частности, Борису Верзубу, который считается первым в СССР мужчиной-воспитателем детского сада, пришлось в 1977 г. обращаться в Министерство образования для сдачи экзаменов для работы с дошкольниками по причине уникальности данного явления и отказа профильных профессиональных институтов принять его без специального разрешения (Мужчина-воспитатель с трудом пробился в профессию в СССР).

² Манифест «Педагогика сотрудничества». Первая публикация — «Учительская газета» от 18.10.1986 года [<http://freeschool.education/wp-content/uploads/2020/04/1986-g.-Manifest-Pedagogika-sotrudnichestva.pdf>] (дата обращения: 24.09.2023).

³ Концепция дошкольного воспитания (одобрена решением коллегии Гособразования СССР 16.06.1989 N 7/1) [https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_15714.htm] (дата обращения: 24.09.2023).

образования ребенка и связывался со школьным этапом, а за педагогами утверждалось право на творческую активность в профессии, свободный выбор содержания образования и методические исследования.

Одновременно происходят и определенные трансформации в трактовке гендерной проблематики. Для 1980-х годов в СССР распространенной становится дискуссия относительно избыточной нагрузки женщин в семье и обществе и недостаточном участии мужчин в воспитании детей (скрытая безотцовщина, пассивность быта отцов и т.д.) (Здравомыслова, Темкина 2007; Темкина, Роткирх 2002).

В целом в историческом контексте профессионализации воспитателей детского сада нужно отметить тенденции усложнения позднесоветского общества, появление новых акцентов в трактовке гендерных ролей, реформирование сферы дошкольного образования. Все эти факторы значимы при анализе дискурса о воспитателях-мужчинах как отражении процессов профессионализации позднесоветского дошкольного образования и профессии воспитателя.

Эмпирическая база и методы исследования

Мы сосредоточились не на институциональных аспектах профессионализации, а на сфере представлений о профессии. Один из первых воспитателей-мужчин оказался в центре большой публичной дискуссии 1980-х годов относительно статуса профессии воспитателя детского сада и места мужчины в ней, а также внутри корпоративного дискурса о «женской» работе и профессионализации, что и стало предметом нашего исследования.

Эмпирическую базу составили текст статьи «Кирилл Четвертаков из детского сада», тексты писем читателей, написанных под впечатлением и направленных в редакцию, которые впоследствии были переданы герою статьи и сохранились у него; также нами были использованы материалы неформализованного интервью с основным действующим лицом заметки Кириллом Викторовичем Четвертаковым, который в течении двадцати лет был воспитателем в московских детских садах. Статья была размещена в газете «Известия» от 12 июня 1986 г. (рис. 1). Интервью проводилось специально для этого исследования в 2023 г. Основная тема интервью — трудовая биография респондента в определенный период (1980-е годы). Основные блоки вопросов включали: выбор профессии, стратегия и сложности трудоустройства, коллеги и их вклад в формирование трудовой биографии, представления о профессии и профессиональная культуры коллег. Мы располагаем сканами 33 писем читателей: 5 критических (от двух мужчин и двух женщин) и 28 поддерживающих (от 15 женщин и от восьми мужчин).

Выбор метода единичного кейс-стади (Single Case Study) оправдан уникальностью случая. Ограничения, накладываемые методом, не позволяют говорить о репрезентативности результатов, но дают возможность более подробно описать проблему и сформулировать гипотезы для дальнейших исследований¹ (Flyvbjerg 2011).

Используя дискурс-анализ (Родина 2018), авторы рассматривают как в медиадискурсе, а также в интерпретациях общественности и самих практикующих педагогов представлены разные картины дошкольного образования, профессии воспитателя и воспитателей-мужчин в 1980-е годы. Дискурсы рассматриваются с точки зрения трактовки статуса воспитателя детского сада как профессиональной группы, в которой (не) уместно присутствие воспитателя-мужчины. Анализ всех текстов был исследовательским и открытым с точки зрения проблематики профессионализации труда воспитателя детского сада как теоретической основы. Процедура дискурс-анализа текстов писем заключалась в первоначальной классификации текстов с точки зрения трактовки (не)уместности мужчины в профессии воспитателя, затем выделялись повторяющиеся темы и интерпретировалось содержание аргументаций, темы связывались с теоретической основой. Интервью героя публикации можно считать его рефлексией относительно прошлого опыта, положения дел почти сорокалетней давности. Текст анализировался посредством выделения повторяющихся тем, которые связаны с проблематикой профессионализации воспитателей, темы связывались с теоретической основой. Результаты дискурс-анализа статьи и тестов писем, а также интервью с героем публикации использовались как взаимодополняющие для построения более общей картины восприятия профессии как обществом, так и самими профессионалами с точки зрения проблематики профессионализации. В частности, рассматривалось как в дискурсах о воспитателях-мужчинах 1980-х годов находит отражение процесс профессионализации советского дошкольного образования и воспитателей детских садов. Дополнительно проведено сопоставление с актуальным дискурсом о воспитателях-мужчинах.

Медийный дискурс: статья «Кирилл Четвертаков из детского сада»

Газета «Известия» — официальное печатное издание руководящих органов Советской власти, в частности Верховного Совета СССР — игра-

¹ Некоторые примеры исследований методом единичного кейс-стади см.: (Sumsion 1999; Demirkasimoğlu, Taşkın 2019; Hofman 2023; Goings, Davis, Britto, Greene 2017).

ла важную роль в формировании общественной повестки, презентации образов профессиональных сообществ и работников, в частности способствовала закреплению новой трактовки профессии воспитателя, востребованных эпохой социальных трансформаций 1980-х годов. Образ воспитателя-мужчины представлен в тексте статьи и фотографиях. Текст связывает выбор мужчиной профессии воспитателя с общим контекстом перемен в обществе посредством указания на трансформацию гендерной структуры профессиональных предпочтений. В частности, утверждается общепринятость гендерного разнообразия кадров в советском обществе 1980-х годов, тенденции нарушения бинарного деления между мужским и женским в труде, а в качестве примеров для женщин указываются профессии, связанные с работой с техникой (шофер, крановщик, космонавт), а для мужчин те, для которых была характерна в тот период автоматизация исходно «женского» ручного труда (дояр, птицевод).

На практике, сложности профессиональной стратегии воспитателя-мужчины сопрягаются именно с символическим приписыванием сферы воспитания детей дошкольного возраста к компетенции женщин. Трудоустройство описывается как сопряженное со сложностями по причине устоявшихся представлений и правил («велика сила традиции») и высокой ответственности руководителя («согласилась на свой страх и риск»). Само содержание труда воспитателя в тексте представлено с использованием описаний функционала по присмотру и уходу за детьми («вытереть носы», «помирить», «накормить», «уследить», «раздеть», «уложить спать», «рассказать сказку»), хотя и он позволяет работнику проявляет творческую инициативу («вечно придумывает для детей что-то новое, к каждому находит свой подход») и получить признание детей («любимец детворы», «дети за все платят сторицей»). В то же время на одной из трех фотографий герой представлен в контексте образовательной активности (ведет фронтальное занятие с детьми), а также указывается, что он заканчивает педагогическое училище. В тексте отсутствуют отсылки к роли мужчины в дошкольном образовании как «образца для подражания». Его присутствие в детском саду не требует оправдания, а задачи социализации не позиционируются как более существенные в случае воспитателя-мужчины, чем образовательные.

В целом воспитатель-мужчина преподносится исключительно в положительной трактовке и как символ перемен в обществе, он представлен компетентным и добродушным работником, достигшим успеха и достойным подражания. Читателю предлагается концепция детского сада как места с позитивной атмосферой, в которой есть возможность самореализации для воспитателя и развития для ребенка. В контексте профессио-

нализации по мере социальных трансформаций нарратив выраженной гендерной сегрегации профессий в целом и трактовки профессии воспитателя как исключительно «женской» устаревает и ему на смену должен прийти новый, в котором мужчина может выбирать для себя работу в детском саду и быть в ней эффективным, но процесс этот сложный и сопряжен скорее с противостоянием дискурсов внутри профессионального сообщества, чем с быстрой и легкой заменой.

Общественный дискурс: письма читателей в газету

Критика воспитателя-мужчины и проблематизация профессиональности занятия

В текстах «критических» писем осуждается нарушение устоявшихся норм рынка труда, и выбор мужчиной профессии воспитателя трактуется как неуместный, заслуживающий негативной моральной оценки. Проблематизируются и статус профессии, уровень дохода работников, что также считается свидетельством неадекватности выбора. Попытки нарушения ситуации доминирования женщин в профессии трактуется не просто как ущемление границ экспертности, но и как потенциальная угроза карьерным возможностям, так как экспертность приписывается по гендерному признаку, а отношения в труде классифицируются как строящиеся на соревновании, конкуренции с мужчинами.

Прочитала и подумала: какая цель газеты на передовой странице помещать такие заметки. Разве это очень хорошо, поощрять таких людей которые суют свой нос не в свое дело. Воспитатель детей испокон веков — это женское дело причем в дет садах. У нас столько специальностей мужских десятки тысяч, где можно найти свое место в жизни юношам и умственной и физической. <...> Женищина же это мать воспитатель это дано по природе миллионы лет не нами это заведено. <...> А девушки, окончившие 8–10 классов и желающие учиться, будут ждать конкурс. Конечно до недавнего времени не было большого конкурса. Сейчас поправили дело с зарплатой да и условия улучшили. Девушки охотно пойдут (Куйбышев, женщина, участница ВОВ, член КПСС) (Здесь и далее орфография, пунктуация и стиль респондентов сохранены. — Прим. ред.)

На первой странице поместили (фото) воспитателя Кирилла Четвертакова, которое несколько унижает мужское достоинство. <...> А этому молодому человеку я не завидую что он такой бедный

по профессии остался в жизни. Воспитатель в яслях и дет садах вовсе не мужская профессия (Самарканд, женщина, мать троих детей).

Когда было время учиться, Кирилл упустил его, а сейчас любыми путями надо иметь высшее образование, в чем вы помогли ему. То есть поступить в институт дошкольного образования. Вот и поползет ужом к нему. <...> Вышеупомянутые лица не имеют никакой мужской гордости. Тряпки (Борисов, мужчина).

Статья используется читателями и как повод для более общих выводов и замечаний в контексте изменений в экономике и обществе, социальной структуре в тот период, в частности баланса гражданских обязанностей и личного решения при выборе профессии. Профессия рассматривается не с точки зрения выгод для самого работника, неважно, с какими аспектами статуса они связываются (самореализацией или доходом), а со стороны последствий для общества. Выбор профессии молодым человеком на основании в первую очередь индивидуальных предпочтений оборачивается обвинениями в неисполнении гражданского долга, позиционируется как отказ возврата обязательств государству и обществу, которые обеспечили взросление молодого поколения. Получает неодобрение выбор юношами профессий, которые, с точки зрения авторов писем, не соответствует представлениям о труде, посредством которого мужчина мог бы максимально способствовать процветанию своей страны и обеспечить высокий социальный статус работнику, конвертироваться в привилегированное положение. Интерес мужчины к педагогике предлагается реализовывать в рамках отцовства, что не противоречит общественным интересам. В качестве аналога приоритета личного интереса над общественным приводятся примеры роста внимания молодежи, особенно юношества, к предпринимательству, которое позволяло претендовать на высокий социальный статус, но ставило под вопрос устоявшиеся иерархии профессий на советском рынке труда. Критике подвергается и газета, разместившая публикацию, так как она популяризирует такой выбор.

А стране так нужны рабочие руки, мыслящие головы, они же и защитники Родины и прогресс наука — это все мужчины. <...> Просто удивляюсь зачем было рекламировать в трех видах его. <...> Вот такое мое мнение. Не потому где легче, а где полезнее для Родины. Особенно сейчас. Когда во всех сферах идет ускорение. Пусть этот Четвертаков создает (если еще не создал) свою семью и дома после

садика воспитывает своих детей (Куйбышев, женщина, участница ВОВ, член КПСС).

На первой странице газеты вы дали отличную рекламу Кириллу Четвертакову. Продолжайте и дальше афишировать официантов, буфетчиков, лоточников и им равных (Борисов, мужчина).

...в технические вузы везде недобор. Вся молодежь, особенно парни, устремились в вузы торговли, экономики, преподавания, то есть гуманитарные. ...не хватает токарей, слесарей, фрезеровщиков, кузнецов и т.д. А они, оказывается, эти здоровые парни прогуливаются с малышами. А вы на страницах такой газеты как «Известия» пропагандируете это. Вы пройдите по Москве и увидите, что много молодых ребят торгуют с лотков, есть даже в банях молодые ребята. <...> Больше пропагандируйте те профессии, которые нужны стране (Ленинград, мужчина).

В данном дискурсе профессия воспитателя детского сада опосредованно или прямо позиционируется как простая работа, не требующая высокой квалификации, ответственности, низкодоходная, и мужчина, выбирающий ее, нарушает традиционные представления о стратегиях успеха «добытчика, кормильца» и переводится в статус если не «тунеядца», то «лентяя», избегающего тяжелого труда, вознаграждаемого высоким заработком, уважением и признанием. То есть работе воспитателя, по сути, присваивается статус «не работы». Показательно, что именно для этого дискурса характерен при описании труда воспитателя упор на обслуживающий труд, который традиционно ассоциируется с повседневной неоплачиваемой заботой, а не на образование дошкольников. Практически единственным условием, позволяющим оправдать такой профессиональный выбор для мужчины в «критическом» дискурсе, указываются проблемы со здоровьем.

Вот и мой внук 16-тилетний парень посмотрел на снимок и говорит, работа не пыльная пойду в воспитатели. Я ему говорю, что там маленький заработок, а он — родители работают, я у них один, помогу (Ленинград, мужчина).

Конечно, это дело не мужское, если бы он был не вполне здоров, по состоянию здоровья. А он ведь как дядя Степа красавец, да еще рост наверное 2 метра. И он такой кормит малышей и конечно же убира-

ет горшки и еще чтоб не было ему одному неловко пригласил друга. <...> Обидно за таких парней — им же все дороги открыты, не ленись, учись и работай (Куйбышев, женщина, участница ВОВ, член КПСС).

Я поняла так, что он большой лентяй. Пошел на такую работу среди детишек. Женщины и сами справятся с этой работой без него (Самарканд, женщина, мать троих детей).

Таким образом, в рамках «критического» дискурса профессиональный выбор мужчиной работы в дошкольном образовании ставится под сомнение, а самой профессии приписывается статус, низводящий ее до уровня не требующего квалификации. С точки зрения проблематики профессионализации предлагаемый в статье публичный дискурс профессии воспитателя не находит поддержки у части общества. Представленные в статье перемены в трактовке труда воспитателя в сторону «профессии» воспринимаются как новый и нетрадиционный канал мобильности, который получает отрицательную оценку, так как сам труд позиционируется этой группой читателей как низкостатусное занятие (occupation), выгоды которого для работника максимальны при сохранении его как «женского». Дискурс предлагает, что мужчина не может выбирать данную сферу как профессию, не ставящую под вопрос его мужественность или социальные позиции; его выбор не может быть оправдан, а интерес к педагогике может реализовываться только в рамках института семьи.

Одобрение воспитателя-мужчины и утверждение профессиональности занятия

Легитимация воспитателя-мужчины в текстах писем от граждан и коллег-педагогов с положительной оценкой активно связывается с позицией «педагога» и трактовкой дошкольного образования как подготовительного этапа для школы, или «ученого», и исследовательской деятельностью в области возрастной психологии и педагогики. Предполагается потенциальное продолжение карьеры воспитателя уже в рамках школы или интерпретация основного содержания труда как «учительского», что в обоих случаях предполагает символическое объединение с институтом, для которого типичны более высокий социальный статус и гендерно сбалансированная профессиональная группа. Воспитатель-мужчина описывается как работник, занятый интеллектуальной образовательной деятельностью, а не только «несложным» уходом и присмотром за ребенком. Также воспитатели-мужчины включаются в символическую цепочку

известных ученых-педагогов-мужчин и позиционируются как ее продолжатели в актуальной практике. В обоих случаях предполагается трактовка профессии воспитателя детского сада как экспертной деятельности, способной обеспечить общественное признание и статус.

И вот. Ура! Предвижу: так родится истинный учитель, способный, способный развить и мужское в мальчиках и женское в девочках. Bravo ребята. Берите эстафету Макаренко-Сухомлинский-Амонашвили. Дерзайте. Ваш практический опыт первооткрывателей в перспективе будет иметь значение и для жизни, и для науки (Нальчик, мужчина).

...как бы хотелось чтобы ваш почин нашел отклик в других городах нашей страны, ведь малыши так любят мужчин. И мне кажется, что ваш выбор в должности, есть что-то новое, прекрасное для продолжения своей должности (со временем) в школе. ... думаю, что ваши малыши в школе будут примерными во всем, оправдают вашу заботу и воспитание, которое они получили в детском саду... (Полтава, женщина).

Молодец сынок, так держать, мы все одобряем твой выбор работы. <...> У меня два сына... А сейчас тебе мои советы. ...это дети и подготовка к школе. Сам не справишься, если не будешь проводить родительские, хоть маленькие, собрания, где ты должен ставить в известность и требовать от родителей, чтоб они не баловали детей, а приучали так как надо. Так как ты с детьми... целый день, то учи их рисовать, и учи буквы писать, а главное обращай внимание как держать ручку... дети пойдут в школу и только тебе будет хвала. И вот с них не будет никакой тунядец (Краснодар, мужчина, ветеран).

Для писем коллег также характерен акцент на образовании, которое позиционируется как важнейший фактор профессионализации. Поступление в учебное заведение становится событием, маркером начала нового этапа в трудовой биографии и подтверждением ответственности и зрелости выбора. Обучение описывается как источник педагогических знаний и компетенций, недоступных вне экспертного сообщества, в обыденном опыте. Оно позволяет переоценить свои предыдущие педагогические практики, скорректировать их. Тем не менее в письмах присутствуют указания на выстраивание инфраструктуры системы профильного педа-

гогического образования с опорой на женский кадровый состав. Так, один из авторов сетует на невозможность получить место в общежитии студентов педагогического училища для мужчины не по причине их недостатка, а в силу исходной оценки такого события, как студент-мужчина, как невозможного, несоответствующего обычному порядку вещей. При этом на самих рабочих местах в детских садах такая проблема отсутствовала, рабочее место оказывалось более универсальным.

(первое письмо) ...Я такой же как и ты — счастливчик. В сад попал со второго раза, и не воспитателем — а нянем. Был им пол года и вот уже четвертый месяц воспитатель. <...> Единственное, что мешает мне работать — это отсутствие специального образования. (второе письмо) ...У меня в жизни большие изменения. Я поступил учиться в пед училище. <...> Учеба нравится, жаль только, что общежития не дают. Нет видите ли у них мужского. ...учусь во вторую смену, а перед учебой работаю в дет саду помощником воспитателя. Учась понял сколько знаний мне не хватало, сколько ошибок я допускал (Ташкентская обл., мужчина, педагог).

...я работаю учителем начальных классов. Мне интересно работать с детьми. 10 лет стаж работы (Таджикистан, мужчина, учитель начальных классов).

В «положительном» дискурсе мужчина часто позиционируется как источник особой концепции воспитания, отличной от женской, как воплощение ролевой модели, способной решить вопросы социализации детей, особенно мальчиков. Причинами востребованности воспитателя-мужчина признаются усложнение общества и общественных отношений, распространенность неполных семей и невовлеченность отцов в воспитательные практики в семье. При этом педагоги-женщины опосредованно или прямо трактуются как неспособные в полной мере справиться с задачами социализации в отношении всех детей.

Мне кажется, что воспитателя мужчину слушают дети больше, чем женщину. В современных семьях сейчас роль воспитателя играет мать, а отец редко бывает с детьми. И когда они приходят в детский сад и видят тебя в роли воспитателя, у них вырабатывается уважение, авторитет, к тебе, да и не только к тебе, а ко всем мужчинам, особенно к отцам, ласки которых им порой так не хватает (Тотьма, женщина).

Шаг этого парня оценит время. Я же скажу — хватит глобально-го женского воспитания. Оно конечно чудотворное, но... благодаря ему вырастают женоподобные мужчины, ибо с первых шагов они только и знали вкушать женскую ласку и внимание. Так медленно и верно вырождается мужское начало в мальчиках еще (Нальчик, мужчина).

У нас в интернате было очень мало мужчин, но вот к нам пришел воспитатель-мужчина. Мне очень повезло. Я попала к нему в группу. Я очень привязалась к нему. Полюбила его как отца (мой отец бросил нас когда я была еще маленькой). ...я решила, что пойду работать в школу, точнее в интернат или в детский дом. <...> Я всегда жалею только об одном, что я девчонка. Ведь вам мужчинам легче с ребятами, вы можете себе позволить быть более раскованными с ними (Московская область, женщина).

Таким образом, для «поддерживающего» дискурса типична стратегия повышения статуса профессии воспитателя детского сада посредством привязки к системе общего образования или научной деятельности и подчеркивания в основном содержании труда функционала, связанного с обучением. Дополнительным ресурсом воспитателя-мужчины указывается возможность быть «образцом мужской роли» для детей, особенно для мальчиков. В рамках проблематики профессионализации предлагаемый в статье публичный дискурс профессии воспитателя находит поддержку у части общества. Заявленные перемены в трактовке труда в сторону «профессии» воспринимаются как относительно новый канал мобильности, символически воспитатель присоединяется к более традиционно возможным для мужчины вариантам профессии учителя или ученого. Сам труд позиционируется как «профессия» (profession), построенная приоритетно на экспертных знаниях, а не на «женском» опыте. Дискурс предлагает вариант такого развития событий, в котором мужчина может выбирать данную сферу как профессию, не ставящую под вопрос его мужественность или социальные позиции. Его выбор может быть оправдан, в частности, возможностью быть примером в процессе социализации детей.

В целом материал не позволяет нам анализировать общественный дискурс с точки зрения доминирующего/подчиненного положения разных точек зрения, но мы выделили в нем разные трактовки, что дает возможность, во-первых, отметить его внутреннюю неоднородность, а во-вторых, рассмотреть, используемые разными группами мнений аргументы с точки зрения проблематики профессионализации. Предлагаемый газетной статьей публичный дискурс о воспитателе-мужчине находит как своих

сторонников, так и противников. Представление о статусе воспитателей (отнесение труда к занятиям /occupation/ или к профессиям /profession/) становится ключевым фактором в оценке приемлемости для мужчины выбирать данную профессию.

**Профессиональный дискурс:
воспоминания и рефлексия воспитателя-мужчины**

***Воспитатель-мужчина как маркер
стратегии профессионализации дошкольного образования***

На основе нарратива воспитателя-мужчины, ставшего героем статьи, анализируется дискурс самих воспитателей того времени с точки зрения процессов профессионализации, обусловленных трансформацией социального контекста. Как мы увидим, внутренне профессиональная группа не однородна по своим представлениям: сосуществуют одновременно трактовки профессии воспитателя как «женской работы», в которой мужчина неуместен, а также новая, в которой мужчина может выбирать для себя работу в детском саду и быть в ней эффективным.

Еще раз отметим, что изменения в социальном контексте дошкольного образования в советский период в 1980-х годах были неоднозначны. Сохранялся высокий спрос на специалистов, так как государство и непосредственные работодатели на местах (крупные предприятия и организации, ведомства и т.д.) реализовывали свои социальные обязательства перед гражданами и работниками. Государство и лидеры профессионального сообщества прилагали усилия по повышению престижа дошкольного образования. При этом отдача от труда в секторе дошкольного образования оставалась низкой. Эта ситуация создавала определенную специфику формирования кадрового состава данной профессиональной группы, а также стимулировала неоднородность представлений о профессии и ее статусе внутри профессионального сообщества.

Опыт первого трудоустройства героя статьи может служить примером столкновения с разными дискурсами о профессии среди руководителей внутри педагогического сообщества. В рассматриваемый исторический период кадровый состав воспитателей активно формировался за счет приглашения на работу скорее заинтересованных в работе соискателей, часто родственников воспитанников детских садов, а не исключительно выпускников профессиональных учреждений образования или педагогов с опытом. Поэтому, несмотря на то что на момент поиска работы мужчина был только студентом и не имел направления на работу, его ситуация не была принципиально отличной от условий, в которых оказывались

кандидаты-женщины. Решающим было мнение руководителей детских садов и профильных отделов РОНО, и трактовка дошкольного образования как сферы профессиональной экспертизы и карьеры стала основой приема на работу — «разрешения» допуска к профессии воспитателя для мужчины.

И пошли мы выбирать детский садик. <...> 15 детских садов обошли... Даже, по-моему 16. Нигде не брали. ...как могут не взять человека, который поступил в педагогическое училище. Тем более, что я взял уже справку, что я — студент первого курса педагогического училища. Формально отговорки были — у нас полный штат воспитателей. Хотя в то время нехватка воспитателей была очень большая. Тогда брали мам без (педагогического) образования, которым нужно было ребенка в детский садик устроить. Часто такое было. ... Поэтому мы то знали, что воспитателей нет. <...> И вот, пришли в один детский садик, где заведующей была Надежда Дюдяева... она меня взяла... как-то с доверием. <...> Тогда воспитателя на работу принимала не заведующая, а принимало РОНО. Это первые два года было, с 1985 по 1987 годы. <...> Меня вызвали в РОНО. Там все-таки сидели люди более грамотные. <...> Там не было этих глупых вопросов — Почему Вы пошли? Почему женщины идут? Что за глупые вопросы. <...> А были вопросы другого направления. Вы на каком курсе учитесь? Вы по какому направлению хотите дальше работать? Более интересные вопросы. Именно от грамотного человека.

Мнение непосредственно коллег о статусе профессии и уместности мужчины на этой работе также было важно, но проблематизировало оно скорее вопросы условий труда. Чрезмерную регламентацию работы воспитателя, о которой мы говорили выше, одни коллеги трактовали как вызов, приглашающий к творческому преодолению, другие — как норму и возможность обеспечить безопасность себе как работнику, а отклонение от программы в сторону новшеств, даже ориентированных на эффективную подготовку ребенка к школе или его развитие, преподносилось уже как избыточная активность, которая требовала значительных усилий и временных затрат. Если в первом случае принципиальное значение имела возможность роста социального статуса профессии посредством усложнения экспертизы и уместность воспитателя-мужчины, как, впрочем, и любого «новатора», не вызывала сомнений, то во втором — сохранение более низкого статуса компенсировалось возможностью экономии трудовых затрат, стабильностью и достижением баланса между работой и личной

жизнью, и здесь воспитатель-мужчина вызывал проблемы, так как для него дилемма «двойной нагрузки» была скорее неактуальна. Отметим, что для большинства женщин в условиях товарного дефицита 1980-х годов была важна организация рабочего времени таким образом, чтобы совмещать работу с покупками, домашними делами, выполнением семейных обязанностей (Здравомыслова, Темкина 2007; Темкина, Роткирх 2002).

И фраза — Вы должны быть как все. <...> Конечно, нужно быть как все. Нужно подчиняться законам внутреннего трудового распорядка. А получается, что воспитатель вышла на улицу гулять с детьми, а в магазине дают палтус и она... бежит за палтусом. <...> Но, я опять говорю, что ее можно понять. У нее семья. У нее... кормежка. <...> Если я буду как все, то я ничего нового не придумаю. А зачем я тогда пошел в это дело?

Если говорить обо мне, то я просто обходил многие сложившиеся детсадовские запреты. Например, детей нельзя выводить за территорию. А я выводил детей в парки, в скверы. Летом мы выносили во двор шланг и обливались водой, и у меня в группе никто не болел. И никогда они по парам не ходили. А многие меня и не по отчеству, а просто Кириллом называли, хотя при этом, без сомнения, уважали. <...> Хотя... много женщин, которые детям доверяют не хуже, чем мужчины. <...> Я... видел, что женщина великолепно держит дрель, работает лобзиком, пилой, забивает с детьми гвозди.

Соответственно для одних руководителей и коллег (мужчин и женщин) профессия воспитателя означала в первую очередь область специального экспертного знания, конвертируемого в социальный престиж, и выбор ее мужчиной, хоть и мог быть редким, но не неприемлемым, в то время как для других присутствие мужчины в дошкольном образовании осложняло исполнение профессиональных обязанностей и было нежелательным. В целом в опыте воспитателя-мужчины нашли отражение проблемы профессионализации дошкольного образования в СССР в 1980-е годы, а представления о статусе профессии руководства и коллег играли существенную роль в вопросах доступа мужчины к профессии и непосредственно работы воспитателем.

Воспитатель-мужчина как «универсальный» и «особенный» работник

Формально статус педагогического персонала дошкольных учреждений в советский период в целом, как мужчин, так и женщин, основывался

на изначальном доверии к власти профессиональной экспертизы и предполагал подчинение домашних практик воспитания нормам и правилам, утвержденным в государственной программе и реализуемым в детском саду. Так, типовая программа воспитания в детском саду, использовавшаяся Министерством просвещения РСФСР с 1962 по 1989 г., ставила фигуру воспитателя на первое место в образовательном процессе дошкольника, он трактовался как источник культурно-общественного опыта для ребенка и авторитет для родителей (Смирнова 2005). Статус получал подкрепление и посредством успехов в педагогической практике, которые помогали завоевывать неформальный авторитет в отношениях с родителями воспитанников.

Я помню свой первый день работы в детском саду. <...> Родители привели детей. Было интересно как родители посмотрят. Улыбки родителей. <...> Никаких лишних вопросов — Что? Почему? Как? Я не знаю предупредили ли родителей заранее, что у них будет воспитатель-мужчина. Но тогда как было — не было такого, чтобы все решал родитель, как это сейчас. <...> Раньше, если заведующая берет, если РОНО берет, то вопрос решен. Если меня взяли, то все. <...> У меня всегда было хорошо с родителями... Ты умеешь и ты ребенка научил.

В то же время в рамках педагогического дискурса «проблемного отцовства» и «неполной семьи», воспитатель-мужчина получал статус и «особенного» работника. В данном контексте воспитатель-мужчина преподносился как педагогический ресурс, позволяющий за счет внесемейных активностей компенсировать недостатки семейных практик воспитания, заполнить пробел в образцах отца и мужчины и помочь матерям.

Потом выяснилось, что у меня половина группы были матери-одиночки. Я это понял. <...> Я озадачивался вопросом перспективы влияния воспитания мужчиной на ребенка и (пришел к заключению, что) главное — это полная семья. ...и я создавал некий потенциал полной семьи, компенсация.

При этом показательно, что уход за детьми (от уборки помещения до мероприятий личной гигиены) и эмоциональная поддержка воспитанников (от умения успокоить плачущего ребенка до объятий) позиционируются воспитателем-мужчиной как обычный функционал. Никакая из этих обязанностей воспитателя и даже няни не трактуется как неприемлемая для мужчины, ставящая под вопрос его собственную гендерную идентич-

ность и мужественность. Также коллеги-женщины в процессе совместной работы не проблематизировали саму возможность исполнения воспитателем-мужчиной данной части работы, особенно по мере формирования у него репутационного капитала.

...у меня не было такого никогда, чтобы я родителям мокрые трусы возвращал вечером. Я постираю, высушу, тогда уже верну и предложу прогладить. <...> Я три раза в день уборку в группе делал.

Я устроился няней работать в другой детский сад... они меня знали. Я вел общественную работу.

Таким образом, воспитатель-мужчина был работником, одновременно выполняющим как весь положенный формальный функционал, так и «особые» обязанности, связанные с социализацией воспитанников. От воспитателя-мужчины ожидалось, что он сможет и будет выполнять ту же работу, что и его коллеги-женщины, не отказываясь от какой-то ее части. Гендерные отличия от коллег-женщин интерпретировались как основание иначе выполнять работу воспитателя, и здесь дискурс «ролевой модели» становился частью дискурса профессионализации, а не противопоставлялся ему.

Опыт солидарности первых воспитателей-мужчин

Интересен опыт ситуативного формирования сети из коллег-мужчин, работавших одновременно в дошкольном образовании в должности воспитателя. Такое общение было сопряжено с определенными трудностями в силу незначительного количества воспитателей-мужчин, их территориальной удаленностью и отсутствия специализированных коммуникационных каналов. Сеть воспитателей-мужчин формировалась исключительно неформально, на уровне как локальных сообществ (на непосредственных рабочих местах или из коллег в одном городе), так и всего СССР (включая иногородних коллег, но в пределах страны). Основным первичным источником информации о персонах и средством установления контакта была периодическая пресса и письма в редакцию.

я прочитал статью про Бориса Верзуба. Это самый первый был мужчина-воспитатель в Советском союзе. Я позвонил ему. Встретился.

...ко мне пришел корреспондент. <...> Я дал интервью. <...> Ну, газета Известия, это ведущий печатный орган ЦК КПСС. Тем более на первой полосе, на обложке. <...> И понеслось. <...> Мы стали спи-

сываться, встречаться. Контакт поддерживали письмами. Двое мужчин приезжало.

На этапе выбора профессии и начала карьеры неформальное общение между коллегами-мужчинами стало одновременно экспрессивным и инструментальным ресурсом, средством поддержки уверенности в выборе и собственной ценности в момент неопределенности и стресса и доступа к информации, часто ускользающей из официальных каналов коммуникации. Общение между коллегами-мужчинами было ориентировано на установление доверительных отношений и коммуникацию, как очную, так и заочную, а также на взаимное консультирование и обмен знаниями, но говорить о достижении какого-то влияния в профессиональном сообществе в целом или проектном сотрудничестве не приходилось. Несмотря на исходную заинтересованность и востребованность, общение в столь тесном кругу не переросло в системные и длительные профессиональные связи.

Сама неформальная сеть просуществовала недолго, так как работа по профессии воспитателя практически у всех была непродолжительной, а карьерный и профессиональный рост реализовывался уже в других профессиях как в сфере образования, так и вне нее. Сама сеть постепенно распадалась по мере выбывания из профессии воспитателей-мужчин.

В первой тройке был Борис Верзуб, Миша Тарасов, Гена Юшманов. Гена Юшманов был сначала воспитатель, потом — заведующий. Воспитателем года четыре. Потом заведующим года три. Борис Верзуб был няня, потом воспитателем, потом заведующим... Я пошел работать (воспитателем в детский сад) потому что я учился и было убеждение Бориса Верзуба... Вот, пошел я в детский сад и 20 лет проработал. <...> Миша Тарасов был воспитателем. <...> Просто сошлись. <...> Мы тогда собрались у Миши Тарасова дома. <...> Потом у нас встречи пошли уже более или менее организованные. <...> Потом еще на пару человек прибавилось. <...> Виталик Колисниченко из Ленинграда. <...> Еще Сергей. <...> Три дня он фактически отработал, со мной. <...> И что интересно, он меня не учил, мы просто совместно садились и играли с детьми. Он был воспитателем, а потом стал методистом. Повысили.

Очень часто мы не встречались. <...> Виталик он отработал и через два года ушел. Миша, Гена Юшманов ушли по определенным обстоятельствам... Потом я не знаю. Мы уже мало потом общались. Года четыре мы встречались. Раз в пол года.

Показательно, что для воспитателей-мужчин опыт солидарности, построенный на гомогенном круге профессионального общения, оказался востребованным в переломных ситуациях, но мнение большинства профессионального окружения о профессии и карьерных траекториях, их поддержка или неприятие создавали основной контекст работы.

В целом материал не позволяет нам анализировать профессиональный дискурс с точки зрения доминирующего/подчиненного положения разных точек зрения, но мы выделили в нем разные трактовки, что дает возможность, во-первых, отметить его внутреннюю неоднородность, а во-вторых, рассмотреть их с точки зрения проблематики профессионализации. Профессиональная группа воспитателей оказывается неоднородной сущностью, а внутренне дифференцированным сообществом, где каждая из групп строит интерпретацию профессии с точки зрения баланса выгод и издержек. Невозможность получать высокие социальные выгоды (доход, престиж и влияние) оборачивалась для воспитателей относительно низким социальным статусом, сохранением доминирования женщин в кадровом составе, поддержкой частью общественности и профессионального сообщества трактовки работы как «женской», ориентированной на стратегии совмещения оплачиваемой занятости с выполнением домашних обязанностей, и восприятием мужчин в данной профессии как неординарной ситуации, нарушающей порядок вещей. В то же время получает распространение и толкование работы воспитателя как «профессии», для которой характерна научная основа и доступна карьера, которую мужчина может выбрать и быть поддержан обществом и своими коллегами. На опыте героя статьи видно, что разные представления о профессии включали и разные представления о гендере потенциального работника, возможности для мужчин и женщин выбирать работу воспитателя. При этом отличия от коллег-женщин видятся как основание иначе выполнять работу воспитателя, дополняя их, но не способствуют стремлению к самоизоляции в кругу коллег-мужчин или отказу от части функционала.

Заключение

Общественные и профессиональные дискурсы 1980-х годов в СССР относительно воспитателя-мужчины внутренне неоднородны и строятся на представлениях о статусе профессии. Общественность и коллеги, по существу, не сомневались в способности мужчины выполнять обязанности воспитателя в детском саду, но они по-разному оценивали уникальность мужчины как педагога и необходимость его для детей, профессионального сообщества и общества в целом. В «критическом» дискурсе воспитатель-мужчина оказывался нарушителем статус-кво в профессии

и устоев общества, а статус профессии существенно занижался. Приверженцы же «поддерживающего» дискурса считали приход мужчины в профессию воспитателя детского сада свидетельством роста ее статуса и важным ресурсом социализации.

Актуальный дискурс о воспитателях-мужчинах во многом схож с позднесоветским, но есть и изменения. Мужчины по-прежнему представлены минимально в профессии. Их присутствие чаще требует оправдания, чем воспринимается как обыкновенный профессиональный выбор, хотя сам по себе он уже и не трактуется как нарушение обязательств гражданина-мужчины перед государством и обществом. Доводы легитимации в отношении воспитателей-мужчин, популярные в разных сообществах-единомышленников, во многом синонимичны трендам позднесоветских времен. Сохраняет популярность мнение о воспитателе-мужчине как о том, кто вносит в дошкольное образование новые идеи или выступает в качестве «образца для подражания» для воспитанников. Не менее распространено и символическое дистанцирование его от тревог и проблем профессионального сообщества, связанных со статусом «женской» профессии. Воспитатель-мужчина был и остается одним из маркеров трактовки профессии педагога дошкольного образования как сложной экспертной деятельности, в которой важной частью стратегии повышения статуса являются высокие требования к квалификации, стремление к профессиональному развитию и идентичность, основанная на научном знании. При этом востребованы не только традиционные каналы и ресурсы профессионализации, получения профессионального образования и совершенствования мастерства, но и сетевые сообщества коллег, организованные скорее не по принципу гендерной гомогенности, а на основе рабочих контактов коллег-единомышленников. В то же время сегодня в дошкольном образовании большее значение придается мнению родителей и их представлениям. Еще одним отличием современного дискурса является существование мнения о профессии воспитателя, в котором гендер воспитателя не имеет принципиального значения, а вместо этого акцент делается на профессиональной квалификации. В этом сегодняшний дискурс ближе к международным трендам, чем к советским корням.

Исследование дает возможность вычлнить тренды в представлениях о воспитателях-мужчинах в дошкольном образовании, хотя и не оценить их с точки зрения доминирования среди общественности и профессионального сообщества, и заполняет пробел в существующих исследованиях. Профессионализация сферы дошкольного образования и профессии воспитателя — длительный и неравномерный процесс, который не завершен. Наше исследование показывает, что как в истории, так и сегодня

мы имеем дело с сосуществованием как критического, так и поддерживающего дискурсов относительно воспитателей-мужчин среди общественности и внутри профессионального сообщества. Споры о воспитателях-мужчинах существуют не изолированно, а связаны с мнением о профессии в целом, о ее статусных характеристиках. Продвижение к статусу «профессии» сопровождается распространением дискурса, в котором эта работа построена на экспертных знаниях, позволяет получить высокие социальные выгоды и предполагает, что мужчины и женщины в равной мере могут ее выбирать, а мужчина может быть воспитателем в детском саду и не утратить своей мужественности. Мнение о воспитателе-мужчине может служить маркером мнения о статусе профессии в целом. Данные выводы качественного исследования могут быть выдвинуты как гипотезы и проверены в рамках количественного исследования процессов профессионализации воспитателей дошкольного образования в будущем.

Благодарности

Статья не состоялась бы без помощи коллег. Авторы выражают благодарность методисту городского методического центра Департамента образования и науки г. Москвы Четвертакову Кириллу Викторовичу за предоставление уникальных материалов, а также за помощь и поддержку в проведении исследования.

КРАЙН, СНАЙТАСКИ ПРАЛТАРАМИ ҮСХ КРАЙН, ХАНАЙСЕСИ БУТУН ДУНЕ ПРОЛЕТАРААМИ, БИРАШИНГИЗ
ТО ҶОЗОНА, ҶОЗОНА БУТУН ӨКҚАВРИН ПРОЛЕТАРААМИ, БИРАШИН ВИСУ САЛУ ПРОЛЕТАРАЛ ВЕНҮКҮПЕСИ
АЛУ ПРОЛЕТАРИЕСИ, САҮЕНОУПЕСИ БАРАДЫК ӨКҚАВРАУН ПРОЛЕТАРААМИ, БИРИККИЛЭ! ПРОЛЕТАРКОМ
МР, ИҮНБҮР ӨХАМ КОРҮААРЫН ПРОЛЕТАРААМИ, БИРАШИН КОҢС МАДЕ ПРОЛЕТААРАЛАСЕ, ЧИНЕГИ!

ИЗВЕСТИЯ

СОВЕТОВ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР

ечерний выпуск Четверг, 12 июня 1986 года Цена 4 коп.

ДЕЛА И ЛЮДИ

Кирилл Четвертаков из детского сада

*Псих. диагноз
Ом. адм. № 18.6.86*

Женщина — шофер, красовщица, космонавт... Мужчины — дояр, птицевод... К этому мы уже привыкли. А вот мужчины — воспитатели в детском саду — такое еще случается редко.

Поэтому-то мы и показали в столичный детский сад № 1021, в котором работает воспитателем младшей группы Кирилл Четвертаков. И вот что узнали. Не так просто удалось Кириллу осуществить свою мечту — воплотить в жизнь традицию. Лишь заведующая четвертым детским садом из тех, куда обращался Кирилл, Надежда Алексеевна Дюдаева согласилась на свой страх и риск принять на должность воспитателя молодого человека. И не жалеет об этом...

Открываем дверь и попадаем в мир малышей. У каждого из них — свой характер, свои желания и мечты. Смотришь на Кирилла и невольно думаешь, что для работы с ними нужно как минимум десять пар рук и глаз. Но Кирилл успевает все.

Любимец детворы, он всегда в центре игр, во время занятий для каждого у него найдется ласковое слово и похвала. Забот много: вытереть двадцать носов, всех накормить, помирить разбавившихся, уследить, чтобы никто не пропал во дворе, раздеть, уложить спать и рассказать сказку... И так каждый день.

(Окончание фоторепортажа см. на 6-й стр.).

Рис. Статья «Кирилл Четвертаков из детского сада».
«Известия». 12.06.1986

Литература/References

Здравомыслова Е., Темкина А. (ред.) (2007) *Российский гендерный порядок: социологический подход. Сер. 12 Труды факультета политических наук и социологии*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. EDN: RPWLWR.

Zdravomyslova E., Temkina A. (ed.) (2007) *Rossiiskij gendernyj poryadok: sociologicheskij podhod. Ser. 12 Trudy fakul'teta politicheskikh nauk i sociologii. Kollektivnaya monografiya* [The Russian Gender order: a sociological approach. Ser. 12 Proceedings of the Faculty of Political Sciences and Sociology. Collective monograph]. St. Petersburg: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. EDN: RPWLWR (in Russian).

Кашуркина С.С., Лукишина Т.А. (2019) Престиж профессии «педагог дошкольного образования»: оценки педагогов и позиция родителей. *Современное дошкольное образование*, 6(96): 36–49. <https://doi.org/10.24411/1997-9657-2019-10057>.

Kashurkina S.S., Lukishina T.A. (2019) Prestizh professii “pedagog doshkol'nogo obrazovaniya”: ocenki pedagogov i poziciya roditelej [Prestige of the profession “preschool teacher”: teachers’ assessments and parents’ position]. *Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie* [Modern preschool education], 96(6): 36–49 (in Russian). <https://doi.org/10.24411/1997-9657-2019-10057>.

Колесникова Е.М. (2016) Педагоги частного и государственного дошкольного образования: статус группы и перспективы развития. *Социологический журнал*, 1: 114–132. <https://doi.org/https://doi.org/10.19181/socjour.2016.22.1.3919>.

Kolesnikova E.M. (2016) Pedagogi chastnogo i gosudarstvennogo doshkol'nogo obrazovaniya: status gruppy i perspektivy razvitiya [Teachers in Private and Public Pre-School Education: Status and Prospects]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], 22(1): 114–132. <https://doi.org/10.19181/socjour.2016.22.1.3919> (in Russian).

Колесникова Е.М., Митрохина Е.В. (2017) Воспитатели и учителя об условиях труда и организационной поддержке. *Вестник Института социологии*, 1(20): 13–34. <https://doi.org/10.19181/vis.2017.20.1.443>.

Kolesnikova E.M., Mitrokhina E.V. (2017) Vospitateli i uchitelya ob usloviyah truda i organizacionnoj podderzhke [Educators and teachers on working conditions and organizational support]. *Vestnik Instituta sociologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 1(20): 13–34. <https://doi.org/10.19181/vis.2017.20.1.443> (in Russian).

Новик Н.Н., Твардовская А.А. (2020) Профессиональное образование педагогов дошкольных организаций: ожидания и реальность. *Профессиональное образование и рынок труда*, 4(43): 49–55. <https://doi.org/10.24411/2307-4264-2020-10406>.

Novik N.N., Tvardovskaya A.A. (2020) Novik N.N., Tvardovskaya A.A. (2020) Professional'noe obrazovanie pedagogov doshkol'nyh organizacij: ozhidaniya

i real'nost' [Vocational education of teachers of preschool organizations: expectations and reality]. *Professional'noe obrazovanie i rynok truda* [Vocational education and the labor market], 4(43): 49–55 (in Russian). <https://doi.org/10.24411/2307-4264-2020-10406>.

Родина В.В. (2018) Дискурс: генезис, природа и содержание, обзор научных школ. *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*, 1(109): 101–111. EDN: YQNHFS.

Rodina V.V. (2018) Diskurs: genezis, priroda i sodержanie, obzor nauchnyh shkol. [Discourse: genesis, nature and content, review of scientific schools]. *Izvestiya Sankt-peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Proceedings of Saint Petersburg State University of Economics], 1(109): 101–111 (in Russian). EDN: YQNHFS.

Сакс М. (2020) Неовеберизм и профессии. *Социологические исследования*, 6: 28–41. <https://doi.org/10.31857/S013216250009646-3>.

Sacks M. (2020) Neoveberianstvo i professii [Neo-Weberianism and the Professions]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 6: 28–41. <https://doi.org/10.31857/S013216250009646-3>.

Смирнова Е. (2005) Педагогические системы и программы дошкольного воспитания. М.: Владос. EDN: QUGYCL.

Smirnova E. (2005) *Pedagogicheskie sistemy i programmy doshkol'nogo vospitaniya* [Pedagogical systems and programs of preschool education]. Moscow: Vlados. EDN: QUGYCL (in Russian).

Темкина А.А., Роткирх А. (2002) Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России. *Социологические исследования*, 11: 4–15. EDN: MQDNJB.

Temkina A.A., Rotkirch A. (2002) Sovetskie gendernye kontrakty i ih transformaciya v sovremennoj Rossii [Soviet gender contracts and their transformation in modern Russia]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. 11: 4–15. EDN: MQDNJB (in Russian).

Abbott A. (1993) The Sociology of Work and Occupations. *Annual Review of Sociology*, 19: 187–209. <https://doi.org/10.1146/annurev.so.19.080193.001155>.

Bhana D., Moosa S., Xu Y., Emilsen K. (2022) Men in early childhood education and care: on navigating a gendered terrain. *European Early Childhood Education Research Journal*. <https://doi.org/10.1080/1350293X.2022.2074070>.

Bonnett T.H., Wade C.E. (2022) Procuring Gender-Situated Voices of Male Early Childhood Professionals in Canada. *International Journal of Early Childhood*. <https://link.springer.com/article/10.1007/s13158-022-00337-8>.

Brante T. (1988) Sociological Approaches to the Professions. *Acta Sociologica*, 31(2): 119–142. <https://doi.org/10.1177/000169938803100202>.

Brante T. (2013) The Professional Landscape: The Historical Development of Professions in Sweden. *Professions and Professionalism*, 3(2): 1–18. <https://doi.org/10.7577/pp.558>.

Cameron C. (2006) Men in the Nursery Revisited: Issues of Male Workers and Professionalism. *Contemporary Issues in Early Childhood*, 7(1): 68–79. <https://doi.org/10.2304/ciec.2006.7.1.68>.

Cameron C., Mooney A., Moss P. (2002) The child care workforce: current conditions and future directions. *Critical Social Policy*, 22(4): 572–595. <https://doi.org/10.1177/02610183020220040201>.

Carrington B., Francis B., Hutchings M., Skelton C., Read B., Hall I. (2007) “Does the gender of the teacher really matter? Seven- to eight-year-olds” accounts of their interactions with their teachers. *Educational Studies*, 33(4): 397–413. <https://doi.org/10.1080/03055690701423580>.

Demirkasimoğlu N., Taşkın P. (2019). The Career Journey of the First Male Preschool Teacher in Turkey: An Optimistic Perspective to A Female Dominated Occupation. *Journal of Qualitative Research in Education*, 7(1). <https://doi.org/10.14689/issn.2148-2624.1.7c1s.19m>.

Erden S., Ozgun O., Ciftci M.A. (2011) “I am a man, but i am a pre-school education teacher”: Self and social-perception of male pre-school teachers. *Procedia Social and Behavioral Sciences*, 15: 3199–3204. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2011.04.271/>

Etzioni A. (ed.) (1969) *The semi-professions and their organization: teachers, nurses, social workers*. New York: The Free Press.

Flyvbjerg B. (2011) Case Study. In: Denzin N.K., Lincoln Y.S. (eds.) *The Sage Handbook of Qualitative Research*. Thousand Oaks: SAGE Publications: 301–316.

Goings R.B., Davis J., Britto J., Greene D. (2017). The influence of mentoring on the academic trajectory of a 17-year-old black male college sophomore from the United Kingdom: A single case study. *Mentoring & Tutoring: Partnership in Learning*, 25(3), 346–368. <https://doi.org/10.1080/13611267.2017.1364853>.

Harris K., Barnes S. (2009) Male teacher, female teacher: Exploring children's perspectives of teachers' roles in Kindergartens. *Early Child Development and Care*, 179(2): 167–181. <https://doi.org/10.1080/03004430802667005>.

Hedlin M., Åberg M., Johansson C. (2019) Fun guy and possible perpetrator: an interview study of how men are positioned within early childhood education and care. *Education Inquiry*, 10(2): 95–115. <https://doi.org/10.1080/20004508.2018.1492844/>

Hofman J. (2023) Classroom management and teacher emotions in secondary mathematics teaching: a qualitative video-based single case study. *Education Inquiry*, 14:3, 389–405. <https://doi.org/10.1080/20004508.2022.2028441>.

Kolesnikova E.M., Kudenko I.A. (2023) Male Educators in Pre-School Education: A Recognition or an Anxiety? *Integration of Education*, 27(4): 646–668. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.113.027.202304.646-668>.

Kreitz-Sandberg S. (2013) Gender inclusion and horizontal gender segregation: stakeholders' strategies and dilemmas in Swedish teachers' education. *Gender and Education*, 25(4): 444–465. <https://doi.org/10.1080/09540253.2013.772566>.

Martin D.M., Luth Jr F.W. (2000) Where are the men? the scarcity of males in early childhood classrooms. *Journal of Early Childhood Teacher Education*, 21(3). <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/0163638000210303>.

Martino W.J. (2008) Male Teachers as Role Models: Addressing Issues of Masculinity, Pedagogy and the Re-Masculinization of Schooling. *Curriculum Inquiry*, 38(2): 189–223. <https://doi.org/10.1111/j.1467-873X.2007.00405.x>.

Mills M., Martino W., Lingard B. (2004) Attracting, Recruiting and Retaining Male Teachers: Policy Issues in the Male Teacher Debate. *British Journal of Sociology of Education*, 25(3): 355–369. <https://doi.org/10.1080/0142569042000216990>.

Sargent P. (2000) Real men or real teachers? Contradictions in the lives of men elementary teachers. *Men and Masculinities*, 2(4): 410–433. <https://doi.org/10.1177/1097184X00002004003>.

Sargent P. (2013) Reluctant Role Models: Men Teachers and the Reproduction of Hegemonic Masculinity. *Qualitative Sociology Review*, 9(3): 188–203. <https://doi.org/10.18778/1733-8077.9.3.10>.

Sevier B., Ashcraft C. (2009) Be Careful What You Ask For: Exploring the Confusion around and Usefulness of the Male Teacher as Male Role Model Discourse. *Men and Masculinities*, 11(5): 533–557. <https://doi.org/10.1177/1097184X07302290>.

Siraj-Blatchford I., Taggart B., Sylva K., Sammons P., Melhuish E. (2008) Towards the transformation of practice in early childhood education: the effective provision of pre-school education (EPPE) project. *Cambridge Journal of Education*, 38(1): 23–36. <https://doi.org/10.1080/03057640801889956>.

Sumsion J. Critical Reflections on the Experiences of a Male Early Childhood Worker (1999) *Gender and Education*, 11(4): 455–468. <https://doi.org/10.1080/09540259920519>.

Wood P., Brownhill S. (2018). ‘Absent fathers,’ and children’s social and emotional learning: An exploration of the perceptions of ‘positive male role models’ in the primary school sector. *Gender and Education*, 30(2): 177–186. <https://doi.org/10.1080/09540253.2016.1187264>.

Источники

OECD (1998) *The Future of Female-dominated Occupations* [<https://www.oecd-ilibrary.org/content/publication/9789264163690-en>] (дата обращения: 24.09.2023).

OECD (2006) *Starting Strong II: Early Childhood Education and Care, Starting Strong* [https://www.oecd-ilibrary.org/education/starting-strong-ii_9789264035461-en] (дата обращения: 24.09.2023).

OECD (2019) *Good Practice for Good Jobs in Early Childhood Education and Care* [<https://oe.cd/pub/eccec2019>] (дата обращения: 24.09.2023).

OECD (2020) *Building a High-Quality Early Childhood Education and Care Workforce: Further Results from the Starting Strong Survey 2018* [<https://doi.org/10.1787/b90bba3d-en>.] (дата обращения: 24.09.2023).

Женщины в СССР (1985). М.: Финансы и статистика.

Народное образование и культура в СССР. Статистический сборник (1989). М.: Финансы и статистика.

Мужчина-воспитатель с трудом пробился в профессию в СССР. Трогательная история Бориса Верзуба [<https://360tv.ru/tekst/obschestvo/muzhchina-vospitatel/?ysclid=lm22hiszn592485353>] (дата обращения: 24.09.2023).

MALE EDUCATORS IN PRE-SCHOOL EDUCATION: A CASE STUDY OF PUBLIC AND PROFESSIONAL DISCOURSE IN THE 1980'S IN THE USSR

*Elena Kolesnikova*¹ (kolesnikova@mail.ru),
*Irina Kudenko*² (irkudenko@googlemail.com)

¹ Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia

² Kudenko consulting — Global Evaluation and Research Services Ltd.,
Hannover, Germany

Citation: Kolesnikova E., Kudenko I. (2024) *Vospitatel'-muzhchina detskogo sada: key-stadi obshchestvennogo i professional'nogo diskursov 1980-kh godov v SSSR* [Male educators in pre-school education: a case study of public and professional discourse in the 1980's in the USSR]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(3): 216–249 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.3.8>. EDN: IGCWGT

Abstract. The social position of the pre-school educator profession is often problematised in public, political and academic discourses almost all over the world and in Russia, but the experiences of Russian male educators remain without due attention. In this case, we turn to an analysis of the discourse around one of the first male educators who, in the 1980s, found himself at the centre of a public discussion about the status of the kindergarten teaching profession and the place of men in it, as well as within the corporate discourse about 'women's' work and professionalisation. Article about one of the first male educators (1986 *Izvestia*), letters to the editor responding to article and an interview with the article's protagonist formed the study's empirical basis. Although neither the public nor colleagues doubted the ability of a man to perform the duties of an educator, they differed in their assessment of the uniqueness of a man as a teacher and the need for him for children, the professional community and society as a whole. In general, it is important that ideas about male educators do not exist in isolation, but are based on an opinion about the profession in general and its status characteristics in particular. The current discourse on male educators is in many ways similar to that of the Soviet Union, but there have also been changes.

Keywords: sociology of professions, sociology of education, preschool teacher, male educator, gender stereotypes, Russian preschool education, early childhood education and care, male workers

Acknowledgements

This article would not have been possible without the help of colleagues, and the authors express their gratitude to Kirill V. Chetvertakov, methodologist of the Moscow City Methodological Centre of the Department of Education and Science, for providing unique materials, as well as assistance and support in conducting the study.

РЕЦЕНЗИИ

МОЖНО ЛИ ВОЙТИ В ОДНУ РЕКУ ДВАЖДЫ?

Рецензия на книгу: Norkus Z. (2023) *The Great Restoration: Post-Communist Transformations from the Viewpoint of Comparative Historical Sociology of Restorations*. Leiden; Boston: Brill. ISBN 978-90-04-54573-1

Наталья Дамировна Трегубова (n.tregubova@spbu.ru),
Валентин Сергеевич Стариков

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Трегубова Н.Д., Стариков В.С. (2024) Можно ли войти в одну реку дважды? Рецензия на книгу: Norkus Z. (2023) *The Great Restoration: Post-Communist Transformations from the Viewpoint of Comparative Historical Sociology of Restorations*. Leiden; Boston: Brill. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(3): 250–261. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.3.9>. EDN: IOMSMO

Аннотация. Анализируется монография литовского социолога З. Норкуса «Великая реставрация: посткоммунистические трансформации с позиций сравнительной исторической социологии реставраций», которая предлагает концептуальную модель реставрации исторического процесса, следующего за революцией, и затем прилагает эту модель к анализу великих реставраций, последовавших за падением наполеоновской империи и распадом СССР. Ключевой тезис монографии состоит в том, что великие революции заканчиваются великими реставрациями, которые воплощают революционные идеалы в жизнь лучше, чем сами революции. Авторы обосновывают актуальность проблематики реставраций для современного общества, выделяют основные идеи монографии, обсуждают ее концептуальную новизну и методологические находки. Выделяя сильные и слабые стороны сравнительно-исторического исследования, представленного в книге З. Норкуса, авторы проводят параллели между данным исследованием и классическим анализом социальных революций Т. Скочпол. Рецензия завершается выводом о том, что монография З. Норкуса открывает новую проблемную область в сравнительно-исторической макросоциологии — «социологию реставраций».

Ключевые слова: сравнительно-исторический анализ, сравнительно-историческая макросоциология, посткоммунистические трансформации, реставрация, сравнительная социальная аналитика.

Современный период европейской истории, особенно его последнее десятилетие, сложно назвать стабильным (*resilient*) или устойчивым (*sustainable*), еще менее уместным кажется возможность применения к нему термин «прогнозируемость» (*predictability*). Вместе с тем заимствованные когда-то в обществоведческий дискурс из вроде бы чуждых дисциплин термины «восстанавливаемость» (*recoverability*), «ударопрочность» (*resistance*), «сопротивляемость» (*defiance*) и даже классическое понятие «общества судьбы» обретают новое, порой нарочито политико-фаталистическое звучание.

В 2023 г. в издательстве Brill вышла монография известного литовского философа и социолога Зенонаса Норкуса, в которой предлагается альтернативный вариант концептуального осмысления текущих социально-политических и социально-экономических процессов. Название этой книги можно перевести как «Великая реставрация: посткоммунистические трансформации с позиций сравнительной исторической социологии реставраций». «Реставрация» здесь употребляется в том смысле, в каком ее понимают историки — как восстановление политического, экономического, социального строя после радикальных (революционных) преобразований. Автор монографии может быть знаком российскому читателю по работе, посвященной качественному анализу постсоветских трансформаций (Norkus 2012; Резаев, Стариков 2014). Если прошлая книга З. Норкуса рассматривала причины и последствия «выхода» из коммунизма, то настоящая содержит анализ того, что происходит со странами после такого выхода — реставрации общественного строя, предшествовавшего революции.

Основной тезис рецензируемой монографии можно сформулировать следующим образом: великая революция заканчивается великой реставрацией, которая воплощает декларируемые революционные идеалы в жизнь лучше, чем сама революция. Выдвигая данный тезис, З. Норкус спорит с представлением о реставрации как о периоде упадка и регресса, укоренившемся как в обыденных представлениях людей, так и в работах историков. Отталкиваясь от отрицательного образа реставрации, автор утверждает (и демонстрирует), что успешные реставрации существуют.

Реставрация понимается З. Норкусом как завершающий этап социальных изменений, когда в ходе революционных преобразований исходная социальная система А сменяется промежуточной системой В, а та, в свою очередь, сменяется новой системой С, которая восстанавливает (в глазах участников происходящих изменений) исходную социальную систему А (Norkus 2023: 1). Такое понимание реставрации автор заимствует у австро-американского историка Роберта А. Канна, однако, в отличие от него,

ограничивается анализом современных революций, а конкретнее — перерабатывает теорию Канна для анализа посткоммунистических преобразований в Балтийском регионе. По мысли литовского социолога, до Нового времени коренные преобразования в обществе не рассматривались как революции: то, что мы сегодня называем «революцией» (включая Английскую революцию XVII в.), понималось непосредственными участниками как восстановление справедливого порядка, существовавшего прежде. Соответственно и реставраций в современном смысле слова тогда быть не могло.

В рецензируемой монографии интерес автора направлен на «великие реставрации», которым предшествовали «великие революции». Масштаб революции, по мысли автора, определяется двумя обстоятельствами. Первое — революционеры стремятся воплотить новые универсальные представления о социальной справедливости; второе — страна, в которой революция победила, какое-то время успешно ведет революционные войны, что позволяет распространить новый порядок на другие страны (Norkus 2023: 7–8). Из второго обстоятельства следует, что страна, в которой произошла революция, становится империей. Под такое понимание «великой революции» с необходимой строгостью подходят лишь два исторических события — Великая Французская революция (и тогда под «революционными войнами» следует понимать наполеоновские войны) и Великая Октябрьская революция (здесь революционные войны — это войны, которые вел СССР)¹.

Реставрации, последовавшие за этими революциями, и становятся объектом сравнения в исследовании З. Норкуса. Автор выделяет два типа реставраций — то, что по-русски можно назвать собственно реставрацией (token restoration), и реконструкцию (type restoration). Первое предполагает восстановление того же самого государства, что было до революции, второе — возникновение нового государства того же типа (подобия).

¹ Автор справедливо указывает, что данные революции по природе своей носят различный характер. Французская революция была антифеодальной и рассматривала абсолютную монархию как воплощение зла, а потому декларировала политические свободы и равенство, укорененные в демократической республике. Французская революция 1789 г. не смогла реализовать это обещание, что привело к реставрации монархии. Октябрьская революция оказывается социально-экономической по своей природе, так как направлена (декларируемо) на ускорение экономического и социального прогресса после отмены частной собственности на средства производства. Автор отмечает, что в советских книгах по истории балтийских стран четко выделяется образ экономического застоя при «буржуазной диктатуре» в период межвоенной независимости в противовес беспрецедентному экономическому и социальному прогрессу при социализме (Norkus 2023: 270).

Возможность собственно реставрации 3. Норкус определяет исходя из двух критериев. Во-первых, нужно, чтобы были живы представители тех поколений, которые жили при старом режиме. Во-вторых, люди, осуществляющие реставрацию, должны захотеть восстановить то самое государство с вытекающими отсюда правовыми последствиями, такими как возвращение собственности бывшим владельцам. Согласно данной типологии, в странах Балтии после распада СССР произошла реставрация государств, которые существовали в 1930-е годы, в России — реконструкция того, что было до 1917 г.

3. Норкус сравнивает великие реставрации по тому, насколько они успешны, а успешность, в свою очередь, определяется по двум критериям — длительности («пережила» ли восстановленная социальная система С систему В и/или систему А) и по жизнеспособности (resilience). Последняя измеряется тремя показателями: экономический рост, увеличение продолжительности жизни и общее увеличение благосостояния, которое фиксируется через динамику среднего роста населения (economic, health and somatic progress). Так, большинство постнаполеоновских реставраций были кратковременными, поскольку не смогли превзойти дореволюционный и постреволюционный период в экономическом и социальном отношении. Для оценки влияния реставраций на международные отношения автор вводит еще один критерий — усиление/ослабление мира и безопасности после распада революционной империи. На эмпирическом уровне автор задействует различные источники, а также адаптирует уже существующие базы данных и индексы для формирования обобщенной модели сравнительного исследования реставраций.

Анализ исторических данных позволяет Норкусу сделать вывод, что реставрации, следующие за великими революциями, в целом оказываются успешными. При этом собственно реставрации оказываются более успешными, чем реконструкции¹. Укажем на некоторые выводы, которые автор формулирует в виде тезисов-критериев.

Во-первых, критерий успешности реставрации демократии (criterion of democracy restoration performance success) звучит следующим образом: реставрированная демократия считается успешной, если значения показателей совещательной, эгалитарной, избирательной, либеральной и пар-

¹ Отметим, что в резюмирующей части монографии Норкус приводит довольно многочисленные ограничения на результаты исследования. Связаны они, в частности, с тем, что пробелы в данных и относительно малый срок, прошедший со времени распада СССР, не позволяют быть категоричным в формулировке окончательных выводов.

тиципаторной демократии в условиях восстановленной демократии превосходят показатели первоначального (демократического) режима (Norkus 2023: 273).

Во-вторых, критерий успешности восстановления/восстанавливаемости международного порядка (criterion of the rehabilitation of international order performance success): реставрированная конфигурация международного порядка С считается успешной, если она является более мирной и безопасной для государств-членов, чем промежуточная конфигурация В или первоначальная конфигурация А (Norkus 2023: 274).

В-третьих, критерий устойчивости реставрации (criterion of restoration resilience): успешно реставрированная социальная система более стабильна по сравнению с первоначальной системой как в смысле ее способности к быстрому восстановлению после потрясений, так и в смысле ее меньшей уязвимости к системным изменениям, что приводит ее к альтернативному равновесию (Norkus 2023: 277).

Реставрация стран Балтии рассматривается З. Норкусом как «лабораторный пример» современной социальной реставрации второй волны, поскольку она включает в себя тройное восстановление: национального государства, капитализма и демократии. Особое внимание в монографии З. Норкуса уделяется оценки эффективности трех балтийских реставраций путем сравнения экономического и социального прогресса стран Балтии в периоды первоначальной независимости (1918–1940), «навязанного государственного социализма / оккупации»¹ (1940–1990) и восстановленной независимости (с 1990). Далее разрабатываются критерии для оценки конечного успеха реставрации, согласно которым старые-новые балтийские государства *должны* просуществовать дольше, чем их предки в 1918–1940 и в 1940–1990 гг. Помимо этого, З. Норкус, будучи экспертом в области исторической социологии, использует обширные историко-статистические данные не только для анализа уже произошедших / происходящих трансформаций в трех странах, но и создания (пускай приблизительных) прогнозов на (пускай не столь отдаленное) будущее².

В заключение автор побуждает задуматься над тем, какой будет следующая великая революция (и реставрация), если она будет (if it comes).

¹ Терминология З. Норкуса.

² Автор использует термин «кульминационное общество» (climacteric society) для обозначения гипотетического, но *ceteris paribus* не очень отдаленного во времени этапа после предполагаемого завершения реставрации. Начало этого этапа/эпохи для Латвии, Литвы и Эстонии варьируется, но в целом определяется 2040-ми годами.

Он предлагает *вариант* революции, связанной с экологическим кризисом, побуждающим человечество к определению новых постгуманистических идеалов справедливости. Тогда, заключает З. Норкус, можно ожидать, что воплощение этих новых идеалов принесет гуманистическая реставрация, ведь реставрации выполняют программы революций лучше, чем сами революции (Norkus 2023: 364–365).

Мы полагаем, что рецензируемая монография заслуживает особого внимания читателя, заинтересованного в объяснении и понимании современных социально-исторических процессов. На это есть три причины.

Первая причина — концептуальная новизна. Если в прошлой книге З. Норкуса новизна и оригинальность определялись прежде всего методологическим дизайном (Резаев, Стариков 2014), то в новой работе она касается теоретического аппарата. Для того чтобы сформулировать и эмпирически интерпретировать концепцию реставрации, З. Норкус соединяет достижения сравнительно-исторической социологии, сравнительной политологии, истории и международного права с подходами, принятыми в сфере сохранения культурного и природного наследия. Концептуальный интерес автора к реставрации связан еще и с особым значением стран Балтии для анализа данной проблематики. Согласно З. Норкусу, Эстония, Латвия и Литва являются наиболее наглядными (парадигмальными) случаями реставраций (Norkus 2023: 5) в том же смысле, в каком Швеция представляет парадигмальный пример государства всеобщего благосостояния, Германия — пример наиболее развитой (веберовской) бюрократии, а США — плюралистической демократии (Эспинг-Андерсен 2008).

Вторая причина — это четко выстроенный дизайн исследования. Автор, с одной стороны, организует и проводит сравнительно-исторический анализ двух волн реставраций, последовавших за двумя великими революциями, с другой стороны — сравнивает эти реставрации между собой. Методическая тщательность и общая позитивистская направленность, стремление найти корректный показатель для каждой переменной в настоящей работе даже более очевидны, чем в прошлой монографии З. Норкуса. Исследования такого рода — редкость в современной социальной аналитике, и рецензируемая монография представляет в этом отношении пример, на который можно равняться.

Наконец, третья причина — это актуальное содержание: Книга посвящена в том числе новейшей истории России, а значит, в первую очередь истории людей, которые населяют РФ и постсоветское пространство. Для отечественного читателя наиболее интересными (и спорными) будут моменты, связанные с обсуждением статуса стран Балтии как непосредственных преемников государств, существовавших до Второй мировой

войны. Автор в данном случае производит неокантинскую идею соотнесения с ценностью, равно как и демонстрирует собственные политические убеждения¹. Интересна его заочная полемика с (пост)советскими историками и социологами по поводу самого представления о том, в каких терминах следует описывать трансформационные изменения стран Балтии. Как пишет З. Норкус, «согласно [обобщенному] российскому взгляду на современные балтийские государства, их символическая связь с балтийскими государствами межвоенного [досоветского] периода является реконструкцией (*type restoration*), где межвоенные и современные балтийские государства мыслятся как разные государства» (Norkus 2023: 266), в то время как [обобщенный] «балтийский» взгляд фактически ставит символический знак равенства между межвоенными и современными государствами. В последнем случае речь идет уже о реставрации, и за всей кажущейся схоластичностью подобная дискуссия имеет очень практическое политическое значение. «Балтийский взгляд» (как его описывает автор) на символическую связь между досоветскими и современными балтийскими государствами обосновывает их отказ в гражданских правах определенным иммигрантам, равно как и легитимирует требования реституции в соответствии с мирными договорами, подписанными с давно не существующим государством Советская Россия в 1920-х годах. Логическим продолжением мысли автора, которую он, собственно, озвучивает, выступает, в частности, необходимость² определять как «неграждан» тех жителей балтийских республик, которые приехали туда в советское время (Norkus 2023: 71–72)³. А не всегда мягкие «упреки» россиянам,

¹ Важность ценностных/политических установок для постановки исследовательской проблемы вытекает уже из сквозного авторского тезиса: цель современного социальной реставрации — обезопасить восстановленные общества от повторения революции.

² Следует отдать должное, что автор указывает на академическую актуальность подобной ситуации: «Именно эти особенности [*restoratio ad integrum* через дискриминационную политику] делают их парадигмальными либо идеальными типическими примерами современных реставраций (Norkus 2023: 273).

³ В этом смысле высказывание автора: «Конечно, в этой дискуссии я поддерживаю своих балтийских соотечественников, потому что моя цель — разъяснить смысл тезиса о том, что преемственность и идентичность между межвоенными и современными балтийскими государствами не является простой юридической фикцией» (Norkus 2023: 267) — следует рассматривать в качестве приглашения к проведению собственной интерпретации дискурсов и данных, предложенных в книге. Всякое (спорное) высказывание может и должно являться пространством формирования цивилизованной публичной сферы. Рецензенты уверены, что автор призывает именно к подобной дискуссии.

которые, по мысли автора, во время распада СССР хотели рационализировать два дискурса — сохранить империю и построить новое демократическое государство (Norkus 2023: 141–142)¹, побуждают еще раз задуматься о развилках нашей собственной истории.

В организации и обосновании исследования, представленного в рассматриваемой монографии, З. Норкус вдохновляется традицией сравнительно-исторической социологии в более позитивистском ее варианте. Если в прошлой книге автор опирался на качественный сравнительный анализ Чарльза Рагина, то сейчас ведет диалог с другим классическим для сравнительно-исторической социологии исследованием — анализом социальных революций Теды Скочпол (2017). Достоинства книг Т. Скочпол и З. Норкуса сходны: ясность изложения, четкая структура, определение новых концепций на основании анализа предшествующей (весьма разнородной) литературы. По сути, оба автора предлагают увидеть новые возможности для постановки исследовательских проблем, которых раньше не видели социальные ученые. В случае Скочпол это возможность анализа социальных революций как таковых, а не как представителя более широкого класса — социальных движений или политических трансформаций. В случае Норкуса это возможность осмыслить и исследовать реставрации, которые приходят вслед за революциями, уже хорошо изученными к настоящему времени благодаря исследованиям Т. Скочпол, ее последователей и критиков.

Недостатки монографии З. Норкуса оказываются, как это часто бывает с хорошими исследованиями, оборотной стороной ее достоинств. Прежде всего, это некоторая нечувствительность (невнимание) к специфике конкретной исторической реальности, в определенном смысле излишне формализованный подход к операционализации и смещение в сторону того, чтобы использовать одинаковые показатели для разных случаев². Так, даже для сравнения великих реставраций (французская и балтийская), разделенных веками, З. Норкус использует одинаковые показатели (хотя для анализа вторых он добавляет дополнительные показатели). Некоторые способы измерения кажутся произвольными. Например, основываясь на анализе кейса Латвии, автор устанавливает критерий «семи процентов» — именно такая доля населения старше 15 лет, проживавших при старом порядке, должна быть жива к моменту реставрации, чтобы можно было говорить о буквальной реставрации этого порядка. Почему универсальный

¹ Можно соотнести данные положения с дискурсом по поводу субъектности в палестино-израильском конфликте 2024 г.

² Обсуждение последней проблемы см.: (Smelser 2003).

показатель устанавливается на основании данных одной страны? Почему семь, а не шесть или восемь процентов? Подобные вопросы возникают и в отношении некоторых других показателей.

Другая проблема — это растягивание терминологических границ. Понятно, в каком смысле можно говорить о реставрации применительно к странам Балтии. Понятно, в каком смысле можно о ней говорить применительно к России, где до 1917 г. были и капитализм, и демократия. Но имеет ли это смысл в отношении стран Средней Азии? Да, они входили в состав Российской империи, но и капитализм, и демократическое устройство существовали там в лучшем случае в зачаточном виде. Поэтому говорить о восстановлении здесь в 1990-е годы старого порядка сложно. Для прояснения этого обстоятельства автор вводит еще один термин — «реабилитация» (rehabilitation) (Norkus 2023: 18–19): реабилитация, но не реставрация, имеет место, когда государство, чтобы повысить благосостояние населения, вводит политическое и/или экономическое устройство, которое не существовало во времена старого порядка. Реставрация в рецензируемой монографии предстает как один из видов реабилитации, когда восстанавливается тот самый порядок, который был до революции. Однако представляется, что мы имеем дело с двумя качественно разными явлениями. Реабилитация, которая не является реставрацией, оказывается гораздо ближе к реформам, которые проводят многие новые государства после распада колониальных империй в XX в. В то же время рецензируемая монография отстаивает специфику реставраций как особого социального феномена. В этом смысле остается не вполне понятно, насколько вообще уместно сравнивать данные явления под таким углом зрения.

Но наиболее важной представляется теоретическая проблема. Спросим, перефразируя профессора Преображенского: где происходит реставрация — на улицах или в головах? Иногда аргументация книги выстроена так, что ключевым оказывается стремление людей возродить то самое государство, в котором они (или их предки) жили. Иногда ключевым оказываются объективные характеристики — восстановление прав собственности и политических институтов. При этом автор подчеркивает: успешная реставрация предполагает создание улучшенной (а значит, новой) версии старого порядка (Norkus 2023: 30).

Иными словами, нельзя войти в одну реку дважды. Почему? Как минимум, потому что прошло время (сам автор уделяет этому атрибуту пристальное внимание в этой и других своих работах), и за это время, которое следует понимать как среду, а не ресурс для завершения трансформации, с тем государством, которое было бы, если бы не было революции, что-то бы произошло. Так, страны Балтии, восстанавливая

те государства, которые существовали до Второй мировой войны, не стремились уничтожить заводы, больницы и университеты, созданные в советский период истории. Не стремились, потому что предполагали: такие же и даже лучшие учреждения были бы созданы, поскольку государства с неизбежностью продолжили бы индустриализацию и развитие государства всеобщего благосостояния и без прихода советской власти.

И здесь возникает очень тонкий момент: коллективное воображаемое проникает в политико-правовую сферу. Почему построенные в «период оккупации» советские заводы, больницы и университеты сохраняются, при том что советские граждане превращаются в неграждан? Понятно, насколько дискурсивно многообразно можно ответить на этот вопрос, но само возникновение вопроса утверждает, что никакого восстановления в буквальном смысле слова не бывает. Что-то восстанавливается, что-то трансформируется, что-то сохраняется¹.

Из этого, разумеется, не следует, что понятие реставрации несостоятельно, а работа, проделанная автором, не имеет смысла — совсем наоборот. Однако из этого следует, что реставрация — сложный и исторически специфичный процесс, который будет отличаться от государства к государству в том, каково коллективное воображение о прошлом (в том числе о гипотетическом прошлом) и как сочетаются между собой восстановленные, трансформированные и сохраненные элементы старого порядка и революционной империи. Универсальные термины, в которых описывает реставрации З. Норкус, лишь в некотором (порой кажется политически намеренно в довольно «усеченном» виде) могут ухватить эту специфику. А это значит, что перед нами книга, которая открывает новую проблемную область и ставит новые вопросы для сравнительной социальной аналитики.

Напоследок хотелось бы вернуться к тезису, с которого мы начинали, — о неустойчивости, нестабильности и трудной прогнозируемости текущей исторической ситуации. Ключевое преимущество методологии, представленной в исследовании З. Норкуса, состоит в том, что в анализе социально-политических конфликтов она позволяет ограничиваться мысленными экспериментами, не доводя их до слишком «естественной» экспериментальной ситуации. И хотя бы поэтому данную работу стоит

¹ Автор сам указывает на в некоторой степени случайный («конstellационный») характер каузальных процессов, когда пишет, например: «Если бы Балтийские реставрации состоялись в 2040 или 2050 г., то они представляли собой реконструкции (type restorations), не предполагающие преемственности между первоначальным и восстановленным состояниями» (Norkus 2023: 276).

прочесть не только «широкому кругу социологов, социальных демографов, политологов и экономистов, изучающих Балтийский регион» (как это указано в аннотации к книге), но и всем, кто желает, чтобы наш мир стал чуть более «отреставрированным», т.е. устойчивым, стабильным и спокойным.

Литература/References

Резаев А.В., Стариков В.С. (2014) Качественный сравнительный анализ постсоветских трансформаций. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 17(2): 206–213.

Rezaev A.V., Starikov V.S. (2014) Kachestvennyy sravnitel'nyy analiz postsovet-skikh transformatsiy [Qualitative comparative analysis of post-Soviet transformations]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 17 (2): 206–213 (in Russian).

Скочпол Т. (2017) *Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая*. М.: Изд-во Института Гайдара.

Skocpol T. (2017) *Gosudarstva i sotsial'nyye revolyutsii: sravnitel'nyy analiz Frantsii, Rossii i Kitaya* [States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara (in Russian).

Эспинг-Андерсен Г. (2008) Два общества, одна социология и никакой теории. *Журнал исследований социальной политики*, 6 (2): 241–266.

Esping-Andersen G. (2008) Dva obshchestva, odna sotsiologiya i nikakoy teorii [Two societies, one sociology and no theory]. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 6(2): 241–266 (in Russian).

Norkus Z. (2012) *On Baltic Slovenia and Adriatic Lithuania. A Qualitative Comparative Analysis of Patterns in Post-Communist Transformation*. Apostrofa, CEU Press.

Norkus Z. (2023) *The Great Restoration: Post-Communist Transformations from the Viewpoint of Comparative Historical Sociology of Restorations*. Leiden; Boston: Brill.

Smelser N. (2003) On Comparative Analysis, Interdisciplinary and Internationalization in Sociology. *International Sociology*, 18(4): 643–657.

IS IT POSSIBLE TO STEP INTO THE SAME RIVER TWICE?
Book review: Norkus Z. The Great Restoration: Post-Communist
Transformations from the Viewpoint of Comparative Historical
Sociology of Restorations. Leiden; Boston: Brill, 2023.

Natalia D. Tregubova (n.tregubova@spbu.ru),

Valentin S. Starikov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Citation: Tregubova N.D., Starikov V.S. (2024) Is it possible to step into the same river twice? Book review: Norkus Z. The Great Restoration: Post-Communist Transformations from the Viewpoint of Comparative Historical Sociology of Restorations. Leiden; Boston: Brill, 2023. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(3): 250–261 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.3.9>. EDN: IOMSMO

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Публикуются рукописи, как правило, нигде ранее не публиковавшиеся. Журнал принимает рукописи на русском или английском языках.

Плата за публикацию не взимается. Гонорары не выплачиваются.

Объем статей — не более 80 000 знаков (с пробелами).

Обзоры научных конференций и семинаров — не более 10 000 знаков (с пробелами).

Все остальные материалы — не более 40 000 знаков (с пробелами).

Каждая рукопись статьи должна быть снабжена **информацией об авторах на русском и английском языках**, включающей фамилию, имя и отчество, место учебы/работы, ученые степень и звание, адрес и телефон, адрес электронной почты, **ключевыми словами** (5–8 слов) и подробной **аннотацией на русском и английском языках** объемом 200–250 слов. Вся информация на английском языке помещается в конце статьи в отдельный **англоязычный блок**. Статьи принимаются в электронном виде, набор текста осуществляется в программе Word, используется шрифт Times New Roman, размер шрифта – 12. Статьи следует направлять по адресу: jssa@list.ru

Ссылки на источники даются по тексту в круглых скобках (фамилия автора, пробел, год, двоеточие, страница), а также в виде списка литературы в конце рукописи статьи в алфавитном порядке, начиная с источников на кириллице.

Если в статье есть источники на кириллице, то авторы предоставляют два списка источников: основной (**Литература**) и дополнительный (транслитерированный) (**References**).

Источники, не являющиеся научными (нормативные правовые акты, официальные статистические данные, материалы СМИ и т.п.), даются отдельным списком после основного списка литературы под заголовком **Источники** и в дополнительный список литературы (**References**) не включаются.

Web-страница журнала:

<http://www.jourssa.ru>

Адрес: Издательство «Интерсоцис». 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

Издательство Интерсоцис: +7 (812) 316 2496

E-mail: jssa@list.ru

The Journal of Sociology and Social Anthropology

An academic quarterly founded in 1998

The Journal accepts original manuscripts, which are not under consideration by another publication at the time of submission.

Papers can be written in Russian and English language.

Articles should not exceed:

- 12,000 words (for key presentations)
- 6,000 words for other articles and book reviews
- 1,200 words for conference information.

Submissions:

The manuscripts should be sent to jssa@list.ru. Notification of receipt will be sent by email to the author(s) at the address provided at the time of submission.

The author(s) should submit a file saved where possible in the Word for Windows format, font size — 12 pt. References should be placed at the end of the article.

A brief information about the author including: name and surname, current position, academic degrees, address, telephone number, E-mail address should be provided.

Journal Web-page: <http://www.jourssa.ru>

Contact address: Vladimir Kozlovskiy, The Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (SI RAS – FCTAS RAS).

Address: 7-ya Krasnoarmeyskaya str. 25/14, St. Petersburg, Russia, 190005

Telephone: +7 (812) 316 2496

E-mail: jssa@list.ru

«ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ»

доступен на Web-странице журнала: <http://www.jourssa.ru>

по адресу Научной электронной библиотеки:

https://elibrary.ru/title_about.asp?id=7800

Подписка на бумажную версию периодического издания производится по индивидуальному и корпоративному заказу.

Подписаться на журнал на 2024 г. можно в редакции.

Адрес: 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

Издательство «Интерсоцис».

Тел/факс: +7 (812) 316 2496

E-mail: jssa@list.ru

Web-страница журнала: <http://www.jourssa.ru>

Журнал социологии и социальной антропологии

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС 77-370030 от 30 июля 2009 г.

Учредители:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Адрес: Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Сайт: <https://www.fnisc.ru>

Фонд «Международный Фонд поддержки социогуманитарных исследований
и образовательных программ» (Фонд «Интерсоцис»)

Адрес: Россия 191186, г. Санкт-Петербург, ул. Гороховая, д. 20, литер В, пом. 4Н.

Сайт: <https://www.sociologynet.ru>

Главный редактор: В.В. Козловский

Научные редакторы: А.В. Тавровский, Р.Г. Браславский, М.В. Банкович

Оригинал-макет: Н.И. Пашковская

Периодическое издание «Журнал социологии и социальной антропологии» включено в базу РИНЦ, перечень ВАК — категория K1, индексируется в международной базе данных WoS RSCI

Права на материалы, опубликованные в «Журнале социологии и социальной антропологии», принадлежат редакции и авторам.

Публикации журнала не могут быть воспроизведены в любой форме без письменного разрешения редакции. Все права сохраняются.

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе с момента публикации

- на официальном сайте журнала: <https://www.jourssa.ru>
- на сайте РИНЦ: elibrary.ru/title_about_new.asp?id=7800

Издатель: Фонд «Международный Фонд поддержки социогуманитарных исследований и образовательных программ» (Фонд «Интерсоцис»)

Адрес издателя и редакции: 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

Сайт издателя: <https://www.sociologynet.ru>

Телефон издателя: +7 (812) 316-24-96

Электронная почта редакции: jssa@list.ru

Телефон редакции: +7 (812) 316-24-96

2024. Том 27. № 3. Дата выхода в свет 15.08.2024.

Формат бумаги 60×84 1/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15. Тираж 150 экз. Цена: Бесплатно. Заказ:

Отпечатано в ООО «Реноме»

Адрес: 192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40